

18+
Александр
Берендеев

Богданов

Вагнер

Веселовский

Трубиноски

Туляев

Дорофеева

Еремина

Загородний

Иванов

Калабухин

Книга

Кречмер

Криштул

Леценко

Маранин

Марышев

Морозова

Нестерова

Павлова

Пушкова

Резников

Рубинштейн

Рэйвен

Сандрова

Семироль

Сторонка

Странник

Табашников

Трускиновская

Фокин

Шерус

Шмидт

Царёв

Цуркан

Юрова

ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

сборник иронических
ужасов и мистики

Все оттенки черного

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-7
ББК 84-7
В84

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Все оттенки черного. — [б. м.] : Издательские решения, 2023. —
В84 336 с.
ISBN 978-5-0059-4902-8

Мертвые встали из могил и требуют равноправия. Колдуны проводят тайные обряды, чтоб получить налоговые вычеты. Терапевты со всей страны собрались на свой шабаш... Эти и другие страшные и смешные истории вы найдете на страницах нашего сборника.

УДК 82-7
ББК 84-7

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0059-4902-8

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

История черного юмора уходит корнями в далекое прошлое. В то самое время, когда человек только научился шутить, он понял, как это лучше делать. И оценил прелесть того жанра, что зовется низким, подвергается уничижению, а то и вовсе прямым или косвенным запретам. Ничего удивительного, ведь, черный юмор направлен на осмеяние сакральных основ и прежде всего смерти, болезни и богов, — всего того, перед чем благоговейт люди, и о чем боятся говорить неподобающим образом. И дело не столько и не только в обществе, вводящем патриархальные заветы и поддерживающие нерушимые традиции — в самом индивиде. Как ни крути, но страх перед неизбежным, перед могущим придти в любой момент и отнять самое дорогое и самых дорогих, пребывает с нами с того момента, как мы осознаем себя в этой жизни. Именно тогда мы понимаем, насколько она хрупка, ненадежна и недолговечна. А потому «молим богов в юдоли, из тех, что мы помним пока», как говорил Суинберн в переводе автора этих строк — желая продлить бренный свой удел и дойти до далекого предела существования избежав как можно большего числа хворей и неприятностей. Мы надеемся, что нас услышат, хотя и понимаем подсознательно, что говорим с пустотой. Но на то мы и люди, чтоб мыслить одно, а воспринимать иное. Наш разум не способен пребывать в плену реальности, он жаждет надежной опоры и гарантий своего существования, а вот где их взять? Только из него же. Неудивительно, что мы строим дивный новый или давно забытый мир из собственных иллюзий, желая или добраться до него или вернуться в него — поразительно прекрасный, волшебным образом успокаивающий одним своим явлением в нашем сознании.

Вот только временами оно, сознание наше, дает сбой. И чтоб защититься от глядящей на нас неотрывно бездны реаль-

ности, мы смеемся над ней. Смех тем силен, что имеет власть над всеми, возвышая смеющегося и уничижая объект насмешки. И в миг, когда мы смеемся над величиим неизбежного, бездна моргает, отступая. Иллюзия возвращается, нам снова хочется жить так, как мы о том мечтаем. Лишь временами задумываясь, почему мы хотим жить именно так.

В этот момент немногим из нас тоже хочется смеяться. Над той нелепицей, что дает нам силы существовать.

Это и есть черный юмор.

Авторы этого сборника отлично разбираются в тонкостях этого жанра. Судите сами, стоит лишь немного меньше прибавить жесткости и мрачности, и выйдет банальный юмористический рассказ. Переборщить с чернотой – и получится история, чей запредельный цинизм может граничить с пошлостью. Всего должно быть в меру, иначе пропадет тот тонкий флер притягательности мрачной иронии, что так притягивает читателей всех возрастов и рас. Авторы как кулинары, готовят тонкое, изысканное блюдо, которое, кстати, не всякий читатель осилит. Да и не всякий литератор подаст. Это как рыба фугу, способная убить в руках неумелого повара, но правильно приготовленная, готова доставить истинное наслаждение. Если, конечно, вы осмелитесь вступить с ней в схватку, вооружась только вилкой и ножом.

Составитель не стал разбивать сборник на части и главы, все тексты, перетекая один в другой, понесут вас от прошлого к возможному будущему, через дебри сказаний и сказок к историям неведомым и невероятным. Должен предупредить сразу, подавляющее большинство историй повествует о смерти, как о самом непостижимом и притягательном, самом табуированном и востребованном сюжете всех времен, начиная с самого Гильгамеша. Авторы рассказывают о делах мертвых в своем мире и в мире живых, куда они вдруг по какой-то им только ведомой надобности, заглянули. О преданиях далекой старины, где люди ровно так же, как мы с вами, радовались, смеялись и плакали, мучились и восторгались – и с тем сошли в небытие. А что происхо-

---

дило с ними там, в мире теней, это отдельная история, не раз и не два затронутая авторами сборника.

Еще вы найдете на этих страницах пересказы старых и новых преданий, хорошо вам знакомых по детским хрестоматиям и совершенно неизвестных. Истории из жизни, лишь чуть украшенные или с заметной примесью небыли. И конечно, прогнозы, быть может, даже правдивые, о том, что нас ждет или чего мы смогли-таки избежать.

Самые разные истории ждут вас в этом сборнике. Добро пожаловать!

Приятного вам чтения!

С уважением, Кирилл Берендеев

ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

АНДРЕЙ ЦАРЁВ. ХРАНИТЕЛЬ МИРА

В далекой-далекой стране жил-был человек. Каждые пять часов поднимал он гирю старых ходиков, дабы те не остановились. «Если ходики остановятся, – сказал ему когда-то дядя, – этого мира больше не будет».

Дядя завещал человеку большой дом, солидный счет в самом надежном банке и эту самую миссию – каждые пять часов поднимать гирю старых ходиков.

Так прошли долгие годы и десятилетия. В перерывах между поднятием гири человек спал, ходил в магазин, иногда в банк, и еще реже принимал гостей. У человека не было друзей. Родственники тоже редко навещали к нему. Да и как могло быть иначе у господина со столь ответственной миссией?

Ходики немножко спешили. Человек не подводил их. Три раза в год круг замыкался, ходики вновь показывали точное время, и тогда человек устраивал себе небольшой праздник, и даже пропускал стаканчик-другой виски. Но не больше. Потому что ровно через пять часов ему предстояло поднимать гирю.

Но однажды человек проспал. Просто проспал. Упало ли атмосферное давление, разыгрались ли магнитные бури на Солнце, не суть важно, но гиря ходиков опустилась на пол, и они остановились.

Проснувшись человек не знал, что и думать. Он попытался вновь завести ходики, но что-то сломалось в старом механизме, и они больше не хотели идти.

С горя человек опустошил бутылку виски и уснул. Во сне к нему явился призрак дяди.

«Тот мир, который надо было хранить, — сказал призрак, — больше не существует. Но природа не терпит пустоты, и теперь ты живешь в другом мире. И в этом другом мире ты уже не хранитель, а просто старый дурак, бездарно потративший жизнь, поверив в бредни другого старого дурака».

ИГОРЬ КНИГА. СИЛА ВЕРЫ

Хвала и слава Господу нашему,
не покинувшему в беде детей своих.
Не оставившему милостью и не отдавшему
на растерзание чудовищу.

Олав «Напутственная молитва»

Погожим августовским утром в лето от Рождества Христова 13**, когда крестьяне только-только привезли на рынок Арториуса сыр и свежее молоко, во дворе замка толпился пёстрый военный люд. Лучшие рыцари, копейщики и лучники откликнулись на зов Всемиловитейшего герцога нашего Уильяма Торстейна, чтобы поймать и посадить на цепь Чёрного дракона, наводящего ужас на деревни, пожирающего скот и сжигающего пламенем из чрева своего посева ячменя и пшеницы. До сегодняшнего дня Его Светлость не мог заняться этим важнейшим походом, потому как дела вынуждали ездить в столицу по монаршему зову. Мне, Альву, шестнадцати лет от роду, выпала честь увековечить славный поход на пергаменте, дабы потомки узнали о делах милорда.

Сын пекаря, я с ранних лет овладел грамотой и преуспел в каллиграфическом письме. Имя мне дали за чуть заостренные уши, которые могли стать для меня роковыми, ибо невежественные соседи не раз отправляли доносы, будто бы я навожу порчу на людей и скот. Но в судьбу мою вмешался Его Светлость герцог Торстейн, и уже второй год служу при нём летописцем. Ранее я ни в каких военных походах не участвовал, но именно мне выпала честь поставить точку в истории о драконе.

Чёрное чудовище часто видели рядом со Змеиными скалами, о которые разбивались холодные морские волны и нападения северных врагов герцогства нашего. Немало грозных норманнов, идущих войной, нашли здесь смерть свою, попав в пасть Великого морского змея или разбившись о каменную твердь. Море не раз выбрасывало на берег обломки мачт, куски

парусов и трупы свирепых воителей. Лишь самые отчаянные рыбаки рисковали отправляться на промысел, не забывая воздать молитвы Господу нашему.

Учёнейший брат епископ Олав благословил поход наш, но не примкнул к нему, сославшись на пошатнувшееся здоровье. Мне же он дал серебряное распятие и большой пучок священной травы лавии – общепризнанного и одобренного Церковью средства для отпугивания нечисти. Герцог не стал уговаривать епископа идти с нами, ибо отношения в последнее время между ними сильно испортились. Причина этого мне была не ведома. Ни герцог, ни епископ ничего об этом не сказывали. Лишь выражение лица Его Светлости свидетельствовало о крайнем недовольстве при появлении епископа. Его Святейшество при этом молчал и натянуто улыбался.

Осмотрев воинов, герцог вскочил на вороного коня, подаренного королем по случаю недавней годовщины свадьбы. Всемиловнейшая леди Анна помахала из окна алым шелковым платочком, посылая нам удачу и везение в трудном походе. Герцог выхватил из ножен сверкающий меч и поднял его над головой.

– Слава Торстейнам! – прокричали воины.

– Слава, слава, слава! – повторили слуги и жители.

Его Святейшество трижды осенил воинство крестным знаменем, укрепив дух наш. Несмотря на неприязнь герцога к епископу, у меня с Его Преосвященством были дружеские отношения. Не раз Олав давал дельные советы как друг, наставник и старший брат. И врачеватель он был отменный, приправляя лекарства молитвами Господу нашему.

Олав едва заметно подмигнул мне и показал взглядом на пучок чудодейственной травы, намекая, чтобы я не потерял грозное оружие против нечисти. Мог ли я тогда представить, что эта созданная самим Господом трава послужит ключом в борьбе против сил зла? Дух воинский, укрепленный молитвами и непререкаемым авторитетом герцога нашего многократно усилился.

Под крики толпы, стройные ряды воинов выплывали из ворот замка. Герцог сердито глянул на меня, и я поспешил последовать за солдатами. Мне, как самому молодому участнику славного похода, Его Светлость приказал следовать за солдатами, и ни при каких обстоятельствах не высовываться. В тот миг лишь один Господь ведал, вернусь ли я с честью, или сгину в пасти кровожадного чудовища.

Август выдался необычайно засушливый, дожди не размывали дороги, и наш отряд быстро продвигался вперед, распевая победные песни о богатой добыче и славе, ждущей впереди. Его Светлость предпочитал молчать, предаваясь размышлениям. Ещё никогда наше славное воинство не сражалось со столь грозным противником, парящем высоко в небе, не ведающем речи людской, одним дуновением сжигающим отряд конницы. Накануне похода я сумел выпросить на день у Олава священную книгу «О всепобеждающей силе веры в Господа против чудовищ огненных». И ночь просидел у свечи, прерывая чтение лишь на молитвы, уповая на везение и силу веры в Господа всемогущего.

Прохлада с моря взбодрила моё тело, лишь чудодейственная трава мешала просветлению мысли. Запах лавии вскоре стал совершенно невыносимым, у меня слезились глаза, а горло запершило кашлем. Уповая на военную мудрость герцога и невозможность чудовища застать нас врасплох, я спрятал чудо траву в дорожную сумку, болтавшуюся на моем худом плече.

— Альв, — обратился ко мне рыжеволосый здоровила копейщик Галахад, известный своим дебоширством в городских тавернах и жульничеством при игре в кости.

Я дружески кивнул в ответ, пытаясь сообразить, что пройдоха затеял на этот раз. Не раз Его Светлости приходилось «вытаскивать» копейщика из цепких лап разъярённых собутыльников, которых тот обманул. Лишь безграничная преданность герцогу, высочайшее ратное мастерство в битвах спасали Галахада от позорного наказания и изгнания со службы. Копейщик протянул мне мех, сильно пахнущий элем, но герцог как раз смотрел в нашу сторону.

— Галахад! — грозный окрик милорда заставил копейщика вздрогнуть. Лицо солдата мгновенно приняло ангельское выражение, а мех с элем вернулся на свое место, повиснув на широком плече.

— Мне не нужна пьяная армия, — назидательно произнес Торстейн. — Мне нужны победители.

Галахад смиренно вернулся в строй и дальше шёл молча, глядя только себе под ноги, пиная изредка попадавшие камни и сердито поглядывая в мою сторону, чего я старательно не замечал.

Чтобы добраться засветло, мы, по команде герцога, свернули с дороги и ускорили шаг. Порывистый ветер с моря задул вновь и на этот раз пригнал свинцовые тучи. Впервые за много дней в воздухе запахло крепким английским дождём. Чтобы подбодриться, солдаты затанули песню, а я принялся повторять два дня назад выученную молитву о прощении заблудшей души, покаявшейся в грехах своих.

До Змеиных скал мы добрались только к вечеру. Предстояло разбить лагерь и подкрепиться плотным ужином. Заходящее багровое солнце словно намекнуло на страшную опасность, уготованную нам в каменной гряде. Несколько раз сверкнула молния, закапал мелкий дождь. Прикрывшись плащом, я достал пергамент и стал подробно описывать начало похода, не забывая прославлять Господа нашего и Его Светлость, всемилостивейшего герцога Торстейна.

— Молодец, — дружески хлопнул меня по плечу неслышно подошедший герцог. — Наши потомки должны знать всё об этом великом походе. Время стирает из памяти события, и только пергамент хранит их дольше наших жизней. Когда вернёмся, передашь летопись Олаву, и пусть его бездельники монахи размножат твоё творение. А ты получишь от меня вознаграждение.

Несмотря на грубые манеры и жёсткость, а временами даже жестокость, у Его Милости была светлая голова. Природный ум его и сообразительность с лихвой компенсировали нехватку образования. Не зря король приглашал его на самые важные воен-

ные советы, предшествующие великим походам английской армии.

Похвала милорда вдохновила меня на дела литературные, хотя к стыду своему вынужден признаться, что ни одной книги я ещё не написал. Но как успокоил меня Олав, у всякого писателя свой литературный возраст. Сидя у костра, я и не заметил, как на землю опустилась ночь. Перед самым походом, Его Святейшество вручил мне книгу, над которой он трудился последний год, намекнув, чтобы я не показывал её герцогу. Пробежав глазами начало, я понял, что это история о двух братьях. Читать у костра её я не решился, но по возвращении обязательно ею займусь.

Герцог дал команду затушить все костры, и отряд двинулся к большой пещере, где, по рассказам крестьян мог прятаться дракон. Его Светлость спешился и шёл рядом со мной, поручив коня оруженосцу. Подъём в гору участил мое дыхание, каждым следующим шагом давался труднее предыдущего. При звуках из темноты сердце замирало от страха, а воображение рисовало огромное чудовище, извергающее пламя на нас. Вдобавок явилась багрово-красная луна, осветившая скалы и не предвещавшая ничего хорошего.

Пещера вынырнула совершенно неожиданно, дохнув дымным воздухом своей огромной чёрной пасти. Герцог отправил двух разведчиков внутрь, а мы тем временем начали разворачивать большую сеть, сплетённую из самых крепких веревок. Предстояло накинуть её на дракона, лишив чудовище возможности двигаться и пустить в ход свой длинный хвост и когтистые лапы. Никто и не предположил, что дракон, как и мы, не спит в эту ночь. Ни у кого и мысли не возникло, что именно сейчас он может вернуться в свое логово. Поэтому никто не смотрел в противоположную от пещеры сторону.

Лишь громкий кашель за спиной заставил меня вздрогнуть. Стоявший передо мной лучник обернулся, лицо его исказилось страхом. Солдаты бросили сеть и быстро образовали строй, закрывшись щитами и выставив вперед копья. Наверное, мне уже

надо было бежать, но страх сковал ноги и я продолжал стоять неподвижно. Вместо холодного ветра затылок мой обожгло горячее дыхание, я почувствовал запах, словно из огромной конюшни. Кляня себя за трусость, я всё же повернул голову и встретился взглядом с большими янтарно-жёлтыми глазами.

Вы когда-нибудь смотрели в глаза дракону? С трудом сгибая непослушные ноги, я стал пятиться к пещере. Видимо дракон в тот вечер плотно поужинал, иначе проглотил бы хлипкое тело моё, как мушку. Чудище разинуло страшную пасть и сладко зевнуло, после чего остатки моего боевого духа ушли в пятки, и я помчался, как быстрый весенний ветер, чуть касаясь ногами земли. И едва я забежал за строй солдат, как герцог взмахнул рукой, а лучники дали первый залп по чудовищу. Стрелы ударялись о толстую шкуру дракона и отскакивали, словно от скалы, издавая цокающие звуки. Даже брошенное Галахадом копье не произвело на чудище впечатления. Дракон понюхал дровко и легко, словно соломинку, сломал лапой.

Строй солдат отступал к пещере, лучники сыпали стрелами. Наши зажжённые факелы осветили вход в логово чудовища.

— Альв, хватай свои свитки и двигай вглубь, — прокричал мне на ухо Его Светлость.

Разъярённый дракон, переваливая тяжёлое тело, пошёл на нас, разинув ужасную пасть.

— Сомкнуть строй! — скомандовал герцог, ожидая извержение огня.

Чудовище громко заревело, подняв голову к небу. Медлить было нельзя, и мы быстро побежали по скальному коридору, ведомые теми самыми двумя разведчиками. Кто бы мог подумать, что логово такое огромное! Проход заметно сузился, наша армия перешла на шаг. Откуда-то повеяло запахом дыма, но в тот момент мы не придали этому значения. А зря! Олав всегда учил меня замечать мелкие детали и находить их взаимосвязь с событиями вокруг.

Каменный коридор неожиданно начал расширяться и вскоре, мы очутились внутри огромной ниши. При тусклом свете фа-

келов нашему взору предстали многочисленные раздробленные и обглоданные кости, разбросанные по полу. Жуткий смрад поверг меня в ужас, разум помутился, и я, покачнувшись, присел на большой камень. Ждёт ли нас участь этих несчастных, или нам суждено найти выход из смертельной западни?

Герцог толкнул сапогом одну из костей и громко рассмеялся.

– Испугались? Вот они пропавшие коровы!

Мысленно я от всей души поблагодарил Его Светлость за шутку в столь страшную минуту, разум мой начал выходить из оцепенения. Повсюду действительно валялись кости скота, преимущественно коров, но в некоторых угадывались бараньи.

– Как такой огромный дракон прошёл по узкому коридору?

На этот раз Его Светлость обращался непосредственно ко мне.

– Он использует магию и колдовство, милорд, – предположил я, уже справившись с волнением.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнёс герцог.

Ответом стал пронзительный рёв дракона.

– А если он не один? – предположил Его Светлость.

Значение этих слов мы поняли позже, а сейчас все думали только об одном: как выбраться из пещеры. Знакомый запах эля вывел меня из оцепенения. Даже в такой страшный для нас час пройдоха Галахад успел приложиться к меху и сидел с довольным видом, прислонившись спиной к камню. Герцог не обратил на него ни малейшего внимания, нервно меряя шагами каменный пол.

– Будешь? – тихо спросил копейщик.

Я сделал большой глоток.

– Не стесняйся, тут все свои, – подбодрил меня рыжеволосый.

Во второй раз я приложился к меху как следует, и действительно стало лучше. Страх и беспомощность против грозной драконьей магии ушли, наступило время осмысления нашей тяжёлой участи.

– Что же делать? – спросил я.

— А ничего, — ответил копейщик, сделав большой глоток. — Нужно просто подождать — может, он заснёт или улетит. Вот тогда мы и покажем, что умеют настоящие англичане!

Каждая следующая порция целебного напитка уменьшала страх, и придавала храбрости, мне стало жарко, словно от огромного костра. Серебряное распятие на груди заиграло отблеском факелов, подсказывая решение. И я понял: слово, слово божье! Вот то, что поможет нам победить огромное чудовище. Осмелев, взял в одну руку пучок лавии, в другую распятие, и двинулся по коридору пещеры. Поначалу никто не обратил на меня внимания.

Чудовище мирно дремало у входа, но, услышав шаги, подняло голову. Два огромных жёлтых глаза загорелись во мраке, изучая странное приближающееся существо с пучком травы и серебряным крестом. Несокрушимая вера в Господа придала сил, и я подошел к дракону вплотную.

— Изыди мерзкое чудовище! Вернись назад в свой мир тьмы и проклятия. Славен и всемогущ Господь наш, не бросит он в беде детей своих. И да поможет победить врагов наших. Аминь! — я трижды перекрестил дракона серебряным распятием.

После такого знамения любой демон просто обязан был с воплем испариться. Но не этот. Чудовище несколько раз моргнуло, вытянуло шею, принялось и приблизило голову к моей руке. Огромный шершавый язык выхватил из ладони пучок лавии, мгновенно исчезнувший в большой пасти. Дракон сочно прожевал волшебную траву и довольно хрюкнул, легонько потёршись головой о мое плечо. В этот момент вся предыдущая храбрость выветрилась вместе с элем, я боялся пошевелиться.

— Так я и думал! — прозвучал позади возглас герцога.

Солдаты изумлённо смотрели на дракона, спокойно лежавшего рядом со мной и не проявлявшего ни малейших признаков враждебности.

Торстейн подошёл к дракону и провёл ладонью по костяному гребню на шее:

— Этот зверь совсем не опасен, а вот...

Не успел Его Светлость договорить, как снаружи пещеры прошуршали крадущиеся шаги. По команде герцога солдаты погасили факелы, и мы притаились за большими камнями по обе стороны пещеры. Осторожно ступая, вошёл человек в монашеской рясе с опущенным капюшоном. Дракон вытянул шею и принялся обнюхивать незнакомца.

– Проголодался, Магнус? – вошедший погладил чудовище и бросил на пол большой мешок. По знаку герцога двое солдат выскочили из-за камня и схватили незнакомца. При свете вновь зажжённых факелов мы увидели лицо чужака, заросшее щетиной, изъеденное глубокими шрамами. А на лбу «красовалось» клеймо каторжанина. Милорд вынул меч и приставил острие к горлу разбойника:

– Это ты угонял скот и жёг посевы? Отвечай!

Незнакомец испуганно заморгал глазами и упал на колени.

– Ваша Милость, пощадите!

Лицо каторжанина исказилось от страха, из глаз закапали слёзы.

– Вздёрнуть его, – коротко приказал герцог.

Солдаты потащили разбойника к выходу.

– Ва-а-а-ша Ми-и-и-лость! Я не мог иначе, меня вынудили! – донёсся жалобный всхлип. Герцог сделал солдатам знак остановиться и подошёл к разбойнику.

– Кто?

– А вы сохраните мне жизнь? – жалобно проскулил незнакомец.

– Слово Торстейна, но ты вернешься назад на каторгу.

– Я не знаю этого человека, – начала рассказ разбойник. – Он нашёл моё укрытие и под страхом выдачи властям заставил выполнять эту грязную работу. А ведь мне совсем этого не хотелось. Ваша Милость – поверьте!

Герцог дал мне знак записывать, всё, что скажет разбойник. Я достал чистый пергамент и весь обратился в слух.

Чем больше каторжник говорил, чем больше выкладывал подробностей о таинственном человеке в чёрном, тем страшнее

мне становилось. Черты его оказались слишком узнаваемы, вёл он себя, будто... Взгляд мой встретился с взглядом герцога: глаза Его Светлости говорили то же самое.

После такого признания, я не мог произнести ни слова, будто на голову вылили воды с кусками льда. Вся моя вера, всё то доброе и хорошее, что я получил от наставника, в один миг пошатнулись, и с грохотом обрушились. Поверить в такое невозможно, изнутри меня приготовился вырваться голос протеста лживому обвинению.

Словно в доказательство моих мыслей, небеса разгневались и разверзлись бурей с ливнем и шквальным ветром. Поэтому ночь наше войско провело в пещере, пережидая разбушевавшуюся непогоду. Пересиливая страх, солдаты подходили к чудовищу, касались его толстой шкуры, не веря глазам своим — ведь не каждый день удаётся видеть настоящего дракона, да ещё и такого миролюбивого. И у многих эти воспоминания останутся на всю жизнь, будут передаваться из поколения в поколение, как чудесная сказка.

Всё это время я сидел рядышком, прислонившись спиной к тёплому боку Магнуса, записывая детали похода, чему помогала цепкая память. Душа обливалась кровью, в голове никак не укладывалось, что Его Святейшество мог ступить на преступный путь, очернив светлое имя служителя Церкви. Теперь лишь архиепископ и сам Господь смогут определить его вину и дальнейшую участь, что страшило меня ещё больше. Так в тяжких раздумьях и воспоминаниях, я провёл ночь, изредка подбрасывая сучья в костёр, слушая тихий храп дракона. Благо, каторжник запасся топливом на всю зиму, которую ему придётся провести совсем в другом месте.

Поутру чудовище покорно дало застегнуть на себе кожаный ошейник с гербом Торстейнов, искусно сшитый ночью слугой герцога. Дракон с удовольствием пожевал лавии, но половину чудо травы я приберёг — впереди долгая дорога, неизвестно как поведёт себя чудовище в пути. И едва солнце позолотило скалы, наш отряд выступил. За колонной солдат вели разбойника

с крепко связанными за спиной руками. Следом, переступая огромными когтистыми лапами, лениво шагал дракон, ведомый мною за толстую веревку.

Я усердно гнал мысль, что чудище одним неосторожным движением головы может зашвырнуть меня до самого моря, моля Господа укрепить дух мой и тело, дабы я смог привести дракона в Арториус. Трудно было поверить, что дракон оказался не опаснее коровы, никого не проглотил и никакого огня не извергал. Даже стрелы и копья не вынудили его показать свою коварную сущность, что ставило под сомнение все прочтённые мною книги о драконах. Может Магнус один такой, а остальные драконы действительно коварные и кровожадные? О том мне ведомо не было и приходилось верить лишь глазам своим, уповать на силу молитв, серебряного распятия и магического действие лавии.

При подходе к Арториусу жители выбежали нам навстречу с громким ликованием. Дети хихикали, показывали на Магнуса пальчиками, но пугливо прятались за спинами матерей. Мужчины потрясли кулаками и благодарили герцога за избавление от чудовища. Собаки истошно лаяли, пытаясь укусить Магнуса, солдатам приходилось отгонять их копьями. Но особенно эффектно смотрелся я, ведущий на поводке чёрное чудище, мерившее огромными глазами пёструю толпу горожан. В тот день отец мой как никогда гордился мной, а мать устроила вечером праздничный ужин, зажарив утку с яблоками.

У самого замка нас встретила Всемиловитейшая леди Анна, чуть ранее получившая добрую весть от гонца. Солдаты выстроились рядами, рыцари развернули алые стяги с перекрещивающимися мечами — герб славного рода Торстейнов. И под приветственные крики собравшейся толпы горожан мы с Магнусом вошли во двор замка. Дракон спокойно слушал громкий глас народа и даже, как мне показалось, пытался что-то прореветь в ответ. Но тёплая погода и долгий путь, проделанный нами, утомили крылатого путника. Он несколько раз зевнул, разглядывая двор замка и явно ища место, где бы прилечь. Тотчас по приказу

милорда была выделена одна из больших конюшен, ныне пустовавшая. Магнусу быстро подготовили большой стог сена, чему он несказанно обрадовался. Поев и выпив несколько вёдер воды, дракон прилёг и уснул.

Но в тот момент меня больше беспокоило другое: как Олав оправдается за свершённые злодеяния и свершал ли он их? Похоже, переживал не я один, слуги герцога уже искали Его Святейшество. Но тщетно. Монахи сообщили, что с вечера епископ седлал коня, взял запас провизии и ускакал, не сообщив, куда поехал и когда вернётся. Поговаривали, что епископ отправился далеко на север, где не распространялась власть короля нашего Эдуарда.

По прошествии трёх дней после описанных мною событий нам прислали нового священника по имени Томас. Большой и грузный, с вечной улыбкой, любитель эля и хорошо приготовленной телятины, святой отец быстро нашёл общий язык с герцогом, чего не получилось со мной. Томаса мало интересовали науки и ремёсла, к которым имел тягу я и мой прежний наставник Олав. Временами мне даже казалось, что у епископа проглядывает откровенная неприязнь к престолюдинам.

А по окрестным селениям прошел слух, что один взгляд Чёрного дракона даёт силу воина новорождённым. Многие матери захотели укрепить боевой дух чад своих, ибо нет англичанина, не мечтающего о воинской славе. Ведь это у нас со времён доблестного короля Арториуса, чьим именем нарекли город. Люд шёл к нам с рассвета и до заката, что сильно утомляло Магнуса и не давало мне возможности заниматься другими делами. Поэтому Его Светлость своим указом определил лишь один день — воскресенье, чему я весьма обрадовался. А чтобы дракон не был нахлебником, герцог установил плату с каждого, кто его касался.

Ранним воскресным утром я выводил Магнуса во двор, заполненный женщинами с маленькими детьми на руках. Томас благословлял всех, говоря, что дракон такая же божья тварь, как и мы. Магнус внимательно слушал его, словно внимал каждому слову, и моргал огромными жёлтыми глазами, с аппетитом пере-

жёвывая лавию. Для засева чудо травой Его Светлость выделил из своих угодий большое поле, дабы наш дракон не испытывал нужды в любимом лакомстве.

Вскоре в замке побывали сам король и архиепископ. После некоторых раздумий, с согласия Его Величества, Его Святейшество разрешил крестить Магнуса. Мне в этом показалось мудрое стратегическое решение: враги наши сильно призадумаются, прежде чем напасть на славную Англию. И да убоятся враждебные силы мощи войска нашего, укреплённого молитвами и силой Чёрного дракона!

Крещение Магнуса не могло остаться незамеченным в терзаемой набегами кочевников Европе. В Арториус прибыло много посланцев, попутно надеясь решить некоторые вопросы военного союза с герцогом. Даже воинственные норманны поспешили заключить перемирие.

А Чёрный дракон получил новое имя – Якоб, что не мешало мне продолжать называть его Магнусом. Герцог Торстейн добавил изображение дракона на свой фамильный герб, а меня, в качестве обещанной награды, назначили смотрителем крылатого чудовища и личным советником Его Светлости. По правде сказать, я, как и многие арторианцы, мечтал совсем о другом, но хорошо усвоил наставление Олава: носить меч может каждый, но не каждый способен стать рыцарем.

По прошествии двух недель после описанных событий я вспомнил о книге Олава. Начав читать вечером, не смог оторваться и просидел до восхода солнца. События, описанные в книге, всколыхнули моё сознание, а герои произведения имели примечательное сходство с ныне живущими в Арториусе.

Их было двое. Два брата, один из которых незаконнорождённый. Старшему досталось всё: герцогский титул, замок, земли, воинство. И едва достигнув совершеннолетия, он отослал младшего в одну из отдалённых деревень владений. Но тот не стал засиживаться в тесной крестьянской избе, а отправился путешествовать. После множества опасных приключений, долгих скитаний по Европе, он попал в монастырь, где получил об-

---

разование и посвятил себя служению Господу нашему. А вернувшись через много лет, стал епископом.

Вот почему Его Святейшество просил, чтобы я не показывал книгу герцогу. Уж очень сильно схожи герои этой истории с Уильямом и Олавом, хотя у Его Светлости есть ещё двоюродный брат, входящий в Военный Совет герцогства. Притеснения и унижения, испытанные младшим в детстве и юности, прорвались через много лет наружу, превратившись в злобу. Не смог бывший изгнанник победить в себе низменное, встав на путь мщеника. Но почему он сделал это с помощью Чёрного дракона? Мне этого уже не понять, как и многих деяний человеческих, несовместимых с божественным.

Зато я в полной мере осознал, что добро и вера в Господа нашего является всепобеждающим и самым сильным оружием в борьбе со злом. Ведь где-то, в какой-то момент любой человек может свернуть с пути истинного и поддаться подлой жажде мести. Лишь твёрдость духа и вера истинная способны остановить его, не дать тьме возобладать на светом в душе. И я всегда буду чтить Олава как своего первого и потому самого лучшего учителя и наставника. А книгу буду бережно хранить и завещаю потомкам своим, дабы помнили они, как велика сила тьмы, как легко сбиться с пути истинного. Пусть это послужит им хорошим уроком, а вера в Господа нашего укрепит их тело и дух.

Аминь.

ЮРИЙ ТАБАШНИКОВ. ПАДШИЙ

Бывает, что попадаешь неожиданно — возможно, раз в жизни — в такие ситуации, из которых просто нет никакого выхода. До сих пор никто, ни один учёный или выдающий себя за такого, ни один алхимик или волшебник так и не смог внятно объяснить, кто же и зачем ткёт хитрую паутину из случаев и событий, в которую так легко угодить, а выбраться из неё уже нет никакой возможности.

Клаус, крепкий высокий парняга с взъерошенной каштанового цвета шевелюрой и разодранной в недавней свалке одежды, с типично крупным швабским носом и вдобавок с петлёй на шее стоял над смертельной ловушкой. Деревянные створки колодца эшафота обозначились под ногами строгими, отполированными многочисленными смертями линиями. Устало и уже без всякого страха смотрел он на толпу горожан, собравшуюся на площади недавно отстроенного после погрома, что учинили солдаты Валленштейна, небольшого городка.

О-о-о, сколько же их набежало на представление! Шумно, радостно и весело приветствовали они неожиданный праздник, разряженные в лучшие одежды, что у них были. Мужчины — в шляпы и камзолы. Женщины красовались в разноцветных чепцах, корсетах, широких юбках и туфельках опять же разных цветов. А дети... Им хватало для счастья рваных курточек и штанов...

Народ восторженно ревел, оттиснутый от помоста жидким строем стражников в металлических касках и с алебардами. Ведь сегодня казнили не кого-то, а самого Клауса Бернштайна, грозу ночных улиц и дорог! Даже священник в сутане и магистратор, зачитавший приговор, остались вопреки обычному и тоже ждали продолжения представления, холодно смотря на него и переговариваясь с улыбками о чём-то, что совсем уж не касалось казни.

Приговорённый к смерти давно перестал увёртываться от всего того, что швыряли в него горожане. На теле не осталось живого места, оно превратилось под одеждой в сплошной синяк. Ладно бы в такую лёгкую цель летели лишь гнилые фрукты и навоз, так нет же, изредка попадался метко пущенный кусок кирпича или камень, выковырянный из мостовой. И ведь удивительное дело: по крайней мере треть собравшихся Клаус хорошо знал, а многих считал своими приятелями и близкими знакомыми.

В первых рядах подпрыгивал от переполнявшего восторга мальчишка Эдигера, в своих сто раз заплатанных сереньких

штанишках. Радостный, как в новогоднюю ночь. А ведь он, Клаус, столько раз помогал ему, делясь с ним последней едой или выковыривая из кармана невесть как сохранившуюся там монету.

Или вон старик Гордон, лентяй, какого свет не видывал, рот открыл от предвкушения того, как его бескорыстного покровителя и многолетнего защитника на его глазах вздёрнут на виселице. И ведь в глазах-то не заметно и капли сострадания.

Чуть в стороне от остальных собрались дамы с вполне известной репутацией. Со многими из них он был, да притом не раз, и оказывался настолько хорош при этом, что они клялись ему в любви в страстные минуты тёмных ночей, в те времена, когда попадался хороший улов. А теперь – вот же незадача – все смеялись и показывали на него пальцами.

– Пора, пора, ведь приговор зачитали! Господа палачи, давайте скорее, приступайте, сколько же можно ждать! Я хочу посмотреть, как у него встанет. Говорят, у висельников он встаёт сам собой. А у Клауса дубина ещё та! – закричала, едва не сорвав голос, белокурая красавица Грета, вдова патера. В свои двадцать пять она, как говорили злые языки, уже не удовлетворялась жителями собственно самого городка, и переспала на ярмарках, опять же по мнению более зрелых кумушек, со всей округой.

– Вздёрните его! – весело и звонко поддержали её товарищи. – Мы тоже хотим посмотреть!

– Поторопись, палач! – заревела, завыла и загоготала толпа.

– Смерть Клаусу! – в восторге заныл и заплакал от счастья захваченный общим настроением сын Эдигера и снова что-то бросил в пойманного разбойника.

– Пора, Клаус, пора. Народ требует. Передай подружке с козой привет от меня. Скажи Смерти, что я успею порадовать её ещё не одним прохвостом, – ухмыльнулся небольшого роста рыжий с веснушками Петер. Он даже капюшон не постарался накинуть, а ведь они не раз выпивали вместе и не один раз сносил тот на своей толстой шкуре проказы приговорённого. Ух-

мелькнул же напоследок старый приятель широко и зло, показав в улыбке гнилые зубы, и дёрнул за рычаг.

— О-о-о-о-х, — простонала толпа.

— О-о-о-о-ох, — шумно взлетела над черепичными крышами большая стая голубей.

А под ногами Клауса разверзлась бездна, куда он тяжело и грузно ухнул всем весом.

Так как руки за спиной у мужчины были связаны, у охваченного паникой тела и мозга вся надежда оставалась на ноги. Клаус засучил ими и замолотил по пустоте. Он словно принялся танцевать дикий и никому не известный танец, исполненный в капле воды, где все движения ограничены и стенки кругом до того крепкие и скользкие, что Клауса неизменно отбрасывало назад с каждого с таким трудом отвоёванного сантиметра.

И ещё. У танца был запах. Запах танца.

Язык казнённого вывалился наружу, глаза выкатились из орбит. Клаус захрипел, ведь ему очень не хватало воздуха. А воздух был так ему нужен. Он так хотел вдохнуть хоть немного его внутрь себя!

Пока он отплясывал, в глазах всё больше и больше темнело.

И вдруг Клаус понял, что его член без всяких там эротических фантазий поднялся. От головы отхлынула кровь, и вся она устремилась вниз тела. Его естество так набухло, налитое притоком перенаправленной крови, что едва не разорвало штанину.

— Ого! — восторженно закричала Грета. — Вы только посмотрите на него!

А Клаус провалился в темноту. И через секунду ощутил, что руки снова стали свободными. Открыл глаза и обнаружил, что стоит где-то в неизвестной точке бесконечного пространства, наполненного светом.

Там, куда он попал, не было больше ничего и никого, кроме него самого и ещё... кого-то.

Неизвестный, огромный и величественный, восседал на гигантском троне. Всё тело незнакомца закрывал яркий свет, из которого по краям вытягивались длинные перья. С одной сто-

---

роны они оказались на удивление белоснежными, но с другой чёрными как сажа.

– Привет, Клаус, – произнёсло существо на троне вроде как негромко, но так, что слова проникли глубоко в сознание. Невольно человек ощутил неведомый раньше трепет в душе.

– Привет, – прохрипел в ответ преступник и вдруг с удивлением обнаружил, что и верёвки, только что сжимавшей шею, тоже нет.

– Как там горожане? – почему-то первым делом поинтересовался Свет с крыльями.

– Беснуются, – честно ответил Клаус. – Радуются, совсем как дети. Так радуются, как я никогда не видел. Как будто попали на праздник.

– Их можно понять, – заметил Свет. – У них ведь совершенно нет никаких развлечений. Жизнь трудна, тяжела и быстро заканчивается. Нужно же как-то снимать стресс.

Разбойник совершенно не знал, что означает слово «стресс», но поспешил согласиться:

– Конечно, надо иногда и расслабиться. Мне и не жалко совсем, пусть смотрят.

– Я много слышал о тебе, Клаус. И много знаю о тебе, – строго произнесло неведомое создание.

– И? – замер Клаус.

– Очень много всего. Больше плохого, чем хорошего.

– Меня могли оговорить. Все люди такие. И потом не всё, что мы считаем злом, может оказаться таковым при более близком рассмотрении. Иногда зло и есть добро.

– Что ты имеешь в виду? – с заметным удивлением спросил судья.

– Ну вот, например, если я граблю заезжего богатея, не нашего, и раздаю большую часть денег для семей нуждающихся – этот поступок засчитывается как недобрый?

– Хм... Но он же жалуется нам на тебя через тех, кто представляет нас на Земле. Впрочем, засчитывается. А как насчёт убийств?

– Во всех случаях, монсеньор, на меня нападали первыми и мне приходилось защищать жизнь. Поэтому всё выходило... как бы случайно. Ведь так должен действовать любой христианин, если он находится в здравом уме, не так ли?

На некоторое время высшее создание задумалось. А потом громогласно объявило:

– Признаю, что благодаря найденным тобой аргументам возникла дилемма. Попробуем, Клаус из Шомбурга, разобраться в ситуации при помощи весов.

Внезапно перед человеком возникли большие золотые весы. Ничто их не удерживало, они ни на что не опирались, но, тем не менее, без всякой опоры висели в воздухе напротив его груди. Обе чашечки застыли в одном положении, одна напротив другой. Ни одна не перевешивала другую.

Они показались Клаусу настолько красивыми, покрытые волшебной изящной резьбой, что попадись они ему внизу, среди людей, он ни на секунду не задумался бы перед тем, чтобы украсть их.

– Вот видишь, о чём я тебе и говорил, – продолжил его могущественный судья. – В одной чашечке находятся твои добрые поступки, в другой то, чего ты не должен был делать. И на данный момент они совершенно одинаковы по весу.

Вдруг чашечки весов закачались и один край немного опустился, а другой поднялся. Что перевесило – зло или добро?

Ангел так и сказал:

– Что же перевесило? Клаус, знаешь, что перевесило?

– Что, монсеньор?

– Не поверишь. Твоя мученическая смерть. Получается, что тебе пока рано уходить.

Он щёлкнул где-то внутри своего светового круга пальцами. Хоп!

Верёвка на шее повешенного лопнула, и тело мешком повалилось на землю. Ничто не мешало увидеть собравшимся на площади горожанам, как упал с виселицы вор Клаус, ведь страшный помост был снизу открытым для обзора и держался

на толстых деревянных квадратных опорах, потемневшим от времени и крови.

С другой стороны, ничто теперь не мешало и Клаусу увидеть лица окружающих. Он с трудом встал на колени и обвёл взглядом толпу.

Стражники смотрели на него и только на него, не в силах вымолвить ни слова. Молчали и остальные, и их лица выдавали ту бурю эмоций, что бушевала внутри — страх, изумление, ужас.

— Меня помиловали. Там, на небесах, — с трудом, словно оправдывая своё возвращение, прохрипел Клаус.

— Смерть Клаусу-преступнику, — глядя в лицо вернувшемуся с того света человеку неуверенно прошептал сын Эдигера, явно рассчитывая на поддержку в этом вопросе окруживших его взрослых горожан.

Кто-то в толпе услышал Клауса и поддержал его:

— Его помиловали на небесах! Повешенному, вернувшемуся к нам с того света — помилование! Так сказано в древних летописях!

— Решение городского совета должно быть выполнено при любых условиях, — тихо и неуверенно произнёс толстый, маленький и лысый магистратор, тот, что недавно зачитывал приговор.

Кто-то грубо схватил Клауса за шиворот и потащил вверх на эшафот по ступенькам.

Петер не терял времени даром. Как только понял, что произошла накладка, закрыл створки, а через балку перебросил новую верёвку с петлёй. Лицо его перекошилось:

— Никто ещё не уходил от меня живым, Клаус! И тебе не судьба. Скажи мне только... Какой на вкус поцелуй смерти?

— Отпусти его, Петер, — нерешительно сказала какая-то совершенно невзрачная сухонькая старушка, одетая в ворох выцветших лохмотьев. — Его же помиловал сам Бог!

— Никто не уходил из моих рук, и этот мошенник не уйдёт! — неожиданно, совсем как разъярённый бык, заревел палач, да ещё так громко, как никто не мог ожидать от него, такого невысокого и неказистого.

Клаус захотел ударить его в лицо, но руки-то его по-прежнему были связаны за спиной.

— Но он может купить себе целую минуту жизни! Я всегда хотел узнать. Я всегда хотел узнать. Скажи мне, какой на вкус поцелуй смерти. Ведь ты единственный, кто ходил на ту сторону и вернулся назад.

— Ты сам когда-либо узнаешь, без моей помощи, — улыбнулся ему Клаус, и тут же палач в гневе дёрнул за рычаг.

Створки снова открылись, и разбойник повис на верёвке. Сил у него оставалось мало, поэтому и танцевал он в воздухе ногами совсем недолго. Клаус только успел услышать, как тихо, среди полной тишины произнесла Грета:

— Смотрите, у него опять встал. Да ещё как...

И тут же умер.

А мигом позже перенёсся в уже знакомое место. Он снова стоял перед тронном и весами.

— Опять ты, Клаус? — удивилось всемогущее создание на троне. — Я ведь отпустил тебя, смертный!

— Но они снова меня повесили, монсеньор.

— Хм... Понятно. Свобода, значит, выбора. Зря мы её вам дали... А зрители? Как отнеслись к этому те люди, что собрались на площади? Ведь они видели чудо. Чудо, что сотворил не ты, а я.

— На этот раз они разделились во мнении: одни говорили, что я должен умереть, другие же засомневались в правильности содеянного и просили подарить мне жизнь.

— Весьма любопытно, Клаус, весьма любопытно. А ты сказал, что это именно я тебя отпустил?

— Конечно. Разве в таких случаях станешь молчать?

Та чаша, что уже перевешивала другую, с грехами, дрогнула и опустилась ещё ниже.

— Я недоволен, Клаус. И по-прежнему считаю, что твоё время ещё не пришло.

Он снова щёлкнул пальцами в своём круге света, куда не мог проникнуть взор человека, и несчастный опять переместился на Землю. На то самое место.

Он хрипел и плевался, пытаясь встать. На груди висело уже две оборванные верёвки, а шею захлёстывали две петли.

Теперь зрители смотрели на него не с растерянностью и изумлением, а с самым настоящим страхом и ужасом.

— Он вернулся. Клаус снова вернулся, — прошептал магистратор.

— Он вернулся!

— Отпустите Клауса!

— Отпустите Клауса, как велит Бог!

Толпа зашумела, заволновалась и начала напирать на стражников. Они пытались сдержать ее, хотя уже и сами не испытывали никакого желания ввязаться в столь пугающую историю. А люди кричали и всё больше теснили их:

— Отпустите Клауса!

— Никогда, — поднял рывком на ноги Клауса рыжий палач.

— Бог отпустил меня! Он помиловал меня и сказал, что я должен жить! — громко закричал человек с двумя петлями на шее, и его клич тут же подхватили многие из тех, кто собрались, уже нисколько не скрываясь:

— Бог простил Клауса!

— Бог помиловал его!

Петер схватил Клауса за волосы и потащил его по ступеням. То, что он сделал, было очень больно. Никогда раньше коротышка, всю жизнь боявшийся его, Клауса, не осмеливался на такую дерзость. Эх, были бы только у него сейчас развязаны руки, он бы ему показал!

— Ты не уйдёшь от меня, — палач заставил выпрямиться приговорённого и сорвал с шеи остатки от прежних попыток — куски верёвок, переходящие в петли. На местах удушения, на коже остались кроваво-синие рубцы.

Петер накиннул на шею Клауса новую петлю.

— Ты нигде не скроешься от наказания! Скажи мне, скажи мне, Клаус, какой вкус у поцелуя смерти? Ты же это знаешь, ты должен знать!

— Я знаю, Петер, один на всём белом свете, — устало признался вор и разбойник.

— Так скажи же!

— Никогда!

— Будь ты проклят, Клаус, будь ты проклят! — взревел в ярости палач, и створки в третий раз опять разошлись.

Клаусу удалось зацепиться за них ногой, но палач больно ударил по ней, и казненный тяжело обвис на верёвке.

— У него всё время стоит! Посмотрите! Всё время стоит! Он так хочет жить! Помилуйте же Клауса, и я подарю ему свою любовь! Подарю настолько сладкую ночь, что он ее никогда не забудет! — услышал он крик Греты.

И опять умер.

— Как? Это ты? В какой раз? — с заметным раздражением поинтересовался ангел.

— А что я могу поделать? Они снова повесили меня, монсеньор.

— А моя воля?

— У них оказалось слишком много своей.

— Ну а народ? Народ, что там был?

— Народ изменился, милорд. Неистовствует и требует, чтобы меня отпустили.

— Клаус... — с непередаваемым теплом и состраданием произнесло светящееся существо и встало. Оно оказалось таким огромным, что приходилось задирать голову, чтобы смотреть на него хотя бы снизу вверх. Оно было таким широким, что закрыло собой весь остальной мир. — Клаус, хочешь, я немедленно пошлю камнепад, и все они погибнут.

— Не надо, не надо, монсеньор.

— Тогда я вышлю ужасающий мор, и никто не выживет.

— Прошу тебя не делать этого.

— У тебя такое доброе сердце, Клаус... — Гигантские невидимые руки обняли бывшего вора и разбойника и прижали к чему-то тёплому и мягкому, совсем такому же, как тело матери, когда он в нём нуждался, будучи младенцем. От небесного создания

исходило такое сострадание и любовь, что Клаус хотел прижаться к нему всё сильнее и сильнее.

Но объятия почему-то разжались.

— Я люблю тебя, Клаус, — мягко сказал ангел, — и открываю для тебя путь на небо. Нарекаю иным именем. Теперь ты не Клаус, теперь тебя зовут Амаил.

Клаус вдруг почувствовал приятный зуд между лопатками: в том месте, откуда появились и начали расти крылья.

— Ты слишком много страдал, Амаил, и все предали тебя. Путь наверх для тебя открыт.

За тронем неожиданно образовалась самая настоящая светящаяся дорога, уходящая далеко-далеко ввысь.

— Одну минуточку! — сказал Клаус.

Он отвернулся и легко перешагнул через невидимый барьер, разделявший мир людей и то место, где он только что побывал.

Он снова лежал и хрипел под подмостками эшафота.

— Клаус опять вернулся... — едва слышно, с ужасом прошептал кто-то в полной тишине. — Четвёртый раз.

Люди вокруг оцепенели. А Клаус, он же Амаил, встал и принялся расти. Когда вымахал больше трёх метров, то обратился в красивого юношу в белых ниспадающих одеждах и с большими белыми, развёрнутыми за спиной крыльями. Неторопливо поднялся по ступеням и подошёл к палачу:

— Ты хотел, Петер, узнать, что чувствуешь, когда смерть целует тебя? Вдохни запах танца с ней!

Палач, не в силах вымолвить ни слова, лишь кивнул головой. А Клаус обхватил его голову обеими руками.

— Она у меня на губах, — прошептал он так, что его услышали все, кто находился на площади. А потом приблизился к своему убийце и поцеловал его в губы.

От жаркого поцелуя его кожа и кожа Петера посыпалась вниз золотым дождём. Лицо Клауса, по мере того как поцелуй затягивался, всё вытягивалось и вытягивалось, превращаясь в хищную демоническую морду. Руки обратились в лапы, тело покрыла чешуя, а за спиной белые крылья изменили свой цвет на чёрный.

Клаус ещё немного подержал в руках череп палача — всё, что осталось после того от поцелуя — и отбросил его прочь.

Со стуком упал тот на верхнюю ступеньку и запрыгал по остальным, пока не докатился до ног ближайшего стражника, что в ужасе отпрыгнул от него.

Толпа в едином стоне выдохнула из себя совершенно дикий страх. Может, так и должно происходить с теми мужчинами, кто, попирая все заповеди, вздумают прикасаться к подобным себе с греховными мыслями?

А Амаил повернул голову, ища кого-то горящими адским огнём красными выпученными глазами. То, что осталось от Клауса, ощутило, как невероятно огромное естество между ног налилось кровью и вздыбилось, раздвигая ниспадающие створки теперь уже чёрной хламиды.

Он нашёл ту, что искал, и улыбнулся красивой блондинке, застывшей в ужасе среди подруг:

— Грета, детка моя, как я мог забыть про тебя и твоё обещание?

АЛЕКСАНДР ГУЛЯЕВ. ХОЛМС ПРОТИВ ПОТРОШИТЕЛЯ

— Итак, Ватсон перед нами... труп. Он, вне всякого сомнения, умер насильственной смертью. Кроме того, он — это явно она. А она по роду деятельности в недалёком прошлом работала проституткой.

И Холмс, как всегда, с явным превосходством посмотрел на меня. Признаться, «дедукция» моего друга сегодня уже начала чертовски раздражать. Кто бы мог подумать, что труп убитой проститутки — на самом деле, труп убитой проститутки?! Видимо, наш гений ещё не пришёл в себя после падения в водопад. Ну, или он опять перебрал с кокаином. Не знаю, как уж там эта белая дрянь просветляет мозг. Похоже, что наоборот.

— Вы, как всегда, правы, Шерлок, — ответил я, с трудом сдерживая зевоту.

— Судя по всему, здесь опять поработал наш неуловимый Джек. — Эту фразу мы с великим сыщиком произнесли в унисон.

Убийства уличных проституток стали настоящим бичом Лондона в последние несколько месяцев. Причём, зацепок не было как у полиции (хотя, кто бы сомневался), так и у моего компаньона с Бейкер-стрит. Создавалось впечатление, что Джек-Потрошитель (именно так прозвали убийцу в народе) хорошо знал методы работы Холмса и не оставлял лучшему детективу всех времён шансов докопаться до истины. Впрочем, Шерлок не унывал. Ну, или это был всё тот же кокаин.

Одно было известно наверняка. Убийца в прошлом (а возможно, и в настоящее время) был врачом. Раны на теле жертв были нанесены с анатомической точностью и, судя по следам от разрезов, орудовал Потрошитель набором хирургических ланцетов. Ими же он удалял селезёнку жертвы, которую, видимо, забирал в качестве трофея. Что, собственно говоря, сужало круг поисков, но не слишком.

Была во всех этих убийствах и ещё одна странность, не дававшая покоя пытливому уму моего друга. Тела жертв были практически обескровлены. В то же время, на месте преступления обнаруживались лишь следы крови. Как умудрялся убийца выкачать всю кровь? Зачем она ему? Слишком много вопросов.

— А что это у нас здесь?! — вдруг воскликнул Холмс, разглядывая перерезанное в обычной для Потрошителя манере горло жертвы. Я насторожился.

— Смотрите, Ватсон! Это же, судя по всему, след от прокола!

Честно говоря, я не смог разглядеть в том участке раны, куда восторженно тыкал пальцем великий сыщик, чего-то выходящего за рамки, но мой друг был абсолютно уверен. Я хорошо знал его подобное состояние, и нет, это был не кокаин. Шерлок нашёл зацепку.

— Ну, смотрите же, Ватсон! Неужели вы не видите?! Вот здесь, вот это маленькое полукруглое искривление по линии раны! Как раз над артерией! Так он и забирает кровь! Она

не вытекает из ран! Он выкачивает кровь каким-то инструментом, а уже потом перерезает шлюхе горло!

Возбужденный Холмс вытащил из кармана трубку и начал нетерпеливо её раскуривать. Судя по запаху, знакомому мне ещё с Вест-Индии, в трубке был совсем не табак, а то, что аборигены на местном наречии называли «ганжубас».

Итак, гениальный сыщик в очередной раз явил миру свой гений. Вопрос в том, что он дальше будет делать с новоприобретённым знанием. Но что-то точно будет. Иначе он не Шерлок Холмс.

— Друг мой, вы собираетесь сообщить о находке инспектору Лестрейду?

Холмс посмотрел на меня, как на внезапно очутившегося на воле душевнобольного.

— Ватсон, вы в своём уме? Сообщить о чём? О том, что так и не рассмотрели даже вы своим многоопытным взглядом? Не тушуйтесь, я всё вижу. Бессмысленная трата времени. Поверьте, я поставлю лондонскую полицию в известность, когда мне будет, что сказать им.

Закончив осмотр места преступления, мы отправились назад на Бейкер-стрит. На протяжении всего оставшегося дня Холмс был непривычно молчалив, много курил и терзал бедную скрипку, полагая, что играет. Я не разубеждал моего друга. Хотя бы потому, что это было бесполезно.

Через несколько дней произошло очередное убийство. Уже начинало темнеть, когда мы прибыли на место трагедии. Прежний сценарий. Проститутка, перерезанное горло, хирургические разрезы, обескровленное тело, удалённая селезёнка.

— Скажите, Ватсон, — внезапно произнёс великий сыщик, не прекращая осмотра. — Форма наших служак в Вест-Индии была фишашкового оттенка или малахитового?

Вопрос моего друга меня несколько обескуражил, но я не стал раздумывать над его смыслом, а сказал, то, что Шерлоку вдруг понадобилось узнать.

— Нефритового, мой друг, она была нефритового оттенка.

– Да, – воскликнул он. – Так я и предполагал!

И с этим его раздражающе превосходящим видом обернулся ко мне, держа что-то кончиками большого и указательного пальцев правой руки.

– Ватсон, наш убийца – военный хирург! Он совершил очередной просчёт! Под ногтями жертвы я обнаружил вот эту нитку. Судя по текстуре, это та самая устойчивая к влаге ткань, идущая на нужды армии. А сколько в Лондоне бывших военных хирургов? А? Джон (Холмс редко называл меня по имени, это означало крайнюю степень возбуждения), нам нужны ваши связи в Военном Министерстве!

Едва ли не приплясывая, гениальный детектив набил трубку очередной порцией «ганжубаса» и с видимым удовольствием затянулся.

На самом деле, я примерно представлял, сколько военных хирургов может быть в Лондоне в настоящее время, но счёл нужным пока промолчать.

– Завтра, друг мой, завтра мы будем гораздо ближе к чёртову Потрошителю! А сейчас мы едем на Бейкер-стрит к чудесному пудингу миссис Хадсон. Мне нужно ещё кое о чём подумать.

И Холмс помахал рукой проезжавшему кэбмену.

Ужин прошёл в полной тишине. Шерлок что-то еле слышно бубнил себе под нос. В таком состоянии его лучше было не отвлекать.

В час ночи я спустился по лестнице в гостиную. Холмс сидел за столом в той же позе и продолжал бормотать.

Я подошёл к моему другу и положил руку ему на плечо.

– Вы всё никак не можете заснуть, друг мой? Что именно вас так беспокоит?

– Один вопрос, Ватсон, только один вопрос. Почему же всё-таки селезёнка?

– Это элементарно, Холмс. Вирус. Вирус размножается в селезёнке, а потом уже атакует клетки.

– Вирус?..

– Да, Шерлок. Вирус вампиризма. Скоро Вы всё поймёте.

Я сжал его плечо крепче и вонзил клыки в шею над сонной артерией.

ВАСИЛИСА ПАВЛОВА. МЭРИ И МАДЛЕН

— Какая ты неловкая, Мадлен! Руки-крюки — это про тебя! — прокаркала Мэри, оценивая вырытую вкривь и вкось яму. — Чего расселась? Комай дальше, нам еще ужин готовить.

— Я сейчас, сейчас, — покорно отозвалась Мадлен и взялась за лопату. Спорить с Мэри она не любила, себе дороже.

— Вот, сейчас молодец, стало гораздо лучше. Только заступ ставь ровнее и нажимай, нажимай... Всею тебя учить. Поэтому и не замужем до сих пор, неумеха, — продолжила ворчать Мэри, но уже более мирно.

Мадлен старательно копала. Потом, когда яма была готова, принесла кусты роз, только сегодня купленных у местного садовода.

— Что за сорт?

— Чайные, без названия, — Мадлен подумала, что ей придется оправдываться еще и за это, поэтому поспешно добавила: — Но мы ведь можем назвать их сами, правда?

— Конечно, — уверенно подтвердила Мэри, — и я даже знаю, чье имя они буду носить.

— Мистера Саймона, да? — улыбнулась Мадлен.

— Безусловно! — улыбнулась в ответ Мэри, окончательно смягчаясь. — А еще мы сегодня приготовим в честь него ужин. Помнишь, он любил баранью лопатку с чесноком и душистым перцем?

— Прекрасная идея, — просияла Мадлен. — А еще пиво! Думаю, в честь мистера Саймона мы должны обязательно выпить по бутылочке. Кажется, в холодильнике что-то осталось.

Между тем мистеру Саймону не было никакого дела до этой оживленной беседы, он даже не мог икнуть, когда его упоминали, хотя находился совсем рядом. Мистер Саймон лежал холод-

---

ным трупом на краю вырытой Мадлен ямы и готовился стать удобрением для чайных роз, названных в его честь.

Когда яма была вырыта на достаточную глубину, Мадлен сбегала в дом и принесла льняную простынь, старенькую, которую было не жалко, но чистую. Постелив ее на дно ямы и аккуратно расправив, Мадлен уступила место Мэри. Та спихнула тело мистера Саймона вниз, легко прыгнула сама, укутала труп краями простыни, подоткнула, соорудив подобие мумии, и, выбравшись на поверхность, с чувством выполненного долга командовала:

– Закапывай!

Пока Мадлен закапывала яму, а потом рассказывала розовые кусты, соблюдая необходимую для роста дистанцию, Мэри с удовольствием оглядывала их уютный двор, надежно скрытый от глаз соседней глухим забором. Двор благоухал. Розовых кустов в нем насчитывалось уже несколько десятков, и рядом с каждой группой из трех-четырёх растений стояла табличка с названием, на память. Мэри и Мадлен могли рассказать целую историю о каждом высаженном сорте и о тех, кто покоился под шипастыми ветвями и теперь делился с цветами всем, что имел, но, разумеется, этого не делали. Благоразумие подсказывало им хранить свою тайну подальше от претензий лицемерной человеческой морали.

***

Мэри и Мадлен были неразлучны, сколько себя помнили, хоть и трудно было представить пару более непохожих характеров. С раннего детства Мэри проявляла решительность и демонстрировала крутой нрав. Мадлен, напротив, всегда была мягкой, спокойной и податливой. Наверное, в этом и заключался главный секрет их долгого союза. Мэри командовала, Мадлен подчинялась. Мэри принимала решения, Мадлен исполняла. И обе они, как ни странно, находили в этом разделении обязанностей смысл и были почти счастливы. Почти.

Личная жизнь у обеих не складывалась. Мэри отталкивала мужчин скверным характером, а Мадлен считали скучной серой мышью. Даже ценители монашеской скромности на первом же свидании отводили глаза и благополучно исчезали из ее жизни навсегда. Конечно, сказывалось и отсутствие финансов, которые добавили бы привлекательности и скверному характеру, и скромности серой мыши, поэтому, трезво оценив свои шансы на замужество, Мэри и Мадлен смирились и продолжили жить, довольствуясь обществом друг друга.

Все изменилось в одночасье. В один прекрасный день Мадлен разыскал адвокат и сообщил о наследстве, которое оставил ей дальний родственник. Наследство было не бог весть, но его хватило на покупку уютного домика в провинциальном городке и на относительно безбедное существование, без особой, правда, роскоши.

Мэри увидела в этом второй шанс и решила возобновить попытки выдать Мадлен замуж.

— Кому же, если не тебе, должно повезти? Возраст, милая, годы уходят. Да и дому нужна мужская рука. Не смогу же я вечно чинить сломавшуюся раковину и поправлять ступени крыльца?

— А как же ты, Мэри?

— Я буду рядом, если не прогонишь. И вообще, неужели ты думаешь, что я отдам тебя первому встречному? Нам еще предстоит долгая работа по отбору женихов.

Вскоре был разработан стратегический план. В газету дали объявление о сдаче комнаты с полным пансионом. В тексте уточнялось, что в качестве квартирантов рассматриваются одинокие мужчины без вредных привычек. Таким образом, из потенциальных кандидатов сразу отсеивались женщины, а также мужчины, обремененные семейными обязательствами. В том, что квартиранты появятся, сомнений не было. Маленький город, в котором проживали Мэри и Мадлен, находился между двумя

крупными, являлся предместьем, а так как цены на жилье здесь были на порядок ниже, а с городами его связывало удобное транспортное сообщение, заезжие коммерсанты, охотившиеся за толстыми кошельками состоятельных граждан, предпочитали селиться именно тут.

Мэри (конечно, Мэри!) все продумала до мелочей. Молодым мужчинам отказывали под предлогом того, что комната сдана: «Извините, вы опоздали всего на полчаса! Ах, как жаль!» Мужчины возраста от сорока до пятидесяти пяти подвергались первичному допросу, и, в случае одобрения Мэри и молчаливого согласия Мадлен, постояльцу торжественно вручался ключ.

Следующий этап Мэри называла «жених под микроскопом». Пока Мадлен очаровывала потенциального кандидата в мужа домашними обедами, развлекала задушевными беседами за вечерним чаем, окружала заботой и уютом и неизбежно увлекалась женихом сама, Мэри бдила и наблюдала, сопоставляла и докапывалась, в общем, была самым пристрастным следователем, какого только видел свет. На этом этапе большинство кандидатов постигал полный крах, недостатки и пороки выявлялись почти у всех. Один постоянно запирает свою комнату на ключ (неслыханная дерзость!), другой каждый вечер прикладывался к бутылке и отправлялся на покой в полусвинском состоянии, разве что не хрюкал по дороге. Третий оказывался плаксой и постоянно жаловался Мадлен на отсутствие достойных для жизни условий. Все они при этом вели себя с Мадлен любезно и, скорее всего, были бы не против поселиться в домике навсегда. На робкие попытки Мадлен смягчить приговор провинившемуся кандидату Мэри непреклонно отвечала отказом:

— Муж, который запирает дверь комнаты и прячет скелеты в шкафах? Ну нет, дорогая, не хватало нам еще впутаться в темные делишки.

— Зачем тебе муж-алкоголик? Завтра он начнет поднимать на тебя руку...

– Очнись, Мадлен. Он же оберет тебя до нитки, а потом найдет другую дурочку и будет ей жаловаться на бедность!

Первых кандидатов просто отпускали. Мадлен, краснея и смущаясь, заявляла, что обстоятельства не позволяют дальше сдавать комнату и она вынуждена просить... и ей очень жаль! Нет-нет, остаток можно не оплачивать, она и так чувствует свою вину! Квртирант собирал чемодан и покидал уютный дом. Но однажды терпение Мэри лопнуло:

– Ты унижаешься перед этими ничтожествами, а почему? В чем твоя вина? В том, что они не могут вести себя как джентльмены, а не как скот на ранчо? Так это их проблемы, в конце концов! А тебе за труды еще и компенсацию нужно брать. Мало ты перед ними стелешься?!

Мадлен кивала, соглашалась и тихонько себя жалела. Да, она глупая, доверчивая, Мэри права. Но что же делать?

– Как что делать? Конечно, получать, то, что тебе положено, – деньги, имущество. А лишнее выбрасывать! – с обычной решительностью заявила Мэри.

– Но как же быть с «лишним»? – робко намекнула Мадлен, понимая, к чему склоняется беседа.

– Проще простого. Берешь из шкафа пузырек с экстрактом белладонны – помнишь, тебе врач выписывал для глаз? – и делаешь вечерний чай любимого квартиранта еще вкуснее.

– А дальше?

Обе ненадолго задумались. Мадлен понравилась идея с компенсацией, и она с несвойственной ей горячностью предложила:

– А потом можно растворить труп в кислоте. Или подбросить его на ферму, в загон к свиньям. Я читала, они съедают все без остатка. А еще можно...

– О, я смотрю, у тебя открылся новый талант! – иронично произнесла Мэри. – Но не все так просто, крошка. Во-первых, человека будут искать, поэтому надо обставить все так, чтобы соседи думали, что он уехал. А во-вторых, где-то добывать бочку

с кислотой или тащить труп куда-то... На садовой тачке или на моем горбу? Нет, тут нужно делать все с наименьшими затратами и риском. Надо подумать...

План по избавлению от бракованного кандидата был окончательно утвержден как раз в тот момент, когда седовласый квартирант со скандинавским именем Аксель был застигнут Мэри за подбором комбинации к сейфу в гостиной. Мадлен была расстроена, но не повергнута в шок. Аксель был неплох, но не идеален, чтобы она смогла к нему основательно привязаться. Поэтому дальнейшие действия были предприняты четко и деловито.

К традиционному вечернему чаю был подан кекс с изюмом, который Мадлен и Мэри с удовольствием поедали, пока постоялец, свалившись в корчах на пол, боролся с агонией.

— И так будет с каждым! — назидательно произнесла Мэри, с презрением глядя на остывающее тело.

— Ну все-таки не с каждым, надеюсь, — со вздохом сказала Мадлен, убирая со стола. — Вдруг повезет?

Примерно через час труп Акселя был зарыт во дворе. Мадлен пришлось в голову посадить сверху цветы, чтобы придать ритуалу красоту и завершенность. Так появились первые кустовые розы, и табличка рядом с ними. Далее Мэри надела одежду Акселя, натянула поглубже дорожную шляпу, взяла саквояж и тросточку и твердым шагом направилась к станции, стараясь попасть на глаза соседям. Билет «Аксель» взял до соседнего города, но Мэри тихонько покинула вагон уже через две станции и вернулась домой задворками, уже по темноте. За ужином Мэри и Мадлен помянули усопшего вишневым настоем, а заодно поздравили себя с успешно проведенной операцией. Их финансы пополнились долларами и облигациями, компенсацией от почившего Акселя. Остальные вещи постояльца было решено сжечь в камине.

***

Шло время, двор пополнялся новыми цветами, а достойный кандидат все не появлялся. И вот наконец в дом Мэри и Мадлен постучалась удача. Так им, во всяком случае, показалось. Мистер Саймон лучился обаянием, был холост, состоятелен, мастеровит – платил за комнату исправно, покупал Мадлен пирожные, с удовольствием возился в саду. Однажды за ужином признался, что всегда мечтал о своем доме и о такой хозяйке, как Мадлен. Сердце Мадлен наполнилось радостью и надеждой, и даже Мэри не нашла что сказать поперек. Тут же состоялась помолвка.

Все шло хорошо. Жених настаивал на скорой свадьбе, невеста не возражала, оставалось только утрясти вопрос с местным священником. Со стороны жениха никого не ожидалось, мистер Саймон уверял, что совершенно одинок, дальние родственники в счет не шли. Со стороны невесты также никого приглашать не планировалось, с соседями Мэри и Мадлен не общались, не считая приветственных кивков издалека, а родня давно забыла об их существовании.

Гром грянул, как всегда, среди ясного неба. Однажды Мэри, повинувшись, скорее привычке, нежели руководствуясь какими-то подозрениями, вскрыла потайной ящик комода, в котором жених Мадлен хранил документы, и обнаружила там странное письмо. Это был ответ, адресованный мистеру Саймону какой-то Ирен. В нем было написано, что она одобряет его план, надеется на скорый брак и готова ждать, пока «бодливый козленок отправит старуху в сумасшедший дом» и получит доступ к деньгам, чтобы они смогли зажечь припеваючи.

– Старуха? Сумасшедший дом? – растерянно повторяла Мадлен, утирая слезы.

– Не реви. Бодливый козленок скоро заплатит за эти слова, – скрипнула зубами Мэри.

Вечером того же дня Мадлен испекла яблочный пирог и пригласила жениха к чаю. Он заметил припухшие веки невесты и не преминул заботливо поинтересоваться причиной слез. Мадлен заставила себя улыбнуться — это, пусть показное участие ее тронуло. «Пусть он умрет быстро, не мучаясь», — подумала она и влила в чашку двойную дозу атропина. Когда все было кончено, Мадлен вздохнула с облегчением.

— Все-таки он был лучше остальных, — сказала она, берясь за лопату.

— Каждому свое, — рассудительно заметила Мэри. — Во всяком случае, он заслужил ровную могилу и красивые цветы. Копай!

После «уезда» мистера Саймона было решено некоторое время выждать. Если остальных квартирантов, в случае чего, было трудно привязать к месту поселения, то сейчас сообщница по имени Ирен серьезно путала карты. Недели через две в дом к Мадлен и Мэри заявился шериф Фрэнк.

Он сообщил, что невеста их недавнего постояльца (невеста!) беспокоится об исчезновении жениха и даже подала заявление в полицию. Мадлен, нисколько не смущаясь, рассказала шерифу о том, что некоторое время назад мистер Саймон получил письмо, сильно разволновался и тем же вечером уехал. Соседи могли видеть, как он с чемоданчиком шел на станцию. Шериф кивнул, действительно, старуха Вандлер, живущая через два дома, видела его через окно идущим к станции.

— Что могло быть в письме? — допытывался шериф, надеясь на женское любопытство.

— Не могу вам сказать, — искренне сокрушалась Мадлен, прижимая руки к груди. — Могу только предположить, — осторожно добавила она, — что его напугали угрозы какой-то женщины по имени Ирен. Однажды в доверительной беседе, — она понизила голос и оглянулась, — он рассказал мне, что ужасно ее

боится! Она постоянно требует денег, придумывает невероятные истории, ревнует и, вообще, грозит подстеречь и пырнуть его ножом. Возможно, он неосторожно дал ей наш адрес, а получив письмо, раскаялся и решил сбежать? Бедный, бедный мистер Саймон!

Шериф записал каждое слово и пообещал рассказать, если история получит продолжение. После его ухода Мэри воскликнула:

— Bravo, крошка! Ты наконец-то взрослеешь. Куда, скажите, подевалась моя мямля, раскисавшая от одного вида птенца со свернутой шеей? Гладишь, ты так скоро научишься обходиться без меня.

Мадлен польщенно зарделась. Да, жизнь заставила ее характер окрепнуть. Спасибо мистеру Саймону за своевременный урок.

***

Во время паузы перед поисками очередного жениха Мэри и Мадлен съездили в город и хорошенько покутили там в дорогом ресторане. Под конец вечера к ним за столик подсел импозантный мужчина лет пятидесяти, попросивший называть себя Мефисто, и оставшееся время ужина прошло под аккомпанемент его искрометных шуток. Прекрасный собеседник, он не только сразу расположил к себе Мадлен (что неудивительно), но и заслужил одобрение Мэри, так как сразу произвел впечатление джентльмена, несмотря на внешнюю легкомысленность. Они расстались на дружеской ноте, и Мадлен записала на салфетке адрес, так как выяснилось, что мистер Мефисто в настоящий момент озабочен поисками недорогого жилья с хорошей домашней кухней. Так дом Мэри и Мадлен обрел нового постояльца.

Ах, если бы Мадлен не была твердо уверена, что безупречных мужчин не бывает, она бы с радостью поверила, что Мефисто —

тот самый идеал, который встречается лишь на страницах любовных романов! Он был прекрасен во всем, за что только ни брался: готовил невероятно вкусные блюда, пел приятным баритоном, был интересным собеседником, замечательным партнером в карточных играх и, как выяснилось, великолепным лицедеем. Однажды, скучным дождливым вечером, он устроил целое представление. Попросив у Мадлен одежду и грим, он в одночасье преобразился в хозяйку дома, скопировав даже ее интонации. Мадлен изумленно смотрела на себя со стороны — старомодный кружевной чепец, который она носила дома, частично скрывал лицо, но походка, манеры, голос — все было как в зеркале.

Затем Мефисто обратился к Мэри и попросил разрешения скопировать ее. Мэри также не смогла удержаться от восторженных аплодисментов. Лукавый постоялец точно изобразил ее твердую поступь, решительные жесты, хрипловатый голос.

— Вы волшебник! Это было совершенно очаровательно! — говорила Мадлен, подкладывая на тарелку Мефисто лучшие куски жаркого. Постоялец скромно улыбался, но в глазах его искрились лучики признательности.

Мэри, помня о недавнем фиаско, не теряла бдительности. В отсутствие квартиранта она тщательно обыскала его комнату (плюс к репутации, он ее не запирает), но не нашла ничего компрометирующего. Она применяла самые изощренные методы проверки «жениха под микроскопом» и лишь убеждалась в безупречности потенциального кандидата. Больше того, Мэри, давно махнувшая на себя рукой, с удивлением обнаружила, что ей тоже приятно внимание Мефисто.

— Он душка, душка! — пританцовывала Мадлен, не скрывая своей радости.

— Он очень неплох, дорогая, — осторожничала Мэри, пряча свои чувства поглубже. — Давай дождемся откровенного

разговора, а уже после решим, радоваться нам или точить лопату.

***

Разговор по душам спровоцировал, как ни странно, внезапный визит шерифа. Фрэнк Дуглас не забыл о своем обещании и постучался в дом в четверг после обеда. Заметив его на крыльце, Мефисто резво ретировался в свою комнату и предпочел не показываться на глаза. Мэри это заметила, но предпочла отложить разбирательства на потом.

Мадлен поздоровалась с шерифом и вежливо поинтересовалась, с чем тот пожаловал.

— Я обещал рассказать вам о продолжении истории с пропавшим мистером Саймоном, — начал шериф. — Нет, его пока не нашли, но меня уведомили о том, что Ирен, та самая невеста, заявившая о пропаже, арестована. Полицейские сразу взяли ее на заметку, уж больно она волновалась, несла какую-то околесицу о фиктивной женитьбе. Дама явно небольшого ума, раз проболталась об афере. Еще выяснилось, что этот Саймон проходил подозреваемым по нескольким делам о мошенничестве и кражах, но был отпущен за недоказанностью. Местный капитан получил ордер на обыск и обнаружил в доме Ирен десятки золотых украшений, которые были похищены у богатых леди из разных штатов в течение последних месяцев. Их, без сомнения, украл тот самый Саймон, бывавший в этих домах по торговым вопросам. Ирен была его сообщницей, она уже во всем призналась. Ей предъявили обвинение в соучастии и хранении краденого, а теперь, возможно, предъявят обвинение в убийстве. Мистер Саймон действительно пропал, а при таких делах она вполне могла пристукнуть жениха при дележке добычи или в припадке ревности. Представьте себе, когда ее уводили, она укусила полицейского!

Мадлен слушала, открыв рот. Фрэнк, довольный произведенным эффектом, предостерег:

— Будьте осторожны, мисс Делейн! Вы пускаете в свой дом постояльцев и по доброте душевной даже не думаете о том, насколько опасны могут быть люди. Как говорят у меня на родине, за мягкой шерсткой и павлиньими перьями может прятаться хищный зверь. Кстати, что вы можете сказать о новом квартиранте?

— Только самое хорошее, — гордо вскинув голову, ответила Мадлен. — Уверяю вас, шериф, вам не о чем беспокоиться. Этот человек безупречен во всех отношениях.

Проводив шерифа и вернувшись в дом, Мадлен тут же наткнулась на обеспокоенного жильца. Разговор начала Мэри, без обиняков заявившая Мефисто, что заметила его испуг при появлении представителя власти.

— Извольте дать объяснения! — потребовала она. — У вас проблемы с законом?

Мефисто покаянно опустил голову и скорбно произнес:

— Я чудовищно виноват перед вами, милые леди, но надеюсь, вы сможете понять. Я заметил, вы сильно отличаетесь от тех человеческих особей, с которыми мне пришлось столкнуться по жизни. Мое настоящее имя Том Бенди. Вероятно, вы слышали обо мне?

Мадлен ахнула. Несколько недель назад все газеты только и писали об ограблении Королевского музея с убийством охранника. Преступник был задержан с поличным. Пару дней спустя те же газеты пестрили заголовками «Убийца сбежал из-под стражи».

— Так вы тот самый грабитель и убийца?!

— Тот самый, — все с той же обаятельной улыбкой подтвердил Мефисто. — Но вы не должны бояться. Убийство произошло случайно, поверьте. Я вовсе не злодей, каким выставили меня в газетах, просто мне не повезло. Моей целью была изумрудная диадема, красивая безделушка стоимостью почти миллион долларов. Кто же знал, что сигнализация сработает раньше, чем я перережу провод?

В его позе и взгляде не было раскаяния, только легкая грусть о несбывшихся надеждах.

Мэри вдруг спросила:

— Что вы почувствовали, убивая охранника?

Мефисто посмотрел на нее в упор, в его теплых карих глазах мелькнуло что-то звериное.

— Досаду. Мне не хотелось отнимать жизнь у человека, который не сделал мне ничего плохого. Но в то же время я ощутил восторг, свободу от предрассудков, собственную значимость. По-вашему, мне должно быть стыдно за эти чувства?

Мэри и Мадлен молчали. Каждая думала о том, насколько они схожи с этим странным человеком в его беспощадной откровенности.

***

Жизнь продолжалась. Конечно, ни Мэри, ни тем более Мадлен и не подумали заявлять о Мефисто властям. Наоборот, после того разговора они еще больше сдружились и в один прекрасный день рассказали ему о себе всю правду, без утайки. Откровенность за откровенность. Мефисто был ошарашен и даже не пытался этого скрыть. Он стремительно вышел во двор, обвел глазами розовые кусты, закрыл лицо ладонями, затряс плечами. Мэри и Мадлен застыли на пороге в тревожном ожидании. Постоялец обернулся и разразился громовым хохотом. Глаза его сияли.

— Как жаль, что я лишь сейчас познакомился с такими удивительными женщинами! Передо мной теперь чудовищно сложная, невыполнимая задача — выбрать одну из вас. Нет, не могу... Я с удовольствием женился бы на вас обеих, если бы правила приличия это позволяли.

Мадлен была готова растаять от нежности, а сердце Мэри в одночасье пронзило ядовитое жало ревности. «Если бы не Мадлен, — с болью подумала она, — этот мужчина принадлежал бы только мне!»

После того как личины были сброшены, их тройственный союз стал еще прочнее. Мефисто продолжал готовить их любимые блюда, рассказывал Мадлен о парижской опере, спорил с Мэри о преимуществах того или иного вида холодного оружия, но о женитьбе больше не заикался даже в шутку. Мадлен ждала, понимая, что у нее больше шансов заполучить идеального мужа, чем у Мэри. Но в то же время холодок сомнения потихоньку заползал ей в душу – а вдруг Мэри привлекает его больше? Вдруг однажды Мефисто объявит ее своей невестой?

Прошло еще несколько недель, напряжение между Мэри и Мадлен нарастало. Они уже не могли безгранично доверять друг другу, как раньше, некогда единый организм развалился на два соперничающих стана. Мефисто же будто ничего не замечал, был по-прежнему весел и беспечен.

Развязка наступила внезапно. Однажды за вечерним чаем постоялец увидел, как женщина, сидевшая напротив него, побледнела, схватилась за горло, упала на пол и забилась в конвульсиях. Силясь что-то сказать, она с ненавистью прохрипела: «Мадлен!». А через секунду, уже затихая навсегда, прошептала: «Мэри...» Мефисто опустился на колени, взял женщину за кисть, пощупал пульс. Все было кончено. Перед ним на полу кухни собственного дома лежала бездыханная Мэри-Мадлен Делейн.

Он раскусил ее еще тогда, в ресторане. Одинокая женщина за соседним столиком вела непрерывную беседу сама с собой, разговаривая на два голоса. Она хрипло произносила «Мадлен», и тут же мягко и звонко говорила «Мэри», обращаясь к невидимой собеседнице. «Раздвоение личности – штука не такая уж и редкая, – подумал он тогда, – но присутствие обеих одновременно – это действительно интересно». Мефисто здраво предположил, что у такой женщины вряд ли есть муж и друзья, скорее, одиночество, которое ей хочется развеять, иначе не сидела бы она здесь, в ресторане, среди людей.

Узнав о прошлых квартирантах, ныне покоящихся во дворе под розовыми кустами, Мефисто ощутил подлинный восторг. Они были идеальной парой, точнее, идеальным трио, намертво скованным личными криминальными тайнами. И вот теперь, стоя на коленях перед остывающим телом, он ощущал не только горечь потери, но и непонимание происходящего. Все же было хорошо! Они пили чай, перед Мэри-Мадлен, как обычно, стояли две чашки: серая однотонная с отколотым краем и белая с ярким васильком. Как всегда, Мэри-Мадлен отпивала то из одной, то из другой чашки, за Мадлен и за Мэри. Что же, черт побери, произошло?

Разгадку подсказал выкатившийся из кармана мертвой женщины пузырек. «Экстракт белладонны», прочитал Мефисто на этикетке, «Осторожно, яд!». Его вдруг обожгла догадка – кто-то из них подлил яд в чашку сопернице? А может быть, обе, одновременно? Как бы то ни было, финал однозначен – Мэри-Мадлен не оставила себе ни единого шанса. Какая нелепость!

Мысль о том, как все это глупо и неправильно, не отпускала Мефисто все время, пока он рыл яму во дворе, переносил тело, закапывал, ровнял, утрамбовывал. Но эта мысль плавно перетекла в практическую плоскость – что же ему делать дальше? Прежде всего нужно снова примерить одежду Мадлен, вспомнить ее манеры и голос. Хорошо, что на улицу она всегда надевала шляпку и бесформенный балахон. Затем найти документы, чтобы скопировать подпись, это он умел делать почти безупречно. Далее, завтра вечером нужно будет надеть собственный дорожный плащ, взять саквояж и отправиться на станцию, обязательно попав на глаза соседям. Вернуться в темноте и с нового дня начать жить под именем Мэри-Мадлен Делейн. Да, еще нужно обязательно купить пару розовых кустов, чтобы свежий холмик не привлекал лишнего внимания.

Мефисто вздохнул. План был хорош, но, к сожалению, годен лишь на время. Не собирается же он остаток жизни провести за глухим забором в образе сумасшедшей? Нужна новая личность с чистыми документами, мужская, примерно его возраста. Что там Мэри-Мадлен говорила про объявление? «Сдам комнату с полным пансионом квартиранту без вредных привычек...»

АЛЛА КРЕЧМЕР. В МОСКВУ!

60-е годы.

— А почему бы нам с тобой не поехать в Москву? — спросила Танька мужа Володю.

Тот, отработав целый день на тракторе, не был расположен фантазировать, но тем не менее пробормотал:

— Чего вдруг?

— Как чего? — воскликнула Танька, — Столицу посмотреть. А то поем песни про «дорогую мою столицу» и «звезды кремлевские», а в Москве и не были.

Володя подумал, что он прекрасно проживет и без путешествий, но спорить с женой не решился.

— И чего ей не хватает? Избу новую поставил, пятистенки. Полы крашенные, скоблить не надо. Корова дойная, поросенок, угодья. Мамане колхозную пенсию дали, двенадцать рублей. размышлял он. С его заработком на тракторе, да Танькиной зарплатой почтальона они в деревне считались чуть ли не богачами.

— Тань, билеты дорогие до Москвы, — Володя знал, что цена для Татьяны, ежедневно объезжающей на велосипеде пять деревень с тяжелой сумкой, имеет значение.

— Деньги-то тяжело достаются, — добавил он.

Танька замолчала и принялась собирать ужин. Радиоточка бубнила про виды на урожай, и это было так знакомо, что уже надоело.

За окнами послышался шум проходящего поезда: дом Васильевых стоял неподалеку от старого, разбомбленного в войну

вокзала, поэтому Володя и свекровь определяли время по поездам.

– Девятичасовой, мариупольский, – сказал Володя. Чего-то мы с ужином припозднились.

Танька вытащила из печки картошку в чугушке и сняла с плиты сковородку с рыбой.

– Володь, ну люди-то ездят везде. Посмотри, поезда полны. В окно глянешь – лампа в купе красивая горит, люди нарядные из стаканов в подстаканниках чай пьют. А мы дальше Дно и Дедовичей не бывали.

Володя собрался с духом и выдал:

– Зато вокзал в Дно на Кремль похож.

Наутро Танька пришла на работу рано. Солнце залило светом комнату, где сидели операторы. Пахло горячим сургучом, яблоками и медом.

В зале для посетителей две женщины заколачивали гвоздиками посылочные ящики.

– Опять фруктовая посылка, – сказала, поздоровавшись, сидевшая за кассой Зина. Баба Дуня и Маня из Горок загодя пришли, а к обеду народ набежит.

– А куда посылают яблоки? – спросила Танька.

Зина удивленно посмотрела на нее.

– Да куда угодно, – ответила она, – Где родные живут в городах, туда и посылают

– А в Москву?

– И в Москву.

Танька зажмурилась от удовольствия:

– Представляете, наши яблоки и в Москве.

И тут же загрустила:

– Если бы меня кто послал в посылке прямо в Москву.

Зина покрутила пальцем у виска:

– Умалишенная ты Танька! Люди к нам на лето приезжают, загодя договариваются, у кого родных нет. Чего там хорошего, в городе? Пыль, шум, да толкотня. Иди-ка ты лучше почту за-

---

бери да отправляйся. И вот еще тебе на продажу детские книжки-раскраски и толстая книга.

— Какая? Кто написал?

— А я почему знаю? А вот «Кукла госпожи Барк». Раскраску предложи Ксене — она возьмет для внучки. А «Куклу» эту для Федора Дмитриевича, он читать любит.

Танька вздохнула и отправилась за свой стол собирать сумку.

Велосипед у Таньки был добротный, мужской, с крепкой рамой и надежным багажником. Не то, что женский, на котором приезжала на работу Зина. Только и красоты, что радужная сетка на заднем колесе, а так ни рамы, ни багажника. Почту на таком не повезешь!

Танька ехала по деревенской улице. Она начинала с дальних деревень и лишь потом прибывала в свою. Стояли сушь и жара. Деревни, как будто вымерли — молодые на работе, пожилые возились на своих огородах, а ребятишки убежали на речку, и оттуда со стороны купальни доносились их веселые крики и визг.

Даже собаки ленились лаять, только Жучка Шлыковых заливалась лаем, грозя вцепиться зубами в край Танькиного платья.

— Тю, брысь отсюда, оглашенная! — закричала почтальонша. — Ириш, держи ты Жучку-то, а то газету не получишь.

Старая баба Ириша то ли не услышала, то ли поленилась выйти: вместо нее выскочила Лялька, младшая внучка.

Лялька рано осталась круглой сиротой: родители уехали на север за длинным рублем, да и сгнули оба в какой-то аварии. К семи годам Лялька, оставшаяся с бабкой и теткой, стала совершенно самостоятельной. Теткина загруженность на работе и бабкина немочь способствовали тому, что девочка стала вести хозяйство. На старших внуков нечего было рассчитывать: во-первых, мальчишки не слишком утруждали себя уборкой и мытьем посуды; во-вторых, они и в каникулы подрабатывали в колхозе.

Лялька легко прогнала Жучку, поздоровалась с Танькой и взяла газету.

— Чего ж ты купаться не пошла? Вона ребятишки ваши как кричат! — спросила Танька.

— Да некогда, тетя Тань. Бабушка масло взбивает в кринке, а я картошку чищу. Да она все ругается, что много срезаю.

— Картошка-то прошлогодняя или уже подкапывали?

— Да прошлогодняя. Есть еще в погребе.

Лялька говорила деловито, и почтальонше казалось, что она беседует не с семилеткой, а со взрослой крестьянкой.

Внезапно личико девочки озарилось улыбкой.

— Ой, тетя Таня, погодите! Что я Вам сейчас покажу! — воскликнула она и стрелой помчалась на веранду.

Через минуту она вернулась, держа в руках коробку карандашей, и протянула Татьяне.

— Видите, какие хорошие карандаши, сколько цветов! И два розовых, и даже белый! Я и прочитать могу — карандаши называются «Искусство», а вот что такое «Сакко» и «Ванцетти»?

Лялькино восхищение карандашами заглушало даже смущение от незнания, кто такие эти Сакко и Ванцетти.

Впрочем, Танька и сама не знала.

— Да революционеры какие-нибудь, — сказала она. — А откуда у тебя, Лялечка, такие карандаши?

— Да тетя Нина Ньюшкина привезла из Москвы.

— Из Москвы? — оживилась Таня, — Мы же с ней учились в одном классе.

Она попрощалась с Лялькой и повернула велосипед в сторону дома Ньюшки.

Наскоро раздав газеты, Танька добралась до знакомого двора и уже на крыльце увидела одноклассницу Нину. За два года, что они не виделись, школьная подруга изменилась до неузнаваемости. Где косы? Их сменили локоны перманента. Где вечное серое платье — сейчас Нина щеголяла в пестром сарафане с юбкой колоколом. И не косынка покрывала ее голову, а кокетливая шляпка с шелковыми лентами. Ниночка издали заметила Тань-

---

кин велосипед и приветливо замахала руками. Не вытерпев, она вылетела навстречу подруге и повисла у нее на плечах.

— Танька! Танька, подружка! Здравствуй, сердце мое! Как я соскучилась! — воскликнула она и обняла Таньку, а та от полноты чувств уронила слезу.

Нюшка стояла здесь же поодаль.

— Чего вы на дороге обнимаетесь? Зайдите в избу, подруги, да и поговорите спокойно, а не у всей деревни на виду.

— И то правда, — спохватилась Нина. — Идем, Тань, а велосипед во дворе поставь

— Да непривычны мы рассиживаться, — пробормотала Танька, но двинулась следом за подругой.

В избе пахло свежеиспеченным хлебом и цветочными духами.

— «Нинка привезла,» — подумала Татьяна.

— Мам, самовар-то не остыл? — крикнула Нина замешкавшейся в сених Нюшке.

— Остыл маленько, — отозвалась та. — Но вам попить тепла хватит.

Ах, какие дивные лакомства привезла подруга из Москвы! Зефир, пастилу, никогда не виданное Таней шоколадное масло и ароматную копченую колбасу. Нюшка разрежала батон и пододвинула к гостье аппетитные куски.

— Ешь, — прикрикнула она. — Чай, намаялась, почту разносивши. Да и вкусноту такую не пробовала, поди. Вона в магазине фабрики-кухни тоже копченую продают, так ее в рот не взять.

— Мама колбасу любит, а сыр на дух не переносит, — добавила Нина.

— А Вы, тетя Нюша, собираетесь Нину навестить? — поинтересовалась Танька, намазывая шоколадным маслом кусок булки.

Нюша, собиравшаяся на обеденную дойку, вымыла подойник, обвязала его чистой марлицей, положила в карман фартука вазелин для коровьих сосков и кусок хлеба с солью — лакомство любимой корове.

– Ты думаешь, мама корову на чужих людей бросит? – спросила Нина, наблюдая за материнскими хлопотами.

– Да билет до Москвы девяносто четыре рубля стоит, – поддакнула Нюша.

Нина всплеснула руками.

– Мама, хватит! Вы опять все старыми деньгами меряете! Девять сорок стоит билет – запомните уже.

Нюшка подвязала светлый с каймой платок, взяла подойник и вышла в сени.

– Ушла, наконец, – обрадовалась Нина, едва за матерью захлопнулась дверь, – Хочешь посмотреть мои обновы?

– Хочу! – так же весело, в тон ей ответила Танька.

Нина потащила подругу в горницу и там началось действие.

Она распахнула стоящий на скамейке чемодан так, что его содержимое вывалилось наружу.

Чего здесь только ни было: и прозрачная кофточка из материала, называемого газ;

и широкая юбка фасона «солнце-клевш», и светлый джемпер машинной вязки.

Нинка примеряла на себя эти вещи и бросала Таньке, но у той от волнения даже голос изменился, и она хриплым шепотом спрашивала разрешения потрогать.

– Меряй и ты! – предложила Нинка и бросила подруге пресловутый «солнце-клевш».

Татьяна надела на себя широченное чудо в бесконечных складках и замерла у зеркала.

Юбка шла ей необыкновенно, делая талию тоньше, а фигуру стройней..

И даже выцветшая ситцевая кофточка, в которой она ежедневно разносила почту, не портила ее.

Нина оглядела ее критически.

– Сюда бы гипюровую блузочку. Или на, переоденься в мою белую, а к ней бусики подберем.

Татьяна покидала дом Нюшки абсолютно счастливой, ведь ей досталась от щедрот подруги та самая юбка с дивным назва-

---

нием «солнце-клевш».

Урожай по осени собран, из белого налива и штрифеля сварено повидло на зиму, картошка выкопана и сложена в погребе.

Володя вставлял в окна вторые зимние рамы, а между ними прокладывал белую тряпицу с выложенными елочными игрушками из серебряной бумаги.

Октябрь перевалил за середину, и вместе с падением последних листьев стал сильнее чувствоваться холод. По утрам Танька вывозила велосипед прямо на прозрачный ледок подмерзших луж, а ближе к обеду тащила свой транспорт по растававшей грязи. Темнело рано, и только радио спасало от скуки.

В клуб привезли фильм «Здравствуй, Москва!»

Танька смотрела, не отрываясь, пока Володя несколько раз выходил на крыльцо покурить и переброситься парой слов с мужиками.

Рядом с Танькой сидела Васильчиха и грызла семечки, швыряя лузгу во все стороны. Танька брезгливо отодвинулась.

— Небось, в Москве не стала бы плевать, вывели бы ее из кино за милую душу, — подумала она.

Снова пробудились в ней мечты о столице. Увидеть Кремль, сходить в театр, да и по магазинам, торгующим диковинными вещами и невиданными яствами — превратилось у нее в голове в навязчивость.

Дома Танька пересчитала отложенные на поездку рубли — должно было хватить на билет туда-обратно и на гостинцы. О том, сколько платить за питание и проживание, она не подумала, а это выходило еще рублей тридцать.

Володя строго-настроено запретил снимать деньги с книжки.

— Я на мотоцикл коплю, — заявил он. — Вон Мишане уже открытка пришла, а я следующий на очереди. А вдруг дадут с коляской? Тогда у братовьев заниматься придется. И вообще, гаши-ка ты электричество и давай спать. Мне рано в МТС ехать.

Утром лил дождь. Бесконечные серые тучи скрыли горизонт — ни одного просвета, ни одного луча солнца не пробивалось и не оживляло тоскливые будни.

И настроение Таньки соответствовало: она стряхнула дождевик в сенях и с кислой физиономией появилась в комнате, где сидели почтальоны перед тем, как выйти с полными сумками.

Зинка с ходу похвасталась новой авторучкой.

– Глянь, Танюша, какая прелесть! И цвет бордовый. А старую чернильницу я в зал поставила – пускай бабки телеграммы пишут.

Таня едва взглянула на авторучку – предмет Зинкиной гордости – и вдруг заплакала.

Зинка оторопела.

– Ты чего, подруга? Володька обидел? – спросила она.

Танька покачала головой.

– Свекровь? Может, и ты такую ручку хочешь? Так в сельмаге полно.

Танька опять помотала головой.

Зинка развела руками.

– Ну, я не знаю. Может, опять по Москве страдаешь? – предположила она, и Танька кивнула, продолжая всхлипать.

– Мне тридцати рублей не хватает. На билеты и гостинцы набрала, а ведь и где-то жить надо, – пожаловалась она. – Ни на в общежитии, а других знакомых у меня нет.

– Не знаю, что тебе и посоветовать, – вздохнула Зинаида. – Наши-то либо в Дно, либо в Ленинград едут устраиваться. А может, ты на один день съездишь? Ночным туда, ночным обратно. А днем Кремль посмотришь, да и по магазинам?

Ежели так, тебе денег хватит.

– Пожить бы там, по чистому асфальту походить, – снова всхлипнула Танька и неожиданно успокоилась. – А ведь ты права, Зин. Кремль, магазины, и домой ночным, а то, как тут Володька один без меня? Да и начальник не отпустит надолго. Не сам же он отправится почту разносить.

Вот уже три часа Татьяна стояла в очереди за билетами в кассу дальнего следования. Поезд на Москву прибывал в Дно

через час, а кассирша все еще продавала билеты на проходящий мариупольский.

Толпа пассажиров, жаждущих как можно скорее уехать этим поездом в Ленинград, с боем продвигалась к окошечку.

– «Словно Зимний штурмуют,» – подумала Танька.

Она принадлежала другой очереди – «на Москву».

Подойдя в первый раз к толпе, показавшейся ей неуправляемой, она испугалась. Видя, как бьются у кассы раскрасневшиеся мужики в тулупах, она уже хотела повернуть обратно в деревню, однако новая людская волна подхватила ее и потащила в эпицентр схватки.

– Куда ты лезешь, деваха? – оттолкнул ее мужик с мешком. Ты не занимала.

Со всех сторон ее стиснули, а какой-то чернявый незнакомец прильнул к ней, словно банный лист. Впрочем, скоро касса закрылась, и ожидающие билетов на Ленинград отошли в сторону, а на первый план выдвинулись те, кто ехал в Москву.

– Держись меня, – сказала потрепанной Таньке старуха в теплом платке. – И чего ты не в свою очередь полезла?

– Да я в буфет за лимонадом отошла, а тут мариупольский подошел.

– Мариупольский, – передразнила старуха. – Стой и не бегай, а то очередь упустишь.

Подумав немного, милостиво разрешила:

– Ну разве только в туалет.

Таньку охватила сонная одурь: думать не хотелось, а от усталости слипались глаза. Она уже начала жалеть себя за муки, которые претерпевает в очереди за билетом. Может быть, прав был Володя, утверждая, что ехать в Москву – излишняя роскошь, а башенка со шпилем на здании дновского вокзала напоминает Спасскую башню Кремля?

Ох, и досталось ему тогда от жены за подобное сравнение!

Нет, не может быть, чтобы была похожа. Да и жизнь в Москве, наверное, светлей и чище, чем у них на окраине. И дело не только в набитых всевозможными товарами магазинах, а и в культуре.

– «Небось, там так в очередях не толкаются, а, может, и очередей в Москве нет?» – размышляла она.

По радио объявили прибытие московского поезда. Очередь приосанилась, а кассирша открыла окошечко, возле которого насмерть стояли бабка и Танька.

– Пять плацкартных, два общих, – крикнула кассирша. – По броне» два взяли, ну и остатки вам. Да не орите, не орите – знаю, что всем ехать надо, тока где ж я на всех билетов наберусь?

Кассирша казалась Таньке значительной величиной, чуть ли не небожительницей, от которой зависело исполнение ее заветной мечты. Правда, небожительница кашляла и куталась в такой же платок, как у стоящей впереди бабки, но эти детали отнюдь не принижали ее, низводя до уровня простых смертных.

Какой-то мужик из очереди отсчитал семерых и встал сбоку, раскинув руки.

– «Это чтобы никто чужой не влез,» – сообразила Танька, неотступно следуя за бабкой.

А та уже взяла билет в плацкартный вагон и пробиралась сквозь толпу обратно, прижимая к груди выстрадавший коричневый картонный прямоугольник.

Следующая очередь была Танькина. Она, не помня себя от счастья, вцепилась в край окошечка и громко выкрикнула прямо в лицо кассирше:

– Один до Москвы плацкартный пожалуйста.

– Девять сорок, – равнодушно бросила та, и Танька полезла в карман за кошельком.

Надо ли говорить, какой ужас объял ее, когда ее ладонь опустилась в пустоту.

– Девять сорок, – повторила кассирша с некоторым напором.- Берите или отходите в сторону, девушка. Гляньте, сколько желающих на Москву.

– Щас, он, наверное, в другом кармане, – прошептала потрясенная Танька, но и в другом кармане денег не было.

Татьяна подняла глаза на кассиршу – в них читалось отчаяние.

– Украли! – ахнула кассирша, тут же перейдя на деловой тон, – Ну, делать нечего, отойди в сторонку. А ну, кто следующий на Москву?

Танька выбиралась из очереди несолоно хлебавши. Она шла, словно сквозь строй, а любопытные взгляды буравили ее со всех сторон.

Выбравшись из очереди, она доползла до ближайшей скамейки и горько зарыдала.

Сколько просидела Татьяна на вокзале, неизвестно. Прибывали и отправлялись поезда, давно уехал московский, правда, с небольшим опозданием, а она все рыдала и не могла успокоиться.

Люди подходили, спрашивали, в чем дело, но голос ее срывался, когда она пыталась рассказать о своей беде.

На помощь пришла уборщица – она уже кое-как подмела в вестибюле, а теперь в оставшиеся часы рабочей смены стояла возле Таньки и рассказывала всем желающим о происшествии с «этой тетехой».

Уборщица уже обкатала свой рассказ. И подошедшему милиционеру Петрухе доложила довольно связно, однако тот поспешил уйти, чтобы, не дай Бог, пострадавшей девахе не пришлось в голову писать заявление. Еще не хватало открывать заведомо гиблое дело, так и премию к ноябрьским не получишь!

Откровенно говоря, Танька уже поднадоела уборщице, и она уже поглядывала на часы в ожидании конца смены, как вдруг увидела, что к ним приближается очень важная персона – это был директор местного привокзального ресторана Владимир Иванович.

Вероятно, ему уже поведали о случившемся, потому что он

не стал слушать уборщицу, а наклонился к плачущей Таньке и спросил:

– Денег много пропало?

Танька подняла мокрое от слез лицо – прямо перед ней стоял невысокий дядечка лет пятидесяти в хорошем драповом пальто и шапке-«москвичке».

– Много, – разжала она губы. – На билеты в Москву туда-обратно и на гостинцы.

– Что ж ты кошелек в кармане держала, дурочка? Разве ты не знаешь, что на железной дороге такие деятели попадают... – по его тону нельзя было понять, сочувствует он ей или сердится. – А сама ты откуда?

– С Вязовки, – снова всхлипнула Танька.

– А Петруха-милиционер даже заявление не взял, – на-ябедничала уборщица.

– А Петруха себе не враг. Кто же хочет к празднику вешать на себя глухое дело? Ай, да ладно, – махнул рукой Владимир Иванович. – Как же ты, болезная, домой доберешься, если у тебя ни гроша в кармане? Отсюда до Вязовки десять километров, пешком не пойдешь.

– Пойду, делать-то нечего.

Она обреченно замолчала и хотела встать со скамейки, но Владимир Иванович остановил ее.

– Погоди-ка, как тебя зовут? Таня? Вот что, Таня, я тут к ноябрьским комиссию жду в ресторан, так хочу его и к праздникам, и к комиссии вымыть, выдраить. Могла бы ты поработать – окна помыть в обеденном зале и в подсобных? А я тебе денег дам – будет чем за билет заплатить.

Татьяна оглянулась: окна были громадные, выше человеческого роста.

– Лестницу дадите? – спросила она, вытерев слезы.

– Конечно, – встряла уборщица. – Знамо дело, как же без лестницы? Правда, Владимир Иванович?

Директор не снизошел до ответа, полагая наличие лестницы само собой разумеющимся.

Три дня Танька мыла окна в ресторане. Работы она не боялась, и в конце третьего дня стекла сверкали первозданной чистотой, а сама она стучалась в директорский кабинет за расчетом.

Ночевала она в подсобке на старом топчане, там же прятала старенький чемодан с нарядами, которые ей так и не пригодились для покорения столицы.

Владимир Иванович, довольный работой девушки, не обманул. Денег, правда, он дал немного, но протянул Таньке мешок, в каких перевозили по железной дороге почту.

Танька раскрыла мешок и обомлела — копченая колбаса, сыр, московские конфеты, какие-то непонятные консервы с непонятным содержимым. А завершал праздник чревоугодия виданный только на картинках ананас.

Окрыленная Танька едва не забыла поблагодарить директора и выскочила в вестибюль, рассчитывая успеть на рабочий поезд до Вязовки.

Дома свекровь и Володя, обрадованные Танькиному возвращению, а больше всего московским гостинцам, не спешили спрашивать ее о поездке.

Лишь Володька задал вопрос о Кремле, на что Танька, стараясь изобразить равнодушие, спокойно ответила:

— А ведь ты был прав, Володя. Спасская башня в самом деле похожа на наш дновский вокзал...

ИЛЬЯ КРИШТУЛ. КАРТИНКА НА ШКАФЧИКЕ

Жизнь Лепёшкина была предопределена картинкой на его шкафчике в детском саду.

Что бы он не делал, куда бы он не стремился — он всегда тыкался в этот яркий наклеенный рисунок. На занятиях по мелкой моторике дети лепили из пластилина то, что было нарисовано на их шкафчиках, и Лепёшкин с ненавистью ваял свой дурацкий овощ, который воспитательница потом отдавала умиленным

родителям. Сок из него он с отвращением пил дома и на полдниках, на детсадовских грядках маленькому Лепёшкину всегда доставалась грядочка с ним, а про праздники и говорить нечего — на всех маскарадах и Новых годах Лепёшкин красовался в уже очень поддержанном костюмчике картинки со шкафчика. Лепёшкин пытался бунтовать — там, в садике, он ещё не знал, что с судьбой спорить бесполезно. Однажды, перед прогулкой, он подошёл к шкафчику с наклеенным фиником, где лежали вещи Леночки Кругловой и нагло надел на себя её платье, колготки и туфельки. Был скандал, стояние в углу и потом Лепёшкина ещё долго водили к детскому психологу, опасаясь за его ориентацию. Психолог отклонений не нашёл, но посоветовал развесить дома такие же картинки, как и на шкафчике — «что б мальчик не путался в овощах и фруктах». И Лепёшкин смирился...

Все школьные годы он сидел на задней парте, в учебники не заглядывал, с одноклассниками не дружил, а постоянно и задумчиво глядел в окно на «Гастроном» по соседству со школой. «Куда ты всё смотришь, Лепёшкин?» — иногда спрашивали учителя, и Лепёшкин отвечал: «Вон, в «Гастроном» овощи привезли, разгружают...». «Хоть бы книжку какую прочитал, так и вырастешь овощем...» — пророчили учителя, ставя ему тройку. И пророчище в школе у Лепёшкина было соответствующее.

После школы Лепёшкин не стал никуда поступать, отслужил в армии и, вернувшись, устроился в «Гастроном» грузчиком. Там он познакомился с будущей женой, продавщицей из овощного отдела Наташей. Искра между ними пробежала за бутылочкой вина, когда оказалось, что Наташа ходила в тот же садик, что и Лепёшкин. И шкафчик у неё был тот же, с овощем. Они пожелились, Лепёшкин даже предпринял попытку вырваться из овощного круга и решил пойти учиться на какого-нибудь машиниста, но проспал собеседование. Он не расстроился, он уже знал, что всё в его жизни предопределено.

Иногда, после смены, они с женой брали семечки, пару бутылочек недорого вина, приходили к своему детскому садiku и садились на лавочку неподалёку. Им нравилось мечтать,

---

что бы было, если бы картинка на их шкафчике была другой. «Вот у Ленки Кругловой был финик нарисован и она в Израиль уехала, к евреям и пальмам... Вот дура... Был бы у меня на шкафчике финик, я бы тоже у евреев жил...» – говорил Лепёшкин. «А у нас у Ольги у Ивановой две дыни были нарисованы и у неё грудь пятого размера выросла. Её депутат замуж взял, сучку такую. Я так хотела с ней шкафчиками поменяться, как чувствовала!» – отвечала Наташа. И Лепёшкин наливал вина.

А потом «Гастроном» превратился в сетевой супермаркет, в него пришли грузчики из далёких стран, а Наташу повысили до менеджера торгового зала. Но Лепёшкина не выгнали. Ему выдали костюм овоща и он ещё долго раздавал в этом костюме всякие бумажки про акции.

Он и умер там, внутри этого костюма.

Так что это был за овощ?

«Сидит девица в темнице, а коса на улице, что это, дети?» – спрашивала воспитательница. «Морковка!» – хором кричали дети и на сцену выходил трёхлетний Ванечка Лепёшкин в костюме морковки. С этой сцены, не снимая костюма, он и шагнул в свою длинную сумрачную жизнь...

Интересно, а какая картинка была на моём шкафчике в садике? Мама говорит, что белоснежный морской парусник с полными весёлого ветра парусами, а тёща – что серое и унылое здание Бутырской тюрьмы.

Я больше верю маме...

ДАРЬЯ СТРАННИК. НИРВАНА С ПОБОЧНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Моя тётя всегда говорила – все беды не из-за проблем, а из-за нашего отношения к этим проблемам.

– Ну бросил он тебя, и чёрт с кобелем, чего реветь? Держи... – Тётя порылась в сумочке, достала упаковку с маленькими белыми таблетками и протянула её маме. – Это от нервов,

одну перед сном, остальные – по надобности, но не больше трёх в день.

Моя энергичная и жизнерадостная тётя работала в аптеке и всегда имела при себе целый арсенал пилюлей, мазей и капель.

И действительно, с белыми таблетками мама стала поспокойнее. Пока в один прекрасный день, правда, таковым он мне сначала не показался, не успокоилась насовсем.

– Передозировка, – сказал врач.

– Самоубийство, – сказал полицейский.

– Не реви, – сказала тётя и капнула в мою чашку что-то розовое.

Тут-то я и заметил, как красиво играет солнечный луч с подвеской хрустальной люстры. Кажется, я несколько часов наслаждался этим зрелищем. А потом ещё несколько дней ходил под впечатлением.

Соседи и родственники печально качали головами и шептались:

– У мальчика шок.

Сделанная после похорон фотография сохранила наши с тётей умиротворённо улыбающиеся счастливые лица на фоне скорбной и удивлённой толпы.

Тётя усыновила меня, и мы зажили хорошо, счастливо. Когда я отказывался делать уроки или наводить порядок в своей комнате, тётя принимала таблетку и улыбалась. Против страха перед контрольной, тётя давала мне капли, и я с радостью шёл в школу и так же радостно несколькими днями позже приносил домой двойку. К счастью, у тётки были лекарства и для учителей! Чем только не болеют педагоги: тут весь алфавит от «а» как адипозитас, через «г» как геморрой да «и» как импотенция, до «я» как язва.

В общем, слава фармацевтике, я спокойно и счастливо закончил школу, не менее спокойно и счастливо выучился на повара и нашёл прекрасную работу в заводской столовой. Появились, правда, побочные действия: после капель подёргивалось

левое веко, мази вызывали зуд и сыпь, а из-за таблеток в голове был туман, но эти мелочи не мешали великолепно себя чувствовать. Комплексы, стресс, любовные переживания, страхи и печали, всё то, что мучало и изводило одноклассников и сокурсников, меня, благодаря тётке и её каплям, не касалось!

Я не был самым богатым, успешным или популярным, но однозначно самым счастливым человеком из всех знакомых. Конечно, не считая тётки, достигшей последней ступени дзен-буддизма, когда догадалась смешивать розовые капли с половинкой синей продолговатой таблетки.

Даже приближающаяся электричка не смогла вывести эту необыкновенную женщину из состояния умиротворённости и спокойствия.

На похоронах я с тёплым смешком попрощался с улыбающейся даже в гробу тёткой. Остальные, как всегда, куксились. Что тоже было по-своему весьма забавно.

С тех пор прошло много лет, я женился и развёлся, был уволен и нашёл новую работу. Случались в моей жизни и болезни и мордобой с кражей. Начали выпадать волосы и побаливать печень, но ничто не могло поколебать счастья, формулу которого мне завещала запасливая тётка.

Я часто и с благодарностью вспоминаю эту необычную женщину, она подготовила меня к настоящей жизни.

Я принимаю розовые капли и с улыбкой смотрю новости, глотаю синенькую пилюлю и не боюсь выходить на улицу, кроме того синенькая побочным действием подавляет голод. Половинка белой таблетки помогает сохранять спокойствие: не вздрагивать при звуках выстрелов и не пугаться валяющихся здесь и там трупов. Ещё аскорбинку за щеку — и я, непроизвольно подмигивая, почёсывая сыпь на лысине и не помня, куда и зачем вообще-то иду, счастливо смотрю на перепуганные и измождённые лица прохожих.

Верно подметила тётка: беды не из-за проблем, а из-за нашего к ним отношения.

АЛЕКСАНДР ГРУБИНОСКИ. 03

Синяя малолитражка неслась по шоссе, бодро шелестела по асфальту резина. В машине сидело двое. Усатый мужик за рулем без конца поправлял торчащие лацканы черного фрака, накинутаго прямо на застиранную майку, и беспощадно давил на акселератор. Приятель, что ерзал на заднем диване, тоже был одет несколько странно, пестрый веселенький «леотар» обтягивал худое тело, а красный шутовской колпак был сдвинут на затылок.

Усатый опустил стекло и втянул ноздрями воздух.

— Чуешь пряный запах моря, Бим? — обернулся он. — Это запах свободы, дорогих женщин и сигар «Cohiba Behike».

— А ты, правда, уверен, что мы сумеем проскочить пост в этом наряде? — Бим утер лицо колпаком. — И откуда, ты, кстати, взял это дурацкое имя?

— Почему дурацкое, — пожал плечами усатый. — Нормальное цирковое имя. Был когда-то такой дуэт... Бим и этот, как его... Боб.

— Так ты, значит Боб, а я вот, всего-навсего, Бим?

— Да, все верно.

— Давай тогда, лучше я буду Боб.

— Хорошо, пусть ты будешь Бобом, — хмыкнул усатый.

Мужичок в «леотаре» о чем-то задумался и еще раз промокнул лицо колпаком.

— Нет, давай все-таки, я буду Бим, — потом присвистнул и добавил. — Ну и вид у нас с тобой, Боб.

— Все, что было в машине... Не думай о колпаке, думай о мешке денег в багажнике, ради шелеста целого вороха бумажек можно и голыми проскочить... Ты же не голый?

— Не голый, но в промежности жмет, сижу, как раскоряка... сдается клоун этот или акробат был лилипутом. Себе вон, смотрю, фрак отхватил.

— Послушай, Бим. Если бы ты не завалил этого барыгу, ушли бы по-тихому... Ты какого черта вообще «пулять» начал?

— Показалось, что у него «ствол» в пиджаке, — Бим погрузился и уставился в окно.

— То-то, показалось, — усатый сплюнул себе под ноги. — Своей пальбой всю полицию на уши поставил... Барыга с пулей в животе, а это тебе ни кошелек на «рывке» подрезать, статья-то совсем другая, два минойских алабастрона вдребезги, а могли бы с собой прихватить, зеркало расколотил, пистолет потерял... и теперь еще рассуждаешь, кем тебе быть Бимом или Бобом.

— Послушай, Боб, — Бим почесал грудь и скривился. — А ты, точно знаешь, что тот балаган с площади поехал именно этой дорогой?

— А куда им еще ехать, — хмыкнул Боб. — Дорога к морю, а море это свобода... Так что, не причитай. Остановят, скажем, что от своих отстали, чем мы не цирковые... Ты, главное, не забудь, что Бим это ты... Вон, твою мать, похоже на ловца и зверь бежит...

...Рыжий полицейский офицер поправил ремень на огромном животе, что-то буркнул в рацию и вразвалочку подошел к машине. Заглянув в салон, приветливо улыбнулся.

— Антре... — хихикнул он. — Неужели циркачи?.. Надо же, стоишь здесь себе, жарись под солнцем, жалеешь, что не попал на представление с этой службой и тут хвала провидению... вот так вот запросто...

Боб кивнул:

— Да, лейтенант, своих догоняем... Даже переодеться вчера не успели, ох и сладкие девки у вас в городе, почти гуттаперчевые.

— Может и так, — рассеянно промышчал полицейский и расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. — Ну и пекло, уже две бутылки минералки осилил, — сообщил он и задумался. — А как у нас с документами?

— Плохо, — развел руками Боб. — Все у хозяина... суета сует и всяческая суета, как говорил один великий человек, не помню кто.

– Надо бы помнить, – усмехнулся полицейский. – Сказал это третий еврейский царь... У нас его называют Соломон, или же Иедида, а еще болтают, что ему поклонялись джинны, а держать в узде джиннов это уже серьезно, это вам не «кабриоль» отработать... Вы бы, все-таки, вышли из машины, господа артисты.

Подельники переглянулись. Боб кивнул, вылез первым и запахнул фрак:

– Позвольте представиться... Сегодня на манеже Бим и Боб. Боб это я.

Бим почесал промежность, широко расставил ноги и где-то на самой зыбкой грани наличия слуха затынул «Выход гладиаторов».

– Ну да... напарник говорил, что пару часов назад шапито вытянулось в сторону моря, точно змея, – полицейский сдвинул фуражку на затылок и запустил пятерню в свои огненные вихры. – Как называется?

– Что называется? – Боб глянул куда-то в сторону.

– Ну, цирк, как называется? – лейтенант прищурился.

Боб уставился в небо, а Бим пожевал губами и вдруг отчаянно ляпнул:

– Оз!

– Оз? – переспросил полицейский. – А не слишком громко для балагана?

– Хозяин так решил, – пожал плечами Бим. – А нам разницы нет, лишь бы сборы были хорошие.

– А вы кто у хозяина? Ну, клоуны там... акробаты, – не успокоился полицейский. – Я цирк страсть, как люблю... помню в детстве проезжал через наш городок балаган, вместе с ними и рванул...

– Я жонглер, – чуть замешкался Бим. – А вот он фокусы показывает, – и ткнул пальцем в Боба.

– Жонглер... здорово, – лейтенант цокнул языком. – Может, что-нибудь изобразишь?

– Да я бы с удовольствием, – улыбнулся Бим. – Только весь реквизит уже к морю уехал.

– Жаль, – вздохнул полицейский. – Хотя, постой...

Он подошел к патрульной машине, нырнул в багажник и вытащил целлулоидную упаковку с мячами для тенниса.

– Сколько мячей удержишь? – глаза полицейского весело заблестели.

Бим хмыкнул, вскрыл упаковку и со знанием дела принялся ощупывать мячики лимонного цвета, тряс их и зачем-то подносил к уху.

– Дерьмо тебе продали, – скривился он и оставил себе только три.

Мячики заплясали в воздухе, но через пару мгновений один плюхнулся на асфальт и закатился под машину.

– На репетиции руку вывихнул, – Бим поморщился. – Еще не зажила.

– Эх... – протянул лейтенант. – А у меня уже с шестью получается... Ну тогда, может фокус какой-нибудь, – не унимался он.

– А у тебя и карты есть? – усмехнулся Боб.

– Есть, – кивнул полицейский и достал из кармана колоду. – Пальцы тренирую, пытаюсь отточить «вольт» до блеска.

Боб крикнул, закатал рукава и несколько раз тщательно перетасовал карты.

– Пороли, когда поймали? – участливо спросил он.

– Неделю сидеть не мог, – усмехнулся полицейский.

– Ладно, сейчас из колоды я на твоих глазах достану четыре милые дамы, если, конечно, ты мне поможешь... Называй любое число от десяти до двадцати.

– Ну, это я знаю, – огорченно сказал лейтенант. – Пальцы, смотрю, у тебя работают шустро, ну а дальше простая математика... Дамы свои места уже заняли... девятая, десятая, одиннадцатая и двенадцатая в первых двадцати картах, а эти карты ты положил поверх колоды, двадцать, кстати, число статичное и означает покой... только не уверен, как ты распределил масти... Затем, будешь отсчитывать то число карт, какое я тебе назову, причем счет начнешь сверху. Сложишь цифры моего числа... Все верно?

— Есть у меня один номер, когда публика тяжелая... думаю понравится, — ухмыльнулся Боб и разложил колоду «веером». — Ты про Вильгельма Телля слышал?

— Яблоко на голове?

— Так вот, беру я это самое яблоко, ставлю на голову Бима и прошу, чтобы самый недоверчивый «знайка» завязал мне глаза, — Боб сложил карты и сунул в карман лейтенанту. — Далее... барабанная дробь, истошные бабьи крики, кому-то несут наша-тырь... затем выстрел, яблоко вдрызг, лучше, конечно, выставить красное и сочное... валторна просыпается и оркестр, как врежет туш.

— И что... прямо сейчас можешь показать? — лейтенант с сомнением посмотрел на Боба. — Только пистолет я тебе не дам.

— Свой имеется для таких случаев, — раздраженно ответил Боб.

Бим поперхнулся и ошарашено посмотрел на подельника.

— Надеюсь, зарегистрированный? — полицейский облизнул губы.

— Конечно, — Боб деловито потер ладони. — Давай так. Я снимаю яблоко с головы Бима... и мы без всяких там «копфшпрунгов» и лишних вопросов догоняем наш балаган... Ну как, идет? Кстати, у тебя яблоко есть?

— Яблоко? — задумчиво переспросил лейтенант. — Нет, яблока нет... — пробормотал он, затем, все-таки, что-то решил для себя и выпалил. — Давай... Яблока нет, мячик на голову поставим.

— Мячик, так мячик, — кивнул Боб.

Он подошел к Биму, как-то чересчур театрально обнял его и зло зашептал приятелю в ухо:

— Да не трясись ты.

— А ты это... уверен, что попадешь? — как-то тоскливо спросил Бим.

— Идиот... мне главное «ствол» достать, вряд ли промахнусь в эту жирную скотину, я белочке в глаз попадаю.

— Понял, — облегченно выдохнул Бим.

— Двадцать шагов! — крикнул Боб в пустоту и раскланялся воображаемой публике.

Затем натянул подельнику колпак по самые уши и аккуратно водрузил на голову приятеля мячик.

— Платок, шарф... Что есть в наличии, господин полицейский? — Боб еще раз поправил на фраке оттопыренные лацканы, отсчитал шаги, и, встав напротив приятеля, несколько раз поднял руку с воображаемым пистолетом, точно прицеливался.

Лейтенант почесал затылок и расстегнул кобуру. В машине нашлась какая-то тряпка, лейтенант глянул сквозь нее на солнце и улыбнулся.

— Кстати, «пушку» достанешь только по моей команде... думаю, она у тебя в левом «профонде», — кивнул он на фрак и завязал Бобу глаза, дважды проверив узел.

Боб сплюнул, а Бим принялся что-то скучно высвистывать себе под нос.

— Послушай, родной, если «плетка» сдвинется в мою сторону, хоть на сантиметр, стреляю сразу, — усмехнулся полицейский, вытащил пистолет и щелкнул предохранителем. — Знаю, я вас, цирковых, с вашими шутками... то гирую в зал швырнете, то ведром воды окатите для пущего куражу... Ну, поехали.

«Бульдог» в руке Боба появился из ниоткуда. Раздался громкий щелчок, точно где-то за кулисой отчаянно взмахнули арапником и сейчас на манеже радостно заплещет белоснежная кобылица.

...Пуля вошла Биму точно в глаз. Он икнул, постоял еще пару секунд, затем как-то медленно и неуклюже решил прилечь на шоссе.

— Ну да, — поперхнулся лейтенант. — Такого я в цирке не видел.

Боб проворно сорвал с глаз тряпку и наставил револьвер на полицейского. Выстрелы прозвучали одновременно. Боб шлепнулся лицом вниз, а лейтенант, падая, рукой зацепил упаковку с мячами.

«Надо же, промазал, сука», — осознал Бим перед тем, как нырнул в темноту, словно в голове перегорели лампочки.

«М-да... скомкано все получилось», — хмыкнул Боб и отчего-то понял, что это его последняя мысль.

Лейтенант смотрел в небо, видел, как парит над ним волшебница Глинда из Южных земель... волшебница сладко пела, что стоит только трижды стукнуть пяткой о пятку и хрустальные башмачки перенесут тебя в любую точку... Лейтенант вытянулся, щелкнул каблукми и закрыл глаза.

Мячики лимонного цвета весело прыгали по шоссе в сторону моря, куда пару часов назад укатил балаган.

ДМИТРИЙ ИВАНОВ. КУДА УХОДЯТ КЛОУНЫ?

Ираклий Шапиро служил в цирке-шапито шпрыхсталмейстером лет тридцать пять, а до того выступал и в качестве артиста. Недолго и в детстве: его таскали за собой на гастроли старшие родственники и задействовали в номере «Фараон охотится на царя зверей» в качестве мальчика с опахалом.

Потом была армия, попытка поступить в цирковое училище, разочарование и, наконец, появление своего очага, или по-другому — пристани, в том самом цирке, в котором вечно сопливый Ираклик превратился сначала в брюнетистого Аполлона с очаровательным баритоном...

...а далее — в довольно упитанного мужчину-мачо с чуть седоватыми бачками... Потом же, незаметно для себя и окружающих его цирковых женщин, метафизическим манером изменил свой образ на тот тип культурного еврея из артистической среды, каковым полны современные салоны «тусовочного» толка, то есть попросту стал престарелым бонвиваном с волнистой гривой табачно-сизой седины.

Общество окружающих Шапиро цирковых красавиц тоже претерпело немалые изменения, после чего было немедленно отправлено в отставку: к своим благоверным, как говорится, в стойло. Но молодая, юная поросль, не знакомая с искусством

циркового конферанса, старательно избегала немолодого шпрыхсталмейстера, и тому стоило невероятных усилий и изрядных средств – затащить приглянувшуюся особу в своё холостяцкое логово, где горделиво высился старорежимный диван с кое-где вытертой эротичным узором чёрной кожей.

Иногда в сферу сердечной деятельности Шапиро попадались одетые в фирменные юбки язвительные особы, воспитанные в мифических английских школах для стервозных леди. Они издевались над Ираклием Моисеевичем, не бросая совсем, но и не давая ему уйти самому, всякий раз, когда дело доходило до разрыва, одаривая престарелого ловеласа новыми надеждами. Что ими двигало, этими коварными «кошечками»? Скорее всего, скука и желание ущемить самолюбие бывшего сердцеда и жуира.

По крайней мере, с такого рода «глянцевыми штучками» дальше скромных целований ручек со стороны Шапиро дело не заходило. И вовсе не потому, что Ираклий Моисеевич попал в полноценную революционную ситуацию, когда «верхи уже не могут», верхи-то как раз могли, но «низы» не только отказывались хотеть, но и попросту водили его за нос.

У шпрыхсталмейстера появилась масса свободного времени, которое раньше тратилось на дам. Впору было заняться самообразованием. С возрастом Шапиро вовсе не потерял интереса к получению новых знаний, хотя данная черта природы не слишком свойственна для большинства стареющих мужчин. В минуты меланхолии и скуки, поселившейся в пустоте гулкой души от очередной неудачной попытки обнаружить тургеневскую девушку в разнузданной особе осьмнадцатилетней, он ударился в изучение мистики, восточной её разновидности. И на этой почве подружился с циничным и грубым, не меняющим исподнее по месяцу кряду, ковёрным клоуном Теодором Бардо.

«Наверное, какой-нибудь Фёдор Краснов», – думал Ираклий Моисеевич, рассуждая об ономастической составляющей происхождения фамилии клоуна.

Науки, связанные с мистицизмом, увлекли Шапиро в Тибетские морозные пустыни на большой высоте, где обитают лишь просветлённые буддийские монахи. Его заинтересовала так называемая «тибетская книга мёртвых», также известная под названием «Бардо Тодол». Странное созвучие мистической книги с именем Теодора Бардо и привели однажды вечером, после представления, шпрыхталмейстера Шапиро в вагончик к ковьёрному.

Иракий Моисеевич не успел постучать в дверь. Та сама распахнулась. Ему навстречу вылетела полуодетая дама с сигаретой где-то в районе левого глаза. Ею будто выстрелили из пращи: настолько быстро дымящаяся фемина перемещалась по цирковому городку, извергая на свет божий непроизносимые в приличном обществе проклятия. Шапиро повернул голову в сторону вагончика, всмотрелся. Над ним нависал почти двухметровый клоун Бардо, румяный и лысый, напоминающий колёром и статью перезревший редис.

– Я ей говорю, мол, иди себе, красотка. Сейчас должен приличный человек пожаловать, шпрыхталмейстер, не тебе, дуре, чета. Не понимает. Думает, нашему брату, интеллигенту цирковому, слаще её субпродуктового набора второй категории ничего и нету. Вот и пришлось слегка шлёпнуть, – нараспев пробасил клоун.

«Ничего себе шлёпнул!» – подумал Иракий Моисеевич, а вслух спросил:

– Откуда вы догадались, КТО должен прийти? Полчаса назад я ещё и сам не знал, решусь ли на подобный шаг.

Теодор неопределённо показал рукой в пространство, видимо, обозначая сферу деятельности Мирowego Разума, и ответил:

– Пустяки, мой милый Шапиро. Это пустяки. А фамилия и имя мои – самые, что ни на есть, настоящие. Папа с мамой, французы по происхождению, родили меня в Шанхае, где с цирком на гастролях выступали. Мама-то, конечно, про себя тогда не могла такое сказать... относительно работы на манеже, разумеется. Не выходила она вольтижировать на проволоке по при-

---

чине того, что Я УЖЕ ВЫБРАЛ себе чрево... Она просто за папой всегда следовала. Не доверяла ему вполне... Большой по молодости был гулёна, словно кот мартовский. Но вот после моего рождения остепенился родитель, за ум взялся... Вы же о моём происхождении хотели узнать, не правда ли, Ираклий Моисеевич? Вот теперь узнали...

– Вы мысли читаете?

– Ну, что вы, что вы. Я их не читаю. Просто могу доставить свой разум в сферу действия Законов. Оттуда всё видно хорошо...

– Законов? Выбор чрева? Вы тоже знаете про Бардо Тодол – вон как ловко «тибетскими» терминами оперируете?

– И не только знаю, мой славный Шапиро, но и активно пользуюсь, как вы изволили заметить. Проходите, чего в предбаннике топтаться? Вот сюда, пожалуйста...

Ираклий Моисеевич вошёл. Помещение вагончика представляло собой лишённую мебели комнату, застеленную циновками и обкуриваемую благовониями по углам. В самом центре этой странной площадки стоял огромный кальян с гибким длинным шлангом, позволяющим без труда дотянуться до самых отдалённых уголков необычного жилища.

Рука Бардо указывала на яркий палас рядом с тем местом, где он постоянно сидел сам, если судить по вытертости рисунка и засаленности в форме увесистых ягодиц – клоун явно приглашал присесть. Шапиро опустил на подстилку, всё ещё ошарашенный неожиданными откровениями Теодора – от ковёрного, казалось, нельзя скрыть ничего. Абсолютно.

Бардо молчал. Потом втянул в рукава халата руки, извлёк оттуда две фарфоровые чашечки и бутылку экспортной «Столичной», настоящей – из старинных времён господства умозрительного над очевидным.

Ираклий не помнил, настаивал ли клоун на созревшем к тому моменту брудершафте, но вот что отложилось в памяти точно – дружеское приглашение приникнуть к кальяну. Шапиро всю жизнь не курил, но тут не смог отказать хозяину, хотя выпил

граммов сто, не больше... Ну, что это за доза для опытного старого шпрехшталмейстера, если ему доводилось загружаться «каплями Менделеева» по самую ватерлинию? А тут каких-то полстакана.

Тем не менее, Ираклий Моисеевич, потеряв маломальский самоконтроль, потянулся к дразнящему его воображение мундштуку и сделал затяжку... Он успел увидеть внутри колбы кальяна пузыри взбешённого воздуха, напоминающие маневренные дирижабли, которые заполняли его сознание и уносили туда... в мир Законов, где начиналось Откровение...

В себя Шапиро пришёл только следующим утром, голова звенела от упругих колебаний совершенно неведомых ранее знаний...

Так состоялось их знакомство. Знакомство шпрехшталмейстера Шапиро и ковёрного клоуна Теодора Бардо.

Дальше было странное общение; в результате него Ираклий Моисеевич Шапиро постигал науку, занесённую из заснеженной горной системы, называемой в некоторых источниках Шамбалой. Науку, часть которой конспективно изложена в тибетской книге мёртвых. Бардо Тодол, если быть точнее.

В моменты причудливых и довольно странных бесед шпрехшталмейстера Шапиро со своим поверенным в делах эзотерики клоуном Теодором Бардо, их физические сущности не двигались совершенно. И даже слова, коими они изредка обменивались, жили сами по себе, расставаясь со своими хозяевами, как наивные осенние листья расстаются с умудрёнными опытом деревьями.

Цирк уезжал...

...и только на центральной площади, в высохшем накануне Большой Перестройки фонтане лежал забытый клоун Теодор Бардо.

В остекленевших глазах опытный иридодиагностик сумел бы различить туманный силуэт видного господина яркой иудейской наружности с сединой вьющихся волос на правильной формы

черепе. Отражение — стоп-кадр, последнее, что видел покойный. Температура падала. Физическое тело гаера и шута лежало на дне мраморной чаши, внутри же его оболочки, наподобие матрёшки, просыпалось тело астральное, готовое устремиться в третью сферу, предписанную Тибетским кодексом мёртвых. Туда, где существовали законы, управляющие разумом физических существ.

Клоун Теодор или, правильнее будет сказать, бывший клоун Теодор, ещё не осознал сего факта (рассудок сопротивлялся очевидному) и пытался купить билет в кассе железнодорожного вокзала, хотя в nirvanу билетов там не бывало со дня основания железных дорог в России. Его никто не слышал и не видел, от этого Теодор Бардо ярился, вызывая беспричинную головную боль и немотивированную депрессию у случайных свидетелей незначительных колебаний биосферы в районе зала ожидания.

Цирк уехал...

...и остывало под вечер набродившееся за долгий июльский день солнце. И распахивались окна, впускающие в тесноту душных квартир обволакивающее желе северной ночи, которая хоть и перестала быть «белой», но всё ещё не могла похвастаться радикальной чернотой, взбодрённой лишь зеленоватой мистической луной Архипа Куинджи. И становилось тихо и покойно... И почти никто не заметил, цирка-то уже нет.

...цирк уехал.

И клоуны тоже оставили город, покинув в нём счастливых на своём третьем дне беременности оптимистичных матерей-одиночек (в ближайшей перспективе) и заместителя мэра по культуре с большой от многодневного запоя головой, с крутящейся в ней странной фразой: «...нечутко вопиющее словосмешение с присовокуплением в городской быт ценностей современной мировой культуры...»

Господин шпрыхталмейстер подождал, пока пассажиры улягутся спать, вышел в тамбур, распахнул двери, соединяющие

вагоны, и выбросил на рельсы стакан и табакерку с сильнодействующим наркотическим порошком — к чёрту улики! Тибет мог быть спокоен: Шапиро уже не нуждался в бесконечных подтверждениях истинности странного учения о мёртвых. Оно жило в нём. И в голове продолжало пульсировать нечто диковинное, сорвавшееся на гулкое дно памяти, как мелкая монетка проваливается за подкладку пальто в прореху кармана: «...Оглядев себя и сосредоточившись на подробностях руки или ладони, мы обнаружим, что стали прозрачными, а наше новое тело — всего лишь игра света, бликов. Стоит распознать это и не испугаться — вмиг придет Спасение. Откроется Тайная Тропа!»

Иракий Моисеевич ощущал странное облегчение. Именно он дал возможность ковёрному клоуну Теодору войти в царство Теней и выбрать, выбрать себе новую физическую сущность. Как они уговорились дня два назад, так Шапиро и сделал. Развести смертельную дозу в пластиковом стаканчике — чего уж проще.

Теперь... нужно немного подождать. Совсем немного. Сначала девять дней, а потом ещё сорок, итого — сорок девять, а не так, как думают православные... Бардо сделает знак ОТТУДА, и он, шпрыхсталмейстер Шапиро, добровольно отдаст ему своё физическое тело. Всё должно получиться... эксперимент, равных которому, никто никогда не проводил...

А на крыше вагона сидели три ангела в запотевших от ночной прохлады латах и играли в слова на арамейском языке. Они готовились забрать остывающую нематериальную сущность умершего, как говаривали в старину, в результате апоплексического удара, Иракия Моисеевича Шапиро. Его физическое тело лежало между вагонами, а тело астральное перемещалось в сторону своего купе, и перевозимая без справки ветеринара (за взятку) сучка породы левретка злобно щерила маленькие острые зубки в его сторону — собаки чувствуют перемещение душ.

Он ещё не понял... Он пока ничего не понял... В голове крутилась странная фраза про негра преклонных годов... про

нечеловеческой силы любовь к вождизму, о чём-то ещё, впрочем, совсем неважном. Но вскоре всё изменится. Тибетская книга мёртвых напомнит ему содержимое своего нетленного похотливого чрева...

Каков тогда будет... ЕГО... выбор? О выборе же Теодора Бардо говорить, увы, не приходится. Если верить тибетской книге мёртвых.

ДАРЬЯ СТРАННИК. БЕРЁЗКА

Если дойти до предпоследнего дома на нашей улице, а потом свернуть направо, можно увидеть странный объект, напоминающий груды металлолома. Некто водрузил эдакую конструкцию на бетонное возвышение и объявил искусством. Но ни у кого с нашей улицы при виде этой хреновины чувства прекрасного не появлялось. Да и знакомые с соседней восторгов не высказывали, я специально выведал.

С одной стороны — ну и фиг с этим металлоломом. Будь такая штука искусства настоящей Моной Лизой, то давным-давно понаехали бы сюда разные японо-немцы с фотоаппаратами.

А с другой стороны... Идёшь, бывало, мимо, смотришь — гора ржавого железа. Зайдешь с другой стороны — металлолом покорёженный. И так обидно остановится, так стыдно за тёмность свою. Вроде уже объяснили глупым: это искусство, поставили повыше, чтобы, значит, лучше видно было. Но не принимает, не понимает душа прекрасного. И чувствуешь себя потом весь день беспросветным дураком.

Понятно, что мимо ходить перестали, направо у предпоследнего дома улицы не сворачивали, а шли некоторое время прямо, чтобы обогнуть укоризненное место.

Путь этот пересекала оживлённая дорога — без светофора, «слепой» поворот в придачу. И берёзка красивая. По-человечески, понятно так красивая. Весной и летом белый ствол изумрудные листики оттеняет, осенью от золотистой кроны глаз не ото-

рвать, даже зимой ветви леденеют и блестят на солнце, словно хрустальные.

Только не зря мама, выщипывая брови, говорила, что красота требует жертв.

Шла старушка Никифоровна, засмотрелась, на ветви гибкие, вспомнила, как поцеловал её в молодости под такой берёзкой муж будущий... Сбила легковушка старушку. Мы недели три хихикали с печальными лицами.

А потом на деревце сосед Мишка засмотрелся, он мужик прагматичный, хозяйственный и то не устоял перед прекрасным: прикидывал, сколько с лепоты такой сока добыть можно. Мишку сбил грузовик, и всем стало не до шуток – не рифмуется ведь совсем.

Школьник Ваня углядел в кроне берёзы птичье гнездо и мысленно уже карабкался вверх, когда мелкого переехал мотоциклист.

О чём думала рыжая студентка, когда её сбил автобус, никто не знал. Девушка не с нашей улицы оказалась, а с проспекта Строителей; они там чёрт знает, что за мысли мыслят. Но тело прямо под берёзку откинуло, не обошлось без неё, родимой.

Полегло там много народу. Я после двенадцатого считать перестал, а то, говорят, тринадцатому счастья в жизни не будет. Пусть и загробной.

А ещё был случай, НЛО прямо около перекрёстка в аварийном порядке приземлился. Конечно, на время всё оцепили и засекретили. Пассажиров наверняка вскрыли и заспиртовали. Поделом, нечего чужакам на нашу берёзку палиться!

В райкоме заволновались, зашевелились – скоро выборы, а тут авария за аварией статистику какую-то портит. Поставили светофор новенький. Стоит, мигает, а рядом берёзка – загляде-нье!

Теперь все сравнивали красоту природную с делом рук человеческих. И так эти светлые мысли заполняли душу, так внимание занимали, что по сторонам смотреть забывали.

Ещё четыре раза на поминках водку пил, а потом берёзку спилили.

Стоишь теперь на перекрёстке, пенёк рассматриваешь, глаза от обиды и печали слезами наполняются. Как тут уследить за светофором и поворотом?

А потом в рамках тех же выборов другую статистику правила и переплавили металлическое уродство — то что справа от предпоследнего дома — на утки для больницы.

Люди начали снова безопасным путём пользоваться. И только по особым дням ходят к перекрёстку, чтобы, так сказать, эстетически опохмелиться.

Я иногда тоже туда хожу, смотрю на одиноко мигающий светофор и светлый пенёк. Красота! Эйфелева башня отдыхает. В груди щемит, слов нет, скупая слеза по небритой щеке ползёт. Потом весь день чувствую себя таким возвышенным, что порхаю, как восторженный, но неуклюжий курчонок — словно в трёх музеях побывал. Вот это, понимаю, искусство!

Но ходят слухи, вроде, на пустой пьедестал опять чего-то возвышенно-металлическое водрузить собираются. Выборы-то прошли. Ох, чует моё сердце, опять статистику портить будем. На пеньке-то берёзовом побеги появились. Думаете, совпадение?

АННА СЕМИРОЛЬ. ЛЕСНОЙ ОЛЕНЬ

Настя одиноко стояла на автобусной остановке и ждала любовь.

Она изо всех сил делала вид, что ждёт только автобус, потому что делать одухотворённое и нежное лицо в семь вечера на холодном декабрьском ветру было неудобно. Неромантически развевающиеся волосы приходилось то и дело запихивать под капюшон короткой дублёнки, нос замёрз и покраснел, а вот проклятые сопли оттаяли. Надежда Насти на чудо и встречу с мужчиной её мечты таяли, а автобус всё не приезжал.

Окна окраинных многоэтажек источали уютный апельсиновый свет. Переливались огоньками новогодние гирлянды. Редкие прохожие тащили домой ёлки. Дородная тётка с раздутыми от продуктов пакетами для праздничного застолья перебежала дорогу на красный свет.

Очередной порыв ветра швырнул в тепло под капюшон горсть снежинок. Настя заплясала на месте, ёжась от холода, подышала на ладони и запела, безбожно фальшивя:

– Вернись лесной олень по моему хотенью, умчи меня, олень, в свою страну оле-енью! Где сосны рвутся в небо, где был живёт и небыль, умчи меня, блин, ну что тебе стоит?..

Мимо проезжали авто, обдавая Настю светом фар. За последние десять минут возле хрупкой длинноногой студенточки останавливалась уже третья машина. Опускалось стекло, и мужской голос разной степени приятности предлагал подвезти. Но Настя гордо отворачивалась, ибо слишком хорошо знала себе цену и была готова сесть в машину только к принцу. И как минимум в «майбах». Ни грязная «шаха», ни «опель» с гнутым клёпаным крылом, ни скромный «хёндай» принцев в себе не несли.

– Цып-цып-цып, автобус, – пищала Настя, приплясывая и поджимая то одну, то другую ногу в нелепых розовых «угах». – Нет, на «цып-цып» клюют курицы... Бип-бип-бип!

Ветер усилился, снег повалил крупными хлопьями – как в детстве, когда Настя лупцевала сестру Алёнку подушкой, а наволочка вдруг порвалась, и вся комната наполнилась летающими перьями. Белыми-белыми. Было прикольно набирать их и опять швырять вверх горстями. Но потом вернулись с работы родители и устроили дочерям бадабум. И собирать перья веником в совок было уже совсем не прикольно.

Настя запрокинула голову, позволив капюшону с меховой оторочкой упасть на плечи. Под фонарём в ярком свете кружились в танце снежные хлопья. «Ну где ты, принц? – подумала Настя, романтично шурясь. – Вот всё, что надо для счастья. Снегопад, предновогодний вечер, миленькая девушка одна на остановке... и автобус не едет. Появляйся давай!»

– Или хотя бы автобус, – добавила Настя вслух.

– Дзэушка, дарагой! Пачиму скучаишь? – донеслось из четвёртой остановившейся напротив неё машины.

Настя гневно насупилась, надвинула капюшон и оскорблённо отвернулась. Машина отъехала. Автобус всё не появлялся. Снег летел, ложился в подставленные лодочкой ладони в розовых варежках. Стало теплее, и Настя повеселела. Сплясала малоизящный дикарский танец, помахала руками, спела песню про снег, который идёт.

Вдалеке сверкнули фары, показались очертания автобуса.

– Ура!!! – запрыгала на месте Настя, на секунду перестав мечтать о принце.

И в этот момент прямо из снежной пелены к ней вышел олень.

Он был великолепен. Белый от снега, с огромными тёмными глазами, обрамлёнными густыми ресницами. И с влажным коричневым носом. Олень остановился напротив Насти и шевельнул ушами. И в этот самый момент Настя поняла, что автобус поедет дальше без неё.

– Ой... – сказала она, тая от умиления. – Ваще-еее...

Олень переступил длинными тонкими ногами и потянулся к девушке мордой. Автобус подкатил к остановке, гостеприимно распахнул двери. Там, в салоне, тепло и сухо. И через сорок минут Настя приедет домой, где ма, па, Алёнища со своим задолбавшим рэпом и горячий ужин. И какао.

Настя во все глаза очарованно смотрела на оленя. Дивный зверь обнюхал протянутую к нему руку, ткнулся в рукав короткой курточки с меховой оторочкой, обнажая тоненькое запястье девушки. И поднял на Настю глаза, красивее которых она ничего на свете не видела.

– О... Ты ручной, да? А можно я тебя потрогаю?

Автобус закрыл двери, фыркнул, медленно покатил дальше и растворился в мельтешении снежных хлопьев. А Настя даже не взглянула в его сторону. Она бережно погладила оленя по пятнистой заснеженной шкуре, тронула изящные рожки и окончательно поверила в чудеса.

— Ты моя новогодняя сказка, да? — спросила она, улыбаясь во весь рот.

И тут олень кивнул. Важно, отчётливо качнул головой вниз-вверх, не сводя с девушки миндалевидных глаз в обрамлении коротких густых ресниц.

— Ты что — меня понимаешь? — изумилась Настя, и получив в ответ ещё один кивок, восхищённо открыла рот.

Она уже видела себя прогуливающей сказочного зверя на тоненькой цепочке в модном ошейнике по центру города. Чтобы принцы сразу заметили и штабелем к ногам сложились. Чтобы эти, которые в универ приезжают на собственных красненьких машинках, все ногти себе переломали от зависти.

— А ты откуда? — поглаживая оленью шею, спросила девушка. — Из цирка? Такой смыслёный... Тебя, наверное, ищут.

Олень моргнул и пошевелил ушами — совсем как корова в рекламном ролике. Настя умильно всплеснула руками:

— Бе-едненький! Совсем ничей, правда-правда?

Зверь опять кивнул, посмотрел Насте в лицо взглядом круглого сироты и положил ей голову на плечо. И вздохнул.

— Божечки-и-и! Лапулечка, масявичек мой несчастненький! — заблажила Настя так слёзно, что старушка, переходящая дорогу, и пешеход на другой стороне улицы заозирались во-круг. — Я нашла тебя, и я тебя не брошу, моя ты прелесть! Какой же ты прекрасный!

Прекрасный и величественный «масявичек» вскинул голову с венцом из острых аккуратных рожек и медленно опустился перед девушкой в снег, согнув длинные ноги. Настя неуверенно переступила с ноги на ногу и уточнила:

— Ты меня что — покатать хочешь? Ре-аль-но?!

Сердце от счастья пело и частило, как у испуганного кролика. Настя смахнула снег с оленьей спинки, обвела варежкой несколько симпатичных белых пятнышек на пёстрой шкуре. Олень обернулся, ухватил варежку мягкими губами и потянул. Девушка подумала, сняла рукавички и сунула их в карманы дублёнки. Прикосновение тёплой ладони к влажному кожаному но-

---

су наполнило Настю невыразимым восторгом. Хотелось плясать, петь и швырять в воздух пригоршни снежных перьев. Не давая себе передумать, девушка переступила через лежащего зверя и села ему на спину.

– О-ой! – восторженно выдохнула Настя, когда олень острожно поднялся и неуверенно шагнул раз, другой...

Качало здорово, и Настя очень боялась свалиться. Поколебавшись, она обхватила оленя за шею, сцепив пальцы в замок. И только она успела подумать: «А куда он сейчас побе...», как олень стремглав понёсся прочь от остановки на окраине города в поле, за которым виднелся молчаливый заснеженный лес.

Сперва Настя хотела завопить: «Помогите!», но решила забить на всё и ехать в свою сказку. В конце концов, ручные олени из леса не каждый день приходят в город. «Я особенная, – довольно жмурясь, подумала она. – Нафиг принцев, я избранница короля оленей! И он мчит меня в волшебную страну!»

– Вернись, лесной олень, по моему хотению! – пела Настя, пойкивая, когда олень скакал по кочкам и брал барьеры, пролетая в прыжке над невысокими кустами. – Умчи меня, ой, олень... в свою страну оле-енью! Ой! Где ой... сосны рву-утся в небо, где быть ой... живёт и небыль... да ой! Умчи меня туда, лесной оле-ееее-ень!

Он мчал. Перед глазами девушки мелькали заснеженные ветки, ветер бил в лицо, засыпая за воротник колкие холодные искорки. Руки без варежек замёрзли, и Настя старательно прятала занемевшие пальцы в короткую оленью шерсть. Ноги крепко сжимали бока чудесного скакуна. Азарт прогонял прочь неуместное в сказке чувство опасности, ей было совершенно всё равно, куда несётся легконогий зверь. Тут леса-то – за двадцать минут насквозь пройти, всегда можно вернуться обратно по следам. Лишь бы снегопад их не успел спрятать...

Время стёрлось, спуталось, закружилось белой позёмкой. Осталось лишь волшебное чувство езды верхом на сказочном звере – почти полёт. Захватывало дух, Настя закрывала глаза, позволяя снежным перьям поглаживать щёки и лоб, запорокиды-

вала голову, представляя, как экзотично она смотрится со стороны. Жаль, никто не видит. Надо будет так по городу проскакать.

И сразу все заоборачиваются, будут ахать, завистливо смотреть вслед, поднимать детей повыше, чтобы видели... А она будет скакать, такая лёгкая, миниатюрненькая, беспечная, счастливая. Избранная. Одаренная чудом накануне Нового года. И зачем какой-то там принц, когда у тебя есть олень?..

Елочная лапа хлестнула по лицу, оборвав Настины мечты. Девушка качнулась, покрепче сцепила пальцы, выпрямила спину и открыла глаза. Олень уже не нёсся — трусил по колена в снегу в чашу леса. Темень вокруг была такая, что Настя сперва оторопела. Потом решила, что путь в сказку тернист и нелёгок, зато в конце всё будет, как в «Морозко». Возможно, даже с сундуком сокровищ и этими... развалинами? Розвальнями? Девушка храбро улыбнулась и прищурилась, вглядываясь в темноту перед собой: не засверкают ли где волшебные огоньки оленьей страны? Нет. Лишь снег сыпал над лесом, как будто кто-то тряс огромную наволочку от перьевой подушки.

«Его надо как-то назвать, — задумалась Настя, почёсывая оленю шею. — Как там по-английски „лесной олень“? Лес — это форест. Наверное, „лесной олень“ — это Форест Гамп. Вот. Точно. И звучит классно».

И когда Настя задумалась над тем, понравится ли её сокровищу имя Форест Гамп и как приучить его писать и какать в лоток, олень остановился. Изогнул шею, поглядел на девушку гипнотическими чёрными глазами, ткнулся в предплечье носом.

— Мы приехали? — спросила Настя. — А где же обитатели волшебной страны?

Она попыталась изящно соскочить со спины оленя, но ноги затекли, потому Настя неловко плюхнулась в снег. Засмеялась, когда пятнистый тонконогий зверь обеспокоенно сунул мордой ей под капюшон и пошевелил ушами.

— Да я в порядке! И куда же ты меня привёз?

Олень отошёл от неё на пару шагов, поднял морду к сыпящему снегом мутно-серому небу и издал звук, от которого му-

---

рашки пробежали по Настиной коже: длинный высокий визг, переходящий в низкий скрежет.

— Фу, слуха тебе фея-крёстная, увы, не подарила, — поморщилась девушка, отряхивая короткую розовую дублёнку. — И чего ты так вопишь? А если волки услышат? Ой, мама... А тут есть волки?

Новая причудливая трель разнеслась по лесу. Олень замолк и прислушался, поводя ушами. Насте вдруг стало тревожно и холодно, и она подошла ближе к своему скакуну.

— Форест... Ах, да, тебя я буду звать Форест. Пойдём домой, а? Я тебе в супермаркете капустки куплю. Он круглосуточный, капуста там точно есть. Мне как-то не очень нравится в твоей волшебной стране.

Голос сорвался в нытьё. Потянуло в слёзы. Подумалось, что нет никакой страны оленей, фигня это всё. Есть лес, снегопад и орущий мерзким голосом дикий козёл.

— Пойдём отсюда, — просила Настя, поглаживая пятнистую шакуру. — Тут так неуютно...

Порыв ветра разогнал тучи, снегопад прекратился, и над лесом засияла луна — громадная, круглая и почему-то ярко-оранжевая. Настя вспомнила, что однажды в «Телеграме» видела головку сыра именно такого цвета. Нелепо. Дурацкая луна, свет от неё дебильный и тени от деревьев по снегу ползают страшно. И снег сверкает так зловеще, как будто много-много электрических приборов закоротило разом.

— Пойдём же! — взвизгнула Настя, похлопывая оленя по шее.

Он обернулся и посмотрел на неё так, что ей показалось, будто она падает в тёмную сияющую пропасть его взгляда долго-долго. Подумалось об инопланетянах, оборотнях и почему-то о бабушке, которая запоем смотрела передачи о паранормальщине. Разом стало жарко. Настя сделала шаг в сторону, споткнулась о ветки под снегом и неловко села в сугроб. Капюшон свалился с головы, волосы разметались. Пока она выбиралась из сугроба и приводила себя в порядок, олень снова забла-

жил — и издалека ему откликнулись несколько точно таких же голосов.

— Ты своих друзей позвал, да? Или это будет знакомство с родителями? — неловко пошутила Настя, напряжённо вглядываясь во тьму. — Волки же так не воют, правда?

Заскрипел под шагами снег, захрустели ломающиеся ветки. Настя хотела заорать, но решила повременить с криками. Стояла и смотрела, как из чащи леса надвигается рой ярких зеленоватых и голубых огоньков. Похрустывание и скрип снега приблизились, и из-за припорошённых снегом кустов на поляну вышли они.

Олени.

Их было с десяток — грациозных, как выточенных умелым мастером из дерева, инкрустированного драгоценными камнями влажно блестящих глаз. Четверо самцов величественно несли на головах короны рогов — более ветвистых, чем у Настиного оленя. Самочки — маленькие, скромные — робко топтались позади них. И пара подростков — неугомонные, легконогие — скакали и играли друг с другом, вставая на дыбы и стучаясь безрогими лбами.

— Божечки! — восторженно всплеснула замёрзшими руками Настя. — Очаровашки! Привет!

Маленькое стадо приблизилось, остановилось в нескольких шагах, опасливо пробуя воздух раздувающимися ноздрями. Они были так милы и забавны, что Настя улыбнулась, потёрла пощипывающие от морозца щёки холодными пальцами и смело пошла оленям навстречу.

— Привет, малыши! Я Настя, меня привёз ваш сильный и красивый сородич! — засюсюкала она. — Вы же меня не боитесь, да? Ой, что ж вы тощенькие такие все? Все рёбрышки видны. Бедняжики мои...

Самочки шарахнулись в стороны, подростки смело сунулись вперёд, обнюхали девушку с живейшим интересом. Самый рослый самец тоже потянулся к Насте, хватанул её за рукав. Она засмеялась, отдернула руку и на всякий случай сделала шаг назад.

И наткнулась спиной на что-то твёрдое, острое. Обернулась: позади стоял тот самый олень, что принёс её сюда. Он склонил голову и выставил рога вперёд, глядя на девушку снизу вверх. Настя истолковала это по-своему:

– Форест, дружок, это ты так меня защищаешь, да? Зачем тогда рогами ткнул? Фи, нехорошо!

За рукав снова потянули, и Настя взмахнула рукой, отгоняя излишне любопытное животное. Снег набился в угги, промочил тёплые носки, и пальцы ног онемели от холода. Варезки затерялись в сугробе, волосы растрепало ветром, студило уши и щёки. Мороз медленно пробирался в рукава короткой дублёнки. Волшебство волшебством, но пора бы выбираться отсюда.

– Фу! – грозно сказала Настя очередной любопытной морде, сунувшей нос ей в карман.

Олени осмелели. Полезли к девушке всей толпой, принялись хватать зубами за дублёнку, кто-то сзади толкнул в спину острыми копытами и рванул за капюшон. Настя вскрикнула, принялась расталкивать обнаглевших зверей, завопила «Кыш!» на весь лес. Рукава трещали от рывков в разные стороны, любопытная безрогая морда сунулась и оторвала пуговицу с дублёнки. Глаза оленей блестели, отражая странную оранжевую луну, и в них Настя читала что угодно, кроме дружелюбия. Самообладание и вера в предновогодние чудеса покинули девушку в один момент. Она всхлипнула, замолотила кулаками и рванулась прочь из тесного кольца таких пугающе-навязчивых новых знакомых. Увязая в глубоком снегу, она брела наугад, то старательно запахивая дублёнку с единственной уцелевшей пуговицей, то отпахивая оленей.

– Мамочка, – тихонько скулила Настя, – Мама, я домой хочу... Где тут выход? Где я вообще? Мне страшно-оооо!

На краю неглубокого овражка девушка оступилась, поскользнувшись на толстом корне сосны, и закувыркалась по склону. Растянулась, ощущая снег лицом, ладонями и животом, расплакалась. И тут же закричала: кто-то пребольно рванул её за волосы.

– Уходите! – рыдая, умоляла Настя. – Что вам надо, твари? Отпусти, больно!!!

Олени обступили её кольцом, чьё-то острое копыто встало на обтянутое мокрыми легинсами колено. Настя завизжала так, что животные шарахнулись врассыпную. Плача, девушка кое-как поднялась, пригладила пожёванные волосы, ощутила, что изрядный клочок вырван. Её трясло от холода, снег набился и под задранный свитер, и в штаны. Согнуть ногу в колене не получилось – слишком больно. Настя заозиралась вокруг, ища палку потолще, но всё, что могло ей пригодиться, скрыл толстый пласт снега. Подвывая от боли, она принялась карабкаться вверх по склону, то и дело оборачиваясь.

Зверьё шло, бежало и скакало за ней по пятам. Будто дикие животные видели людей каждый день. Словно привыкли к ним с самого крохотного возраста. Абсолютно не пугались, твари. Настя отломила от ели лапу, орала на оленей, размахивая ею. Один из самцов подскочил и запросто вырвал её из рук девушки. Откинул ветку в сторону и пошёл на Настю, угрожающе выставив рога. Девушка отшатнулась, заметалась, припадая на больную ногу.

Бежать. Прочь, как можно скорее. Что за странные твари, почему они пристают, что за жуткий огонёк в их чёрных, как будто неживых, глазах? Скорее отсюда, скорее... Кажется, впереди левее слышно трассу. Нет... правее?

Хруст ломающихся веток, скрип снега и шумное сопение оленьего стада мешали Насте сосредоточиться и прислушаться. Она брела наугад, словно заводная, боясь остановиться даже на секунду. Стоило перестать двигаться – проклятые олени набегали толпой, тыкали рогами, старались задеть копытом по ноге. То ли свалить девушку пытались, то ли...

– Куда вы меня гоните? – плакала Настя. – Да что вам надо? Уходите... оставьте меня в покое...

Дублёрка на плече лопнула от очередного рывка, а потом и совсем порвалась по шву. Настю обогнали весёлые олени подростки, треплющие рукав. Они тянули его друг у друга, роня-

---

ли и подбрасывали. А потом разорвали и принялись пожирать, торопливо глотая оторванные куски, словно собаки мясо. От увиденного девушка оцепенела. Хрустнула очередная ветка, заставив молодых оленей обернуться на звук. Глаза, отражающие луну, светились холодным синим пламенем.

Как волчи.

У Насти подкосились ноги, и она рухнула лицом вниз в глубокий снег. Узловатый выступ твёрдого, как камень, толстого корня пришёлся аккурат на висок, и в морозном воздухе разлился запах крови. Как по команде олени вскинули головы и ринулись к жертве. Торопливо рвали одежду, отбрасывая клочья в стороны. Ломались под острыми копытами тонкие косточки девичьих рук. Золотой браслет с сердечком, сорванный крупным самцом, сверкнул в оранжевом свете луны и исчез в истоптанном снегу, быстро покрываемым тёмными пятнами.

Олени были голодны. Очень, очень голодны.

***

Славик и Викуся, взявшись за руки, прогуливались по осеннему лесу. Один плеер на двоих романтично мурлыкал старую песенку. Юные влюблённые, тоненькие и хрупкие, словно пара эльфов, шуршали разноцветными листьями и наслаждались погожим осенним днём.

И тут Викуся сказала:

— Смотри! Олень! Так близко и не боится... А вон там ещё! И так много!

Славик приобнял подругу за талию, ощутив под ладонью горячую кожу нежного живота, и шепнул:

— Давай подойдём поближе? Не каждый же день олени выходят к людям. Мы с тобой редкостные счастливики, кисуль!

*Говорят, чудес на свете нет,
И дождями смыт оленя след.
Только знаю: он ко мне придёт.*

Если верить, сказка оживёт!

ДМИТРИЙ ВАГНЕР. БАБАЙКА

В детстве, когда я плохо себя вел, мама говорила: если ты не будешь слушаться, тебя заберет бабайка. Бабайка крадет непослушных детей.

Однажды так и случилось. В соседнем дворе умерла девочка. Ее гроб стоял у подъезда многоквартирного дома, в котором она жила, вокруг толпились люди. Мы с мамой подошли ближе. Мне очень хотелось посмотреть на девочку, но гроб был закрыт. Какая-то женщина в толпе сказала другой, что девочка умерла от гриппа.

Когда мы пришли домой, мама налила чаю и поставила на стол пироги. Я потянулся к пирожку. Но, прежде чем пустить меня за стол, мама велела вымыть руки. Сказала, что девочку, которая умерла, на самом деле забрал бабайка. Она не слушала взрослых и не хотела делать того, что ей говорят. Вот поэтому гроб и стоял закрытый — потому что внутри было пусто.

Руки я мыть не любил. Возможно, здесь есть какая-то связь, но, став взрослым, я заметил, что разные желудочные напасти обходят меня стороной: я могу съесть без последствий невымытое яблоко или кусок сырой рыбы.

Тогда, в тот день, я сделал как велела мама: заперся в ванной, включил кран, подергал его из стороны в сторону, чтобы вода издавала громкий звук. Однако я знал: мама проверит. И тогда поплескал на руки водой.

Пироги были вкусные. Вечером, правда, болел живот, но на следующий день всё прошло.

После того печального случая у подъезда в памяти у меня надолго отпечатались лица родителей девочки: заплаканные, искаженные страданием. Мне было странно, что от нас скрывали правду о ее смерти. И смерти других детей. Почему не сказать, что их забрал бабайка? Почему не найти его и связать, чтобы он больше не забирал людей.

Чем больше я искал сведения о бабайке, тем большей завесой секретности окутывалась его темная фигура, что маячила за умершими людьми. Мама настойчиво, с возрастающим раздражением уклонялась от прямого ответа: кто он, как выглядит, где живет. И наконец... зачем?

Мне всё больше и больше хотелось встретиться с ним, поговорить.

И однажды мама сдалась и показала его.

Это был старик.

Он выделялся из толпы так же ярко, как черное пальто на вешалке в гардеробе могло выделяется среди серых. Ботинки его были начищены, он был опрятен и лыс... но вот борода... — патлы, торчащие во все стороны, напоминали истрепанный венник. Со спины он казался сутулым и дряхлым, ходил медленно. Голос его наверняка был сухим и безжизненным, глаза походили на тусклые монетки.

Но впечатление изменилось, когда я подошел и подергал его за рукав. Он повернулся и посмотрел сверху вниз: так, как смотрят на людей огромные скульптуры греческих богов.

— Чем обязан, молодой человек?

Я на секунду потерял дар речи, потому что... не знаю, как выразить то странное, что я понял, озарение было нечётким, не нашлось бы слов, чтобы ясно выразить пришедшую в голову мысль. Но этим и объяснялась его неуловимость. А его дымчатое, гнетущее присутствие вблизи человеческих трагедий внушало страх.

Он был молод, его голос сотрясал воздух, как корабельный гудок. И при этом казалось, будто ему столько лет, сколько вообще не живут. Его глаза... они набегали на меня, как... как падающий с небес воздушный шар. Вот-вот, если не отойдешь в сторону, он опустится, накроет тебя с головой — и попробуй потом выбраться.

Меня накрыло второй волной страха, а потом и третьей — когда я вспомнил, что видел его в толпе возле гроба девочки, которую он забрал.

— Это ты бабайка? — спросил я.

И как вы думаете, что он мне ответил, этот неуловимый Джо?

— Да, это я, малыш.

— А это правда, что ты крадешь непослушных детей?

И бабайка задумался. Это было божественное молчание. Кажалось, он призывает все силы вселенной, чтобы обрушить на наглого, невоспитанного мальчишку. Темное серое облако на небе закрыло солнце и остановилось. Подул зябкий ветерок.

— Нет, малыш, неправда.

— А та девочка? — я вспомнил женщину в толпе, говорившую шепотом. — Ту девочку, про которую говорят... это правда, что...

Бабайка кивнул.

— Но зачем?!

— Я их ем.

О господи, я не верил своим ушам.

— А если я не буду мыть руки, ты и меня заберешь? Съешь?

Бабайка оглянулся по сторонам, желая убедиться в отсутствии свидетелей. Он наклонился. Я сжался от страха. От него приятно пахло мятной жвачкой и каким-то классным одеколоном.

— Ты невкусный. Это понятно и дураку.

— Да? — спросил я. — Но почему? Моя мама говорит, что...

— Спокойно, малыш. — Бабайка улыбнулся. У него были красивые, белые, очень крепкие зубы, словно специально созданные для мяса.

И тут он сказал то, что я понял далеко не сразу. Пожалуй, годы ушли у меня, чтоб осознать мудрую мысль этого потустороннего существа.

— Твоя мама, — сказал он, — говорит неправду. Чтобы ты боялся и выполнял приказы. Она сама не понимает, что вранием лишь питает твою строптивость, неповиновение... желание слушать себя и доверять только себе. Понял?

— Нет. — Я помотал головой. И вспомнил, что он сказал мне в самом начале. — Но что тогда правда?

Бабайка разогнулся в полный рост и посмотрел на часы.

— Я ем слишком послушных, малыш. Я забираю тех, кто меня боится.

Он повернулся и пошел вдоль длинной пустой аллеи.

Я долго смотрел ему вслед и наконец пошел в обратную сторону.

Мама сидела на скамейке и читала книгу.

Я сделал еще три шага и оглянулся. Но бабайка исчез.

Я посмотрел в стороны, в кроны деревьев, что нависали над песчаной аллеей.

Бабайка испарился, и наша с ним встреча оставила мне чудное, приятное послевкусие — словно бы он угостил меня диковинной шоколадной конфетой, где вместо сахара был мед марсианских пчел. Целебной конфетой, которой не пробовал кроме меня никто.

С тех пор мама ни разу не пугала меня бабайкой. Мое здоровье с каждым годом становится все крепче, а разные нехорошие штуки волшебным образом обходят меня стороной.

Но вот страх... он никуда не исчез. Где бы я ни был, куда бы ни шел, он следует рядом, как тень — всякий раз, когда в спину толкает ветер перемен. В черном пальто, начищенных до блеска ботинках и набегающими глазами, как летящий к земле воздушный шар. Древний и неизбывный, он идет в ногу со временем и бьет по слабым местам в самый неподходящий момент.

Вот и сейчас, мне сорок восемь. Меня не пугают болезни, сложные задачи и одиночество. Я и мои друзья, успешные, жизнерадостные, мы из этих — из непослушных.

И вот, спустя годы благоденствия, он тут как тут. Я снова боюсь, как пятилетний мальчишка. Я вижу вокруг миллионы послушных, напуганных людей и вспоминаю тот гроб во дворе. Пустой деревянный ящик, о котором все думали, что он полный, и потому он внушал людям страх.

Он ест слишком послушных. Он забирает тех, кто его боится.

Бабайка проголодался. И он снова идет к нам.

АНДРЕЙ ЗАГОРОДНИЙ. ПЕЧЕНЬ

В поликлинике вообще ничего не соображают. А кроме них куда податься, если внутри разболелось? Врач живот мял, потом на УЗИ послал, а толку? Цирроз, говорит, не пей, вообще не пей — может, годик протянешь. А я пью? Как все, вечером четвертинку-другую, не больше. В выходные с мужиками, тогда понятное дело. Но чтобы спирт древесный или тормозуху какую, так ни-ни.

Болят. Дома таблеток поел, на кушетку лёг на потолок смотреть. Там лампочка: жена, уходя, люстру забрала. Без люстры живу. Зато не нудит весь день никто.

Повернулся на бок — пол облезлый. Опять же, никто не нудит, что покрасить надо. Но нутро-то болят.

Плюнул я, взял на углу поллитровку и пошёл за дома в лесополосу, недалеко, сразу за гаражами. Там аккуратно: брёвнышко, чтобы сесть, пенёк, чтобы стакан поставить. И тару бросить не стыдно — мусор везде, грязнее не станет.

Только присел, рядом зашебуршилось что-то. Посмотрел — слизняк огромный в кустах, коричневый, поболе килограмма. Ботинком потрогал, тем, на котором шнурок целый, на него ещё в четверг портвейн пролился. А слизнячище ботинок вроде как понюхал, и ему понравилось.

Откупорил, стакан наполнил не до края даже, ещё и внутрь не опрокинул, а слизняк этот сильнее зашевелился, энергичней, так сказать. Надо понимать, беленькую учуял. Ну мне-то что? Я ж ему наливать не стану.

Принял, хорошо по жилам пошла, повторить бы.

И тут гад не слизняком оказался. Прыгнул на меня со всего маху в место, где печень ныла. И давай куртку рвать, потом мясо. Ору — боль страшная, из живота ошмётки красные летят, гадина во мне ход прогрызает. Тяну её — только больнее. Изнутри меня жрёт, а я её с собственными кишками наружу выдираю.

Орал, пока не отрубился, думал — всё, капец, не проживу годик, что врачуга обещал.

Оклемался к ночи, куртка в крови, смотреть страшно, нутро жжёт нестерпимо. Гляжу, стакан-то разбился, а бутылка здесь на пенёчке стоит, наполовину полная. В себя её, конечно, из горлышка — и сразу полегчало. Оно от родненькой всегда легко, но чтобы вот так, совсем хорошо стало, никогда раньше не получалось. Никакой боли, одна теплота и радость в том самом месте.

Пришёл я домой, куртку повесил. Потом когда-нибудь постираю. Надо, думаю, рану промыть, грязь там, кровь засохшую. Дело несложное, я ведь не алкаш какой, у меня и ванна, и оба крана открываются. Боязно дырку в животе трогать, но плеснул водой — ничего. Долго отмывал без мыла-то, последний кусок давно смылился, а новый недосуг купить было. Смотрю, а дырка заросла уже, только шрамы розовые тонкие.

Я пальцем надавил посильнее — зверюга внутри шевелится. Но не больно.

Так с ней и живу пятый год. С утра на угол за беленькой — без беленькой зверушка очень уж беспокоится, изнутри толкается. А как выпью — и мне приятно, и ей хорошо.

Я в журнале видел — под кушеткой много журналов валяется — организм человека это сим-би-оз. Органы разные вместе сотрудничают. Все довольны: как в доме, где люди приличные живут. Только если сосед какой окочурится? А он нужен всем... Его, скажем, всегда розетки чинить звали... Что тогда? Людям без электричества не жизнь, как людям без электричества? Вот и моя печень так — чуть из-за неё, дурной, всему дому хана не пришла.

Повезло: на зверюгу эту наткнулся. Откуда взялась — непонятно, может, и с другой планеты. Или там из другой галактики, неважно это. Но водочка наша ей по душе пришлась, это точно. Заметила, как я потребляю, и сразу разобралась, что к чему. Выбросила мою дохлую печень и стала вместо неё выпивку полу-

чать. Ну а взамен делает что надо от печени — сердцу там надо, почкам, не знаю уж. И все довольны. Говорю же — сим-би-оз.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ. ЕРУНДИСТИКА

Пряслов потянулся, открыл глаза — и, конечно же, увидел печку. То есть, он-то знал, что перед ним печка, но любой непосвященный принял бы ее за творение свихнувшегося конструктора. Еще бы! Беленые известью бока едва проглядывали сквозь переплетения серебристых труб, жгуты разноцветных проводов, нагромождения панелей, усыпанных мигающими индикаторами.

Неугомонный деревенский изобретатель Савелий Кузьмич Пряслов был настроен по-боевому. «Ну что, городские светила, — думал он, отходя ото сна, — слабо со мной тягаться? У вас институты, академии, гранты-шманты, а до такой штуки, как я, не додумались. Скоро на меня свалится все, что положено — мировое признание, „нобелевка“, а то и памятник при жизни отгрохают. Почему собственно, нет?»

И то правда — изобретение Пряслова не знало равных. Вчера около полуночи он окончательно собрал аппарат, который должен был пронзить узко направленным лучом само время, нырнув в прошлое или дотянувшись до будущего. Савелий Кузьмич потратил на свое детище все сбережения, по уши влез в долги, но на современную энергетическую установку денег бы все равно не хватило. И вот тогда в его светлой голове родилась гениальная мысль: получать энергию от оцененной еще сказочным Емелей русской печки!

Все было готово для первого опыта. Оставался пустяк — выбрать, в каком направлении двинуться. Казалось бы, разницы никакой, но Пряслов во всем любил порядок и точность. Наконец, укладываясь спать, он решил: «Если утром встану с правой ноги — луч отправится в прошлое, с левой — в будущее».

Он вновь от души потянулся, потом сел на кровати, спустил ноги — и обе пятки одновременно стукнулись об пол.

«Надо же, какая точность, — весело подумал Савелий Кузьмич. — Миллиметр в миллиметр! Ладно, придумаем что-нибудь другое. Проще всего бросить монетку. Уж тут-то всего два варианта — либо так, либо этак. Орел — выберу прошлое, решка — будущее».

Он встал, отыскал десятирублевую монету, подошел к столу, подбросил ее — и, увидев результат, подумал, что рехнулся. Монета несколько раз подскочила, но после этого не завалилась набок, а осталась стоять на ребре!

Пряслов прикинул в уме вероятность этого события. Та была исчезающе мала — ноль, запятая и еще длинный ряд нулей.

— Бр-р-р! — сказал он и, подойдя к умывальнику, побрызгал холодной водой в лицо. Затем начал рассуждать.

«Ерундистика какая-то. Будто кто-то стоит над душой и не дает сделать выбор. Невидимка этакий. А может, у меня действительно крыша поехала? Да ну! — разозлился он на себя. — Что-то рано ты, братец, сдался. Не вышло с монеткой — попробуем по-другому».

Савелий Кузьмич высмотрел на стуле вчерашнюю газету, оторвал уголок и скатал его в шарик. А потом без замаха, одним движением кисти, бросил этот шарик перед собой. Идея была проще некуда: угодит в стену — аппарат проникнет в прошлое, а если, не долетев, упадет на пол — в будущее.

Бумажный комочек наотрез отказался ему помогать, попав аккурат в центр плинтуса.

На полминуты Пряслов впал в ступор. Затем поднял дрожащую руку и вытер со лба обильную испарину.

«Третий знак, — в смятении подумал он. — Стоит ли дожидаться четвертого? Вдруг у того, кто их подает, кончится терпение? Мол, не внял — пеняй на себя! Но кто же это меня предостерегает? Какой-нибудь далекий потомок из будущего? Мол, не лезь к нам — таких дров наломаешь, что потом тысячу лет не расхлебать? И в прошлое тоже не суйся — нарушишь весь ход истории к чертовой матери! А может, и не в потомке дело. Может, это само Мироздание устроено так, что не терпит вмеша-

тельства в заведенный ход времени. Раз предупредило, другой, третий, а потом как шарахнет — и следа от тебя не останется!»

Трясаясь, как от озноба, Савелий Кузьмич оделся, встал перед печкой и долго разглядывал окружающие ее конструкции. Потом, в отчаянии махнув рукой, принялся их разбирать.

«Черт с ней, со славой, пропади пропадом „нобелевка“, — думал Пряслов, механически орудуя отверткой, плоскогубцами и гаечными ключами. — Не суждено, так не суждено. Зато Мироздание, язви его в душу, останется довольно, а я буду жить. Просто-напросто жить!»

Он покончил со своим аппаратом за два часа. Отсоединив последний датчик, с трудом подавил поднимающийся из груди всхлип и стал надевать валенки. Вскоре Савелий Кузьмич бесцельно брел по хрустящему под ногами снегу на другой конец деревни. Ему было все равно, куда он придет. Хотелось одного — чтобы утренний морозец привел в порядок разбегающиеся мысли, и стало ясно, как жить дальше.

Несколько минут после его ухода в доме было тихо. Потом послышался легкий шорох, и из-за печки высунулся крохотный мужичонка с бородой по пояс, в просторных полосатых штанах, длинной цветастой рубахе и лаптях. Ростом он был не выше пехоты.

— Изничтожил-таки свою машину, — вздохнул мужичок, разглядывая громоздящуюся в углу кучу деталей. — Аж совестно, что я такую шутку с тобой сыграл, но куда деваться? Ты, правда, тоже хорош — какое-то Мироздание приплел. Все куда проще, чем кажется. Неужто я должен был разьяснять, что ты ошибся в расчетах и ни на какие переносы во времени твоя штукovina не способна? Только тепло будет понапрасну сосать. А у меня и так то и дело кости ломит, никак нельзя простужаться. Печка — она тебе не для баловства. Она, мил друг, греть должна!

Домовой огладил бороду, хитро прищурился и, обойдя печку, юркнул в известную только ему лазейку.

СЕРСТ ШЕРУС. ЗЕЛЁНАЯ ФЕЯ

Аркадий чихал на политику и не смотрел телевизор, но он с гордостью считал себя последним настоящим декадентом, так что исчезновение из магазинов настоящего импортного абсента стало для него ударом. Он долго с сомнением вертел в руках бутылку с плещущейся зелёной субстанцией — отечественным аналогом — и, наконец, сделав прыжок веры, опустил ёмкость в корзину. «В конце концов, в импортном тоже нет туйона. Велика ли разница, какой эрзац ты хлебаешь? Все мы лишь карлики, стоящие на плечах гигантов, — с грустью подумал Аркадий, направляясь в сторону кассы — Сначала у нас отняли кокаин, потом туйон, а теперь и закурить-то не везде получится».

***

Аркадия нисколько не печалило, что жил он не в Париже, Лондоне, Вене или хотя бы в Праге или Петербурге, а в небольшом городишке в российской глубинке. «Вспомните, как дух великого Рима угас на семи холмах, — рассуждал он, шагая по убитым мостовым, — но сохранился в провинциальном Византии, а после его падения перелетел в леса и степи нашей Сарматии». И, обходя сбитую машиной собаку или кошку, читал про себя «Падаль» Бодлера. А отсиживая восьмичасовой рабочий день в офисе (надо сказать, что Аркаша неплохо знал своё дело; на работе его ценили, пусть и считали странным, и достаточно быстро повысили до начальника отдела), он воображал себя не то Рембо в Абиссинии, не то Кафкой в недрах габсбургской страховой системы.

Здороваясь поутру, прощаясь вечером или обсуждая рабочие вопросы в течение трудового дня с Мариной — начальником смежного отдела — Аркадий видел в чертах её банально-милостивого лица то Фелицию Бауэр, то Любовь Менделееву, то Жанну Дюваль, то булгаковскую Маргариту. Иногда он делал девушке лёгкие полунамёки, а та в зависимости от настроения или благосклонно принимала эти чудачества или фыркала в лицо докучливому коллеге, любящему поболтать о непонятном. Этих

драм Аркаше хватало на месяцы нескучного существования. «Марина, — думал он однажды, затягиваясь сигаретой и провожая взглядом закутанную в длинное тёмно-вишнёвое пальто женскую фигурку, — *marina*, „морская“. Морская дева, Афродита, выходящая из пены...»

***

Жизнь Аркадия развивалась крайне неторопливо, так что между первой мыслью о том, что всякий посвятивший себя декадансу просто обязан хоть раз пообщаться с зелёной феей, и претворением данной установки в жизнь прошло несколько лет.

Обстоятельность всегда была сильной стороной нашего героя, и он провёл не один час, читая посвящённые абсенту тексты с экрана компьютера или смартфона. Аркадий узнал, в частности, что популярный, эффектный и декадентский, как литературный альманах времён Серебряного века, способ употребления этого напитка, сопровождавшийся его поджиганием, — всего лишь недавнее изобретение чешских барменов. Знание это пробило нехилую брешь в мировоззрении Аркадия, которому пришлось навсегда распрощаться с романтичными видениями проклятых поэтов, взирающих на пляшущее над бокалами голубоватое пламя, что рождает мысли о превратившихся в блуждающие огоньки душах самоубийц и некрещёных младенцев. Сколько раз он представлял эту таинственную пляску теней на стенах своей скромной квартиры... Мысль о том, что подобное священнодействие возможно в каком-нибудь жалком баре или ночном клубе, среди пьяного офисного планктона, не способного прочитать наизусть хотя бы один сонет из «Цветов зла» и считающего Рембо героем американского боевика, показалась бы нашему герою тяжчайшим оскорблением.

Богемская инновация в итоге была с презрением отвергнута; Аркадий являлся убеждённым традиционалистом и предпочитал классику во всём.

Вторым ударом стала цена необходимой для приготовления вожделенного снадобья утвари — особой ложечки и сложной установки для наливания воды, точно похищенной из лаборатории безумного гения. Вздохнув, Аркадий решил ограничиться ложкой, наливать воду можно и из стакана, графинчика или просто банки. Постановив это, наш герой тут же вышел на сайт предприимчивого сына Поднебесной из Гонконга.

О третьем ударе, пережитым Аркадием, рассказывается в самом начале нашего повествования. Но нет препятствий для того, кто действительно хочет достичь своей цели: прекрасным летним днём все компоненты, необходимые для путешествия в чарующий мир декаданса и богемы — абсент или нечто абсентоподобное, упомянутая выше ложка и сахар-рафинад — собрались, наконец, в Аркашиной однушке.

***

Гостей вечеринку было приглашено немного — только избранные, способные прочувствовать и по достоинству оценить предстоящее погружение в атмосферу Латинского квартала времён *fin de siècle*, давние друзья Аркадия, неизменно сопровождавшие его в движении по слегка наклонной плоскости служения красоте и упадку. Звали их Кирилл и Дарья, они были кузенами.

Почти двухметровый патлатый Кирилл, вечно затянутый в кожу и сопровождаемый льющим из наушников шлейфом музыки в стиле *black/death metal*, напоминал забытого (или намеренно высаженного в силу полной неадекватности) на далёком архипелаге викинга. Миниатюрная, всегда аккуратно причёсанная и тщательно одетая Даша (сейчас на ней был яркосиний джинсовый костюмчик), казалось, сбежала через какую-то дыру в пространственно-временном континууме из Америки 1970-х, уже успевшей забыть выстрел Освальда, ещё не оправившейся от войны во Вьетнаме и только-только начавшей смаковать подробности процесса Теда Банди. Напустившись на нехитрое угощение (Кирилл на полном серьёзе утверждал,

что Даша — ведьма, ибо только ведьмы могут столько есть, не толстая), она болтала ногой и стрекотала не хуже любой со-роки:

— ... Мальчики, у меня сегодня день странных видений! Кстати, месяц голодных духов начался. Аркаша, у тебя же есть палки-вонючки? Зажги, пожалуйста, сандал, да-да. Им это нра-вится.

— Ты же ведьма, Дашка, — буркнул Кирилл, — и вечно го-лодная. Тебя любой дух испугается, вдруг съешь.

Проигнорировав это замечание, девушка продолжала щебе-тать:

— Так вот, сначала дедушка в лаптях на центральной улице. А потом тётка с клеткой, в которой сидел голубь. Самый обыч-ный, уличный, не породистый. Во дела, а?!

— Может, это жрица Афродиты? — предположил Аркаша.

— Ладно, Ктулху с ней! Показывай своё снадобье, — пере-шёл к делу Кирилл.

Аркадий извлёк бутылку с зелёной жидкостью.

— Бормотуха, — вынесла вердикт Даша. — Мы не потравим-ся хоть?

— Найди лучше, — парировал наш герой. — Сама понима-ешь...

Он обвёл красноречивым взглядом кухонку, на секунду став-шую символом внешнего мира, упорно не желающего покорить-ся законам эстетики и поэтому вечно сваливающегося в очеред-ную смуту и неурядицу.

***

Отпив крепкое, отдававшее сивухой и микстурой от кашля, сладковатое благодаря рафинаду зелье, Аркадий закашлялся и в который раз убедился в том, что реальность никогда не смо-жет победить грёзу, ожидание праздника всегда будет лучше са-мого праздника, а сорвавший покрывало Исиды обретёт лишь разочарование. Что-то подобное он испытал, впервые приоб-щившись к тайнам плотской любви. Впрочем, приятный туман

довольно быстро начал заполнять его голову, чистя её от печальных рассуждений.

— Как они это пили? — кривясь, проворчала Дарья.

— Сойдёт, — сказал Кирилл. — Так, Аркаша, мы с Дашкой сейчас вторую порцию этого пойла набодяжим, а ты пока раздуй самовар. А?

Аркадий кивнул, вышел на балкон и вскоре вернулся оттуда с подаренным на прошлый день рожденья кальяном.

— Погодка отличная, на балконе и посидим, — проговорил им.

— Богема... Разложение... Порок... Обожаю! — захлопав в ладоши, сказала Даша.

...Последнее, что сохранилось в памяти нашего героя — это пьяные хоровые песнопения на балконе под сверкание молний и шум грома (ночью началась неслабая гроза).

***

Как зачастую случается при сильном опьянении, сон Аркадия был столь же недолог, сколь и глубок. Проснулся он словно от резкого толчка и тут же, застонав, обхватил трещащую голову. Неяркий свет раннего утра уже заливал комнату, так что воспалённый взгляд Аркаши выхватывал то грязный бокал, то недоеденный салат или огрызок фрукта в тарелке, то оплывший огарок в залитом стеарином подсвечнике, то пустую бутылку на полу, то раскрытый альбом Бёрдслея, то копию «Меланхолии» Дюрера или викторианского фото на стене. Гости покинули его обиталище (когда, как?), а в колонке явно села батарейка, так что рык Глена Бентона уже не сотрясал стены квартиры.

«Блевать не тянет, и то ладно. Нда, погуляли... Интересно, признавался ли я в любви Дашке? Надо попить, проглотить пару колёс янтарки и попробовать снова уснуть. Стоп, а это что... кто?..»

На краешке подоконника сидело, свесив вниз пухлые коротенькие ножонки, небольшое зеленоватое просвечивающее со-

зданьице в неказистом балахончике. Точнее, сидела, поскольку созданыице явно было женского пола и внешне напоминало немолодую крепенькую бой-бабу, вроде сварливых крикастых поварих из летнего лагеря, куда Аркашу занесло в бытность шестиклассником.

— Привет алкашам! Чё уставился? — на чистейшем русском пропищала она. — Закурить не найдётся?

Подумал долю секунды, незнакомка добавила к своим словам внушительную непечатную тираду.

— Ты... кто? — прохрипел Аркадий.

— Фея я. Зелёная фея. Ты ж мечтал меня увидеть. На, любуйся!

— Фея?!

— Фея, фея. Небось, думал, что я — дама в кринолине? Ох, уж эти эстеты (фея презрительно сплюнула и снова вставила непечатное выражение)! Ты этикетку-то читал в магазине? Что покупаешь, и где это произведено?

— Читал...

— То-то. *На улице, чай, не Франция.* Дашь закурить-то?

Цитата из ненавистного Бродского (в одном разговоре Аркадий справедливо сравнивал его творчество с майонезом, залившим отечественную поэзию и лишившем её вкуса и разнообразия) добила нашего героя, он закрыл глаза и обречённо погрузился в забытье.

СЕРГЕЙ РЕЗНИКОВ О ТОМ, КАК СТАТЬ БОГАТЫМ

Витька давно мечтал разбогатеть. Очень хотелось получить наследство или заниматься каким-нибудь ненапряжным, но хорошо оплачиваемым делом. Мечтать о таком было легко и приятно. Не то, что, например, учиться. Школу Витька закончил кое-как. Но родители всё не могли уговорить и погнали его поступать в институт. В качестве непробиваемого козыря они использовали военкомат.

В приёмную комиссию он шёл с тяжёлым сердцем. Только от школы избавился, и вот — новая каторга. Получи, Витя, распишись. Вновь тетради, учебники. Тоска смертная.

Старуху Витька встретил около оживлённой улицы. Древняя и чухлая, с растрёпанными космами седых волос, облачённая в замызанное пальто, несмотря на жару, она тарашилась в пронсящиеся мимо автомобили слезящимися глазами, боясь ступить на зебру. Водителям было пофиг, ни одна машина не притормозила.

— Эй, паря, переведи меня через улицу.

Витька замер и уставился на старуху, на её древнее, землистого цвета лицо, усеянное глубокими морщинами.

— Это вы мне? — опешил он.

— Нет, блин, тому столбу! Старая я, не вижу ни хрена. Слышу плохо. Раскатают, как пить дать. Твари. — Она злобно уставилась на ближайшую тачку и показала водиле средний палец.

— Ладно, бабушка, пойдёмте. — Витька взял её за руку и сразу почувствовал тяжёлую хватку. Бабка вцепилась в его ладонь, как клещ.

— Эй, можно полегче?! — возопил он.

— Ладно, веди уже. Полегче ему. Чай, не баба.

Витька прифигел от такой наглости и поспешно шагнул на зебру, мечтая быстрее избавиться от назойливой старухи. Водители начали нехотя останавливаться и через полминуты Витька со старухой успешно перешли улицу.

— Ну всё, бабушка...

— Чо всё? — Хватка не ослабевала.

— Отпустите! — голос Витьки дал петуха.

— Отпугыте! — закривлялась старуха. — А вот и не отпущу, мой ты теперь!

Она засмеялась мерзким трескучим смехом, и Витька сразу понял, что бабка чокнутая. Напрочь. Надо же было так попать!

— Отпусти, говорю! — Он дёрнул руку изо всех сил, но старуха не отцеплялась и только продолжала ржать, аки лошадь.

Поток прохожих с трудом огибал странную парочку. Витька задрал руку и потащил старуху за собой.

– Отпусти, тварь! – орал он.

Прохожие смотрели на них, многие даже остановились и показывали на Витьку пальцами. А тот поймал себя на том, что пытается треснуть бабкой о тротуар. Та завизжала.

– Эй, парень! Ну-ка перестань бить бабушку! Я сейчас полицию вызову! – закричала дородная дама.

– Ща я тебя научу, падлюка, старших уважать, – вторил ей гоповатого вида парень.

Витька поспешно ретировался в ближайший двор. Там они со старухой сели на лавку.

– Отпустите, пожалуйста, – залебезил Витька.

– Я ж сказала. Мой ты теперь, – проскрипела бабка, – вот выполнишь просьбу и отпущу.

– Какую ещё просьбу?! Совесть имейте, я вас только что через дорогу...

– Не ссы! Ублажать не заставляю. – Рот старухи расплылся в улыбке, обнажив гнилые пеньки зубов. – Задание плёвое. Будешь моими глазами, да ушами. Прибьём вместе Цыгана и разбежимся, каждый по своим делам.

– Какого ещё цыгана? – Витька непонимающе моргал.

– Не цыгана, а Цыгана – бабка ткнула пальцем в небо. – Высоко залез, гадёныш. Весь район держит. Шмаль, ханка. Даже оружие. Золота у него, как конь нас... л. Баблом, падла, в туалете подтирается...

– Какой район?! Какой цыган?! Какая, нафиг, шмаль?! – в истерике завизжал Витька. – Отстань от меня, дура старая! Помогите!

Старуха даже бровью не повела. Крик Витьки перешёл в скулёрж, он вновь попытался вырвать руку из плена, но та вдруг отозвалась такой болью, будто на ней все пальцы переломали.

– Ааааа!

– А я ведь и так могу, суч... к, – прошипела старуха. – Ну что? Будешь ещё выкобениваться?

-
- Нет.
  - То-то же. Ну всё, пошли к Цыгану.
  - Куда?
  - На район.

***

Райончик был ещё тот. Ветер гнал пыль и мусор по раздолбанному асфальту. Витька брёл по какой-то пародии на тротуар, то и дело перешагивая через каменюки и стараясь не провалиться в ямы. Во дворах убогих домов тусовались подозрительные личности.

– Раз цыган такой богатый, зачем он живёт в гадюшнике? – тихо спросил Витька.

– У него, паря, свои понятия. Нравится ему здесь, – бодро ответила старуха, даже не пытаясь прикидываться глухой. Со зрением у неё, как оказалось, тоже было всё нормально.

– Вон он. – Трясущийся старческий палец указал на большой дом, стоявший среди кучки мелких. – Дворец Цыгана.

В одном из дворов стояла толпа. Старуху с Витькой цыгане пока не замечали и что-то оживлённо обсуждали меж собой. Витьке очень не хотелось идти дальше. Ноги подкосились, и он был готов сесть на землю и замереть.

– Чо завис?! – бабка дёрнула его за руку. – Пошли к ним, скажешь: бабушка заболела. Лекарства требуются, наговорчики всякие. Глядишь, так и к Цыгану поближе подберёмся. Он наверняка дома, редко выходит. Боится, что убьют.

– Я тоже боюсь. – Витька сглотнул слюну.

– Не ссы. Бабушка рядом. – Она вновь рассмеялась трескучим безумным смехом. Некоторые из цыган повернулись к ним, присматриваясь. Деваться было некуда. Витька поковылял к ним.

– Здравствуйте, у меня бабушка заболела. Наговорчики нужны, зелья всякие, – залепетал Витька.

– Помираю, люди добрые. Помогите, – вторила ему старуха, согнувшись в две погибели.

– Бабулеса есть? – спросил из цыган, тощий и с неаккуратной бородой.

– Есть... наверно. – Витька поглядел на старуху.

– Есть, милоч, есть. Только вылечите, – проскрипела та.

Тощий хмыкнул и жестом поманил их за собой.

Они долго шли кривыми улочками, обходя шаткие заборы, протискивались в узкие калитки. Шли, пока старуха не дёрнула Витьку за руку с особым остервенением и не утащила за угол.

– Бежим, паря!

Похоже, бабка неплохо разбиралась в устройстве цыганского городка, через несколько минут они находились у забора большого дома.

– Надо быстрее, – процедила она и толкнула Витьку в сторону ворот, запоры которых открылись сами, стоило бабке щёлкнуть пальцем.

– Ведьма, – прошептал Витька.

– А то, – улыбнулась старуха.

Они спрятались за неаккуратно подстриженным кустарником.

Цыган сидел посреди двора на каком-то подобии трона. Довольно шутившись, он потягивал коньяк из гранёного стакана. Весь двор был забит машинами – Рэнж-роверы, Мерседесы, Крузаки. Чего тут только не было. Трёхэтажный дом пестрил безвкусным великолепием. На вид он являлся чем-то средним между особняком, православным храмом и мечетью. У Витьки аж глаза заболели от блеска золота, которым был покрыт пузатый купол на крыше. Сам Цыган выглядел неважно. Во многом благодаря обрюзгшей роже, огромному животу и выпученным глазам.

– А что делать-то? – шёпотом спросил Витька.

– Я сама. А ты, паря, главное – отвлекай его. – Старуха сделала несколько пассов свободной рукой. – Давай быстрее, я его холуев чуток заговорила, но скоро они очухаются. Оскорбляй его. Только не вздумай линять, без меня тебе отсюда не выбраться. – Бабка наконец-то освободила Витькину руку. –

И помни: если зубом цыкнет, сразу бей себя руками по ушам и кричи «Ку!».

Оскорбить Цыгана было легко.

— Эй, ты, козлина! — крикнул Витька, высунувшись из кустов.

Тёмные буркала повернулись в его сторону, рот Цыгана начал медленно открываться, обнажив золотые зубы.

— Ку! — заорал Витька и изо всей силы хлопнул себя по ушам. Он так и не понял — цыкнул ли Цыган зубом или нет, потому, что тот достал пистолет и выстрелил Витьке в живот.

***

— Ну вот, так-то лучше, паря.

Лицо старухи проступило через пелену. Витька пошевелил руками, затем ногами. Всё тело было будто чужим, живот тянуло. Живот! Он уставился на своё вздымающееся пузо, затем поднял руки к глазам и с ужасом убедился, что пальцы стали тёмные и толстые, как сардельки.

— Эка тебя перекосило, хе-хе. Ничего, привыкнешь. Главное, сразу в зеркало не смотри, — сказала старуха. — Зато теперь ты богат. Только не забывай мне проценты каждый месяц отдавать.

— Что со мной?

— Богат, говорю ты теперь. Мечта твоя сбылась, придурок. А то, что Цыганом стал — мелочи жизни. На, выпей. Полегчает.

В тёмных глазах цыганского барона появились слёзы. Но через несколько секунд он привычно схватил стакан с коньяком, который ему протянула ведьма.

СЕРГЕЙ КАЛАБУХИН. МАХМУДЫЧ

Виктор Иванович маялся. До конца года оставалось почти четыре часа, значит, гостей ждать ещё не менее двух часов! Придут, как обычно, сваты и соседка Зинка. Дочка с зятем приведут внука Мишку.

Виктор Иванович с завистью смотрел в окно на бредущие по тротуару весёлые, явно уже поддатые компании. Через дорогу, в офисе торговой фирмы, давно гремит музыкой и танцами праздничный корпоратив. Несколько парней выскочили из дверей **здания** и начали готовить запуск шутих. Сквозь украшенные надутыми шариками и мигающими разноцветными гирляндами стёкла окон за копошащимися в снегу следили оставшиеся в тепле помещения сослуживцы.

Некоторые из них при этом что-то прихлёбывали из высоких бокалов.

Виктор Иванович выругался и задёрнул шторы. Когда же, наконец, закончится это мучительное ожиданье? Все были при деле: дочка с зятем повели внука во дворец на ёлку. Жена, Клавдия Петровна, заканчивает готовить закуски на кухне. Сваты час назад завезли какие-то кастрюльки и свёртки и тут же уехали по магазинам: что-то не успели найти и купить. И только Виктор Иванович маялся не при делах. Ёлка уже давно наряжена. Гирлянды исправно горят – Виктор Иванович проверил несколько раз. Ковры выбиты на свежевыпавшем снегу и вдобавок пропылесосены. Мусор вынесен. Праздничные гирлянды развешены. Все необходимые продукты закуплены. Подарки под ёлку сложены. Посреди комнаты в ярком свете отмытой накануне Клавдией Петровной люстры сверкает хрусталём бокалов и начищенным мельхиором вилок праздничный стол. Вазы горбятся румянобокими яблоками, оранжевыми мандаринами, жёлтыми апельсинами, зелёным кишмишем и лиловым виноградом. Исходя соком, нежится под радужными кольцами репчатого лука разделанная селёдочка. В салатницах аппетитно притягивают глаз давно обрусевший «оливье» и «фирменные» салаты сватьи: рыбный, из кальмаров, крабовых палочек, с зелёным горошком, кукурузой или ананасом – всех не перечесать. Любила и умела сватья готовить салаты. Розовели тарелочки с тонко нарезанной красной рыбой и докторской колбасой. Желтел и остро пах сыр. Аппетитно блестили маринованные грибочки, манили мятыми

боками солёные помидоры, зеленели пупырчатые огурчики. Но более всего притягивали жадный взгляд Виктора Ивановича несколько разноцветных и разномастных бутылочек, сгруппированных в самом центре новогоднего стола. Тут были и блестящая золотом фольги высокая бутылка розового шампанского «Абрау Дюрсо», и почти не отличающаяся от неё бутылка безалкогольной детской шипучки (для внука), хрустальный графинчик самодельной черносмородинной наливки (Клавдия Петровна сама делала!), нестандартная бутылочка таллинского бальзама, пузатый коньячок, «огнетушитель» белого вина и две бутылки водки. Эти две последние и вызывали маету Виктора Ивановича.

– Нет, ну кто сказал, что в последний день года надо пить только по расписанию? – возмутился Виктор Иванович. – Сначала проводить старый год, потом, после речи и тоста президента, под бой курантов встретить новый. Где это написано? В каком законе? «Вон, – покосился Виктор Иванович на окно, за которым шумел корпоратив, – нормальные люди давно уже празднуют!».

Эх, если б не категорический запрет Клавки...

Виктор Иванович в раздражении плюхнулся на диван и начал жать на кнопки пульта, переключая каналы телевизора. Везде пили, пели и бесновались одни и те же морды, осточертевшие Виктору Ивановичу и в будни: те же бессмысленные песенки, те же идиотские шуточки. Казалось, вся эта попсовая шатия-братия и, типа, поёт для себя любимой, и, типа, шутит для себя, сама себя при этом нахваливает и награждает.

А Виктор Иванович и все прочие люди ей абсолютно без надобности.

Матерясь сквозь зубы, Виктор Иванович жал на кнопки пульта, благо в цифровой приставке к телевизору было каналов за сотню, и наткнулся, наконец, на старую советскую комедию. На экране возник уставленный бутылками и закусками стол. Вдоль него шёл как всегда пьяненький артист Вицин и громко возмущался скороспелостью нынешней свадьбы. Вик-

тор Иванович с умилением смотрел, как Вицин, игравший отца многолетней невесты, мимоходом прихватывает со стола бутылку самогонки, укрывая её от глаз жены собственным телом, щедро плещет в гранёный стаканчик и смачно выпивает. Виктор Иванович даже сглотнул набежавшую слюну, так понравилась ему увиденная сцена. Но бдительная жена, мать невесты, уже тут как тут, и коршуном бросается на Вицина.

– Не тронь! – кричит тот, не позволяя отобрать у себя бутылку и стакан. – Не тронь моё самосознание!

– Правильно! – подхватился с дивана Виктор Иванович. – Пусть президент по расписанию принимает. А у нас своё самосознание имеется!

Виктор Иванович грозно посмотрел в сторону кухни, где жена Клавка заканчивала варить в кастрюле картошку, жарить на сковороде мясо и тушить в духовке кролика. Ароматы с кухни доносились сногшибательные. Виктор Иванович решительно цапнул со стола бутылку водки и резко крутанул пробку. Пробки на нынешних бутылках стали хитрые. Их не надо теперь выдёргивать штопором или снимать, разрывая алюминиевую крышечку. Виктор Иванович взял фужер и потряс над ним бутылкой. Не вылилось ни капли! В нетерпении, Виктор Иванович крутанул пробку в другую сторону. Раздался оглушительный хлопок, вылетевшая пробка больно ударила Виктора Ивановича прямо в лоб, из горлышка повалил густой белый дым. Виктор Иванович в панике выронил бутылку и рухнул на диван.

Дым быстро уплотнился в тощую фигуру седобородого старика в зелёном восточном халате и чалме.

– Хоттабыч, блин! – растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая зудящий лоб.

– Махмудыч, – строго поправил его старик.

– Один хрен, – махнул рукой Виктор Иванович.

– Раба любой может обидеть, – скорбно промолвил джинн.

– Раб, значит? – усаживаясь поудобнее, начал соображать Виктор Иванович. – Любое моё желание исполнишь?

– Почти, – обречённо вздохнул Махмудыч. – Я – специалист по удовольствиям. Что желает хозяин?

– Для начала восполни недостачу на столе, – потёр руки Виктор Иванович.

– Понял, – сказал старик, вырывая волосок из своей длинной бороды. – Я читаю желания хозяина без лишних слов.

На столе появилась новенькая бутылка водки.

– Ну, раз без слов... – довольно улыбнулся Виктор Иванович и взял со стола фужер.

– Извини, хозяин, – развёл руками Махмудыч. – Я обеспечиваю удовольствия, а не отравление. Алкоголь – яд!

– То есть как? – удивился Виктор Иванович. – Что ты несёшь, старик? Что же тогда, по-твоему, удовольствия?

– Удовольствия бывают трёх видов, и все они связаны с мясом, – взмахнул широкими рукавами халата джинн. – Можно ездить на мясе, вкушать мясо и вводить мясо в мясо. Начнём с первого?

Старик дёрнул волосок из бороды, и перед Виктором Ивановичем возник живой конь. Виктор Иванович ойкнул и запрыгнул с ногами на диван.

– Настоящий арабский жеребец! – восхищённо прищёлкнул языком джинн.

Конь шумно вздохнул, взял губами яблоко из ближайшей вазы и смачно захрустел им.

– Каков красавец! – приплясывал рядом Махмудыч, гордо поглядывая на очумевшего Виктора Ивановича.

От жеребца, мягко говоря, пахло. В брюхе коня громко заурчало, он потянулся за вторым яблоком и начал задира хвост...

– Убери его! – завопил Виктор Иванович, поняв, что сейчас произойдёт. – Немедленно!

– Хорошо, хорошо, – разочарованно дёрнул из бороды следующий волосок джинн.

Конь исчез. На вычищенном и пропылесосенном два часа назад Виктором Ивановичем ковре парила и воняла кучка свежего навоза.

– И это убери! – истерично взвизгнул Виктор Иванович. – И запах!

Махмудыч безропотно вырвал ещё один волосок.

Виктор Иванович слез с дивана и осторожно потрогал ковёр. Тот был чист и сух.

– Что случилось? – на крик Виктора Ивановича из кухни прибежала Клавдия Петровна. – Кто это?

– Дед Мороз, – отмахнулся от неё Виктор Иванович.

– Махмудыч, – обиженно поправил хозяина джинн.

– Какой ещё Махмудыч? – грозно спросила Клавдия Петровна. И тут она углядела в руке Виктора Ивановича фужер и валяющуюся на полу пустую водочную бутылку. – Та-а-ак! – протянула Клавдия Петровна. – Гостей дожидаться не можешь? С первым встречным водку пьёшь! Алкаш несчастный!

– Объясни ей, – устало махнул рукой Махмудычу Виктор Иванович.

– Понял, – кивнул тот и дёрнул волосок из бороды.

Клавдия Петровна застыла на полуслове, переваривая информацию.

– Что, настоящий джинн? – вытаращилась она на Махмудыча.

– Второе удовольствие и без меня уже готово, – принялся к кухонным ароматам Махмудыч. Клавка охнула и убежала на кухню. – Может, перейдём к третьему?

– Ты думай, что говоришь, – показал глазами на вновь появившуюся в комнате жену Виктор Иванович.

– А в чём проблема? – удивился джинн и дёрнул из бороды волосок.

На глазах Виктора Ивановича толстенькая полуседая Клавдия Петровна преобразилась в молодую фигуристую красотку, везде, где надо кругленькую и аппетитную.

– Ну, как? – гордо спросил Махмудыч и распахнул дверь спальни.

– Ой, – потрясённо воскликнула Клавдия Петровна, разглядывая себя в зеркалах трюмо.

– Да-а... – промычал Виктор Иванович. – Вот так Снегурочка! Ну, Хоттабыч! Ну, угодил.

Он потянулся к красоте, но та ловко вывернулась и больно треснула Виктора Ивановича по рукам.

– Не лапай! Ишь, шустрый какой.

– В чём дело? – возмутился Виктор Иванович.

– У нас тут не Восток, и я не в гареме, – сверкнула прекрасными очами Клавдия. – Удовольствие должно быть взаимным. От тебя и от молодого толку в постели было немного, а сейчас и подавно.

– Хоттабыч, – оскорбился Виктор Иванович. – Разберись.

– Махмудыч! – сквозь зубы прошипел джинн. – Хозяин хочет, чтобы его женщина получила удовольствие?

– Да! – рявкнул Виктор Иванович. – Хочу. Выполни её желание. И перестань меня всё время поправлять.

– Как угодно хозяину, – поклонился джинн и дёрнул волосок из бороды. Глаза его коварно блеснули.

«Интересно, в какого красавца он меня превратил?» – подумал Виктор Иванович и повернулся к трюмо. Но из зеркала на него смотрела знакомая пузатая фигура с лысой головой и плохо выбритым морщинистым лицом.

– Эй, Хоттабыч, в чём дело? – разгневанно обернулся к джинну Виктор Иванович.

Но вместо тощего седобородого старика перед ним стоял молодой красавец с фигурой Жана Марэ и лицом Алена Делона.

– Извини, хозяин, – ехидно ухмыльнулся красавчик. – Ты сам велел мне выполнить желание твоей жены. А теперь покинь спальню – пришла пора удовольствий.

– Верни всё в зад! – взревел Виктор Иванович. – Ну, Клавка...

– Не могу, – засмеялся Махмудыч, демонстративно поглаживая голый подбородок. – Придётся подождать, пока снова отрастёт моя борода.

Джинн ловко вытолкнул Виктора Ивановича из спальни и закрыл дверь.

— Ах ты, тварь! — заорал Виктор Иванович. — Неблагодарный раб! Я вам покажу удовольствия!

Виктор Иванович схватил с пола бутылку, из которой появился в его квартире наглый джинн, и со всей дури швырнул её в дверь спальни. Бутылка, как резиновая, отскочила от двери и долбанула Виктора Ивановича твёрдым доньшком прямо в лоб. У того от боли и обиды из глаз брызнули слёзы. Он сидел на полу и ревел, как пацан, потирая лоб и размазывая по щекам слёзы и сопли.

— Витя, что с тобой? — вдруг услышал он над собой встревоженный голос жены.

— Пошла вон, шлюха! — рыдал Виктор Иванович. — Предательница! Возвращайся к своему Хоттабычу, или как там его.

— Нажрался уже! — зло вскрикнула Клавдия Петровна. — Не утерпел, алкаш несчастный.

Виктор Иванович протёр глаза. Перед ним стояла разгневанная жена. Не молодая сексапильная красотка, а родная, расплывшаяся от времени и забот Клавдия Петровна. В старом домашнем халатике, с подвязанным кухонным фартуком. Из-под косынки выбились пряди седых волос. От неё вкусно пахло жареным мясом и специями.

— А где джинн? — растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая шишку на лбу.

— Какой ещё джинн? — закричала Клавдия Петровна. — Тебе что, водки мало? Вот придут к внуку Дед Мороз со Снегурочкой, у них и проси хоть джин, хоть виски. А сейчас немедленно наведи здесь порядок. Мне некогда за тобой прибираться. Скоро гости пожалуют, а я ещё не одета.

И Клавдия Петровна ушла в спальню, громко хлопнув дверью.

Виктор Иванович услышал бульканье. Из лежащей рядом знакомой посуды джина Махмудыча толчками вытекали остатки водки. За окном с пулемётным треском взрывались пегарды. Видать, испугавшись первого взрыва, Виктор Иванович

уронил бутылку и, нагнувшись за ней, со всего маху приложился лбом о край стола.

Виктор Иванович поднял злополучную бутылку, встал и вытряхнул в рюмку остатки водки. Смакуя, выпил. Водка оказалась обычная, не палёная и не разбавленная. Виктор Иванович отнёс пустую бутылку в мусорное ведро. Взяв швабру, он задумчиво повертел её в руках и поставил на место.

— Ну, лужа на ковре, — подумал он. — И что? Не конский же навоз. Сама испарится.

«Вы что, водкой полы моете?» — вспомнилась ему фраза из спектакля «Дни Турбиных».

— Моем! — хихикнул Виктор Иванович.

Он достал из холодильника новую бутылку водки и с опаской посмотрел её содержимое на свет.

Жидкость как жидкость, ничего постороннего не плавает. Виктор Иванович потрогал шишку на лбу и захохотал.

— Ну, Хоттабыч, попадётся ты мне!

ВАЛЕРИЙ ЦУРКАН. СЫН ВЕЧНОГО МРАКА

*«До свиданья, малыш,
Я упал, а ты летишь.
Ну и ладно, улетай...
В Рай!»*

Агата Кристи. «Я буду там»

Сон был тяжелым и реалистичным.

Напарники обмывали сделку. Выпили изрядно, а после сели по машинам и разъехались по домам. Проезжая мост через Волгу, «Тойота» снесла ограду и нырнула в реку. Когда легкие стали наполняться ледяной водой, спящий резко проснулся, как всегда бывает в таких снах.

***

Константин открыл глаза и понял, что лежит не в своей спальне на мягкой тахте, а на неудобной железной кровати, с дужек которой отслаивалась краска. Похоже, попал в больницу. Высокий белый потолок, два ряда кроватей, все говорило об этом. Но если это больничная палата, то почему без окон? А двери где?

Зачем он здесь? Что случилось? Пытался вспомнить, но в памяти были лакуны. Помнил свое имя, помнил все, что с ним происходило, кроме последнего дня. Этакая частичная амнезия. Может, действительно, напился, как привиделось во сне. Хотя такого грешка за собой не припоминал.

Приподнялся на локте и осмотрелся. Половина кроватей ожидали пациентов, на других лежали люди – мужчины и женщины.

– Уважаемый... подскажите, где мы находимся...

Лежавший по соседству мужик лет пятидесяти скосил на него глаза и снова уставился в потолок. Ответа так и не последовало.

Отбросил простыню и заметил, что он абсолютно голый. Никто не смотрел в его сторону, но все равно ходить обнаженным по палате постеснялся. Замотался в простыню, как древний римлянин в тогу, поднялся и подошел к молодому соседу.

– Слушайте, это что? Где мы сейчас находимся? Это больница? Или вытрезвитель? Или, блин, сумасшедший дом?

Парень посмотрел на него и еле слышно ответил:

– А я знаю? Я тоже ничего понять не могу. Вроде бы и не бухал вчера, а оказался тут.

Константин обратился еще к двоим, но и те тоже ничего не знали. Пожилой сказал, что лежит здесь уже три месяца и за это время не видел ни одного врача. Другие промолчали.

– А кормят хотя бы?

– Нет. Да не особо и хочется.

– Три месяца без еды?

– И без воды, прикинь.

– Но как же это?

– Не знаю. Ни есть, ни пить не хочется. Как я еще не сдох...

Константин ему не поверил. Невозможно не есть и не пить три месяца кряду. Наверное, это все-таки вытрезвитель... Но ведь пил только во сне... А сон ли это?

Обойдя всех пациентов этой странной палаты, прошелся вдоль стены, но не нашел дверей. Дом без окон без дверей, полна горница людей.

Вернулся и лег на койку. Железная сетка жалобно скрипнула. Попытался уснуть и закрыл глаза, но мозг был возбужден, и в голове кружились тысячи мыслей, не позволяя расслабиться. Все это было похоже на сумасшествие. Но если человек считает, что сходит с ума, то он вполне здоров. Так где же он находится? И так его одолели эти мысли, что все-таки уснул, сам не заметив этого.

И приснился тот же самый сон. Вода в Волге была холодная, вливалась в легкие, выдавливая из них воздух...

Открыл глаза. Ничего не изменилось. Все та же палата и те же люди. Хотя нет... что-то стало иначе. В стене появился дверной проем, из него бил ослепительно белый свет.

От яркого света глаза заслезились. Проморгавшись, Константин поднял веки и увидел у своей кровати высокого и широкоплечего человека. Одет в черные кожаные штаны и куртку, ковбойские сапоги, а на голове была повязана байкерская бандана. Пышные усы делали его похожим на бравого кавалериста Буденного.

– Поднимайся. Поехали.

– Куда?

– На кудыкину гору. Много будешь знать, мало будешь спать.

– Мне что, в таком виде ехать? – Константин на мгновение отбросил простыню, показав себя во всей красе.

– Мертвые сраму не имут.

– Эй, я еще живой!

– Да конечно! – байкер Буденный хохотнул, покрутив пальцем усы. – Это ты своей бабушке будешь рассказывать. Кстати, могу устроить вам randevu.

– Погоди... Я что же? Умер?

– А как бы ты выжил? Сам посуди – напился, со всей дури с моста... да еще воды нахлебался.

Вспомнился тот сон. Так, значит, все это было правдой. Он разбился...

– Постой! Я же помню, что непьющий. Как же я мог напиться?

Байкер пожал широченными плечами.

– Сие мне неизвестно. Я могу знать только о последних минутах жизни. Факты таковы – в пьяном виде ты сел за руль и утоп в реке. Машину жалко, почти новая. Пойдем, я покажу тебе новый мир.

Дух умершего покорно поднялся, заматавшись в саван.

– Куда мы?

– На последний бал! – Собеседник поправил бандану. – А после в чистилище. А куда дальше – одному богу известно. Он строгий пастырь.

– А... остальные? – завернутый в саван указал глазами на лежавших в кроватях.

– Им еще рано. Их время не пришло. Ну давай скорее, мне еще пиццу развезти надо.

Выходя в проход, из которого бил яркий свет, Константин оглянулся. На него никто не смотрел, все пациенты были заняты собой. Он догнал идущего впереди.

– Слушайте, а вы кто? Ангел смерти?

Бандана кивнула.

– Ну вроде того. Я посредник. Раньше на лодке возил вас, а нынче современные технологии, мне навороченный байк выдали.

– Так вы Харон?

– Он самый. А еще меня зовут сыном Эреба и Нюкты, сыном вечного мрака и просто Лодочником. Но давай сразу уясним – мы на ты. Не люблю я этого выкания. Айда, с ветерком прокачу.

Двое оказались на ночной дороге. Высоко в небе сияли яркие звезды, над горизонтом серебрилась Луна.

Рядом стоял огромный мотоцикл. Широкие колеса, длинная вилка, автомобильный руль, дугий бензобак, напоминающий по форме, да и по размерам, скорее, бак от легковой машины, чем мотоциклетный, огромная зарешеченная фара – это был очень странный мотоцикл. Он был, как механическое детище Франкенштейна, собран из разных мотоциклов и автомобилей. На руле висели два шлема в виде маски чумного доктора.

– Это ездит? – неуверенно спросил новопреставленный, закутавшись поплотнее в саван.

– Ездит? – буденовские усы задрожали от хохота. – Летает! Сейчас убедишься! Я лучшее в мире привидение с мотором! Хоть меня по привычке и продолжают называть Лодочником, но в душе я мотоциклист!

– Я бы предпочел пешком пройти... не хотелось бы убиваться во второй раз.

– Не бойсь! Убитых не убить!

Сын Эреба и Нюкты сел на железного коня и нажал кнопку стартера. Мотор глухо заурчал, от вибрации застучали зубы. Харон надел один шлем сам, а второй протянул пассажиру.

Константин уселся позади, уткнувшись клювом маски в спину проводника душ.

– Стесняюсь спросить, а на фиг мне шлем, если я уже умер?

– Не на фиг, а на голову. Правила-то надо соблюдать. Садись давай. Прокачу с ветерком! Держись!

Мотоцикл, встав на козла, рванул с места.

– Их-х-х-ха-а-а-а! – восторженно заорал Харон.

– А-а-а-а-а! – в ужасе закричал Константин. – Что ты делаешь, сволочь! Убьемся же!

– Убитых не уби-и-и-и-ить!

Ехали мимо древних замков, мимо египетских пирамид, пересекали Нил и Евфрат. Казалось, за несколько минут успели проехать половину мира.

Лодочник-байкер остановил мотоцикл. Двое находились в большом современном городе, вокруг светились неоновые надписи, блистали разноцветные витрины.

– Я тут решил, что надо тебе одеться. Негоже в таком виде.

– А как же твое «мертвые сраму не имут?».

– А... – отмахнулся перевозчик душ. – Это пропаганда. Пойдем.

В элитном бутике Харон помог выбрать пассажиру рубашку, стильный костюм-тройку и туфли.

– А трусы? И носки?

– Да ты, братец, не промах. Ну выбирай.

На кассе стояла продавщица с бледным, почти белым лицом. Наверное, тоже из мертвых.

Приодевшись, Константин почувствовал себя человеком. Саван он запихал в кофр на багажнике байка.

Сын вечного мрака указал на вывеску.

– Перекусить не хочешь?

– А.. можно? Я бы не отказался.

Зашли в кафе и сели за единственный столик. Харон щелкнул пальцами, подзывая официанта, такого же бледнолицего, как и продавщица в бутике.

– Рыба под шубой, борщ и по двести водки.

– А тебе разве можно? – удивился Константин. – Ты же за рулем!

– Ну ты же меня не сдашь? Может, я хочу за упокой твоей души выпить. К тому же трезвый байкер... это просто неприлично. Ну где ты видел трезвого байкера?

Когда официант принес заказ, дернули по сто, не чокаясь, и закусили.

– Слушай, а почему люди там по три месяца ждут, а меня ты сразу выбрал?

– А дураки потому что. Привыкли сидеть и ждать, когда их позовут. Так всю жизнь и провели в ожидании. И даже после смерти ждут чего-то. А ты мне сразу понравился, не сидишь

на месте. Энергичный такой, деятельный. Ты даже после смерти не пропадешь.

Выпили еще по одной, похлебали борща.

— А я думал, что после смерти не так. — Константин взмахнул руками. — Ну там... котлы, черти. А на деле я с тобой водку за упокой своей души пью.

— Этого добра ты еще насмотришься. — Лодочник разгладил пальцами пышные усы. — Хотя, конечно, раньше все было иначе. Особенно во время чумы или войн, когда люди, как мухи, мерли. Спешка была такая, мы просто сгорали на работе. Помер человек, и сразу в Ад или в Рай. Полевой суд по-быстрому сварганили, тащите следующего. А сейчас толерантность, не обидь никого. Да еще последнее желание выполни. А мне, между прочим, еще и пиццу развести надо, чтоб на бензин заработать. Бензин, представляешь, в смету не включили.

— Ну так иди, развози свою пиццу. Отвези меня, куда хотел, и все.

— Не-е-е-ет. — Перевозчик хлопнул ладонью по столу. — Я тебя должен обслужить по полной программе. Да к тому же ты мне понравился, а тебя я обманывать не хочу. Хочешь к цыганам?

— Нет.

— В кино?

— Да ну его.

— Могу даже экскурсию на МКС устроить.

— На твоём мотоцикле?

— А то! Я Нила Армстронга даже на Луну возил. Мечтал он еще разок там побывать. Так говори, что ты хочешь?

Константин задумался.

— Я... я хочу жену свою увидеть.

— Да ладно! Вы с ней еще встретитесь. Если хочешь, то скоро. Я тебе это устрою!

— Да ну что ты! — ужаснулся пассажир. — Не нужно. Я хочу ее сейчас увидеть. Если можно.

— Можно! — Сын Эреба и Нюкты поскреб подбородок. — Но если ты не против, я сначала пиццу отвезу.

– Конечно!

– Наелся? Давай еще по одной выпьем и поедем.

Заказали по пятьдесят на посошок, дернули и вышли из кафе.

– Держись, сейчас рванем в мир живых.

Мотоцикл взревел, снова встал на дыбы и скакнул вперед, подобно ретивому коню. Дорога и здания исчезли, вокруг закрутился разноцветный туман, словно они попали на съемочную площадку фантастического фильма.

В плотном тумане звуки таяли, даже рокот мощного двигателя доносился откуда-то издалека, и только зубы отзывались вибрацией.

– Где мы? – Константин не услышал своего голоса.

Харон кричал в ответ, полуобернувшись, но его тоже не было слышно. В маске чумного доктора он выглядел устрашающе.

На несколько мгновений туман рассеялся, и далеко внизу открылась земля, аккуратные вспаханные поля, разлинованные грунтовыми дорогами. И тут же снова все заволокло цветным туманом. Мотоцикл летел высоко в небе. В чужом небе.

Минут через десять пошли на снижение. Уши заложило, внутренности подскочили к горлу, и Константин почувствовал давно забытое детское чувство восторга, охватывающее его когда-то, когда с ребятами катались на качелях в парке. Вскоре мотоцикл вынырнул из тумана и приземлился на широком проспекте. Пассажир узнал родной город.

Лодочник вел, как сумасшедший, обгоняя даже безбашенных таджиков, водителей «Газелей». С десятков раз успевал пролететь перекрестки за мгновение до того как светофор переключался на красный. Константин заметил, что байкер жульничал, каким-то образом управляя светофорами.

Рыкнув последний раз, мотоцикл остановился. Харон поставил его на подножку и жестом фокусника достал из воздуха коробку с пиццей.

– Еще горячая. Обожаю запах пиццы. Хочешь кусочек?

Он вскрыл коробку, вынул из нее треугольный кусок пиццы и протянул пассажиру.

— Вуяля!

— А... можно? — неуверенно спросил Константин.

— Да конечно. Тебе все можно! Пользуйся, это твой день. Больше такого не повторится.

Константин взял пиццу.

— А как же покупатели?

— И не заметят. Будь спок!

Сын вечного мрака вошел в подъезд и вернулся спустя минуту уже без пиццы. Завел железного коня и не торопясь повел его по улицам города.

— А зачем тебе подработка? — спросил пассажир. — Ты же Харон! С каждого по оболу и ты уже богат.

Харон наподдал газу.

— Ну, я так развлекаюсь. Мне нравится с людьми общаться. А по поводу оплаты проезда — вот ты мне сколько дал?

— Ну... нисколько.

Птичий клюв чумного доктора качнулся.

— То-то. И ты такой не один. Проезд у нас с некоторых пор бесплатный. Когда инфляция началась, люди стали платить по два оболы, потом по три, по десять, по сто, по тысяче. Слушай, ну это ужасное зрелище — как хомяки, право слово, что ни жмурик, так полон рот медяков. И мне все это вытаскивать и пересчитывать, слюни, сопли, мама, я вас умоляю, у меня руки по локоть в соплях были. Да и поговорить не с кем, набьют рот железяками и мычат, как коровы. В итоге сделали проезд бесплатным. И я могу спокойно развозить пиццу. Кстати, как пицца?

— Вкуснятина. Но мало.

— Ну если заказ будет, дам еще один кусочек.

Мотоцикл остановился. Сын Эреба и Ньюкты обернулся, не снимая шлема.

— Так чего ты хочешь? У тебя есть одно желание. Сразу скажу, вечной жизни и всего такого не получишь, в пределах разумного.

— Я хочу увидеть жену.

– Вы с ней все равно встретитесь!

– Я хочу сейчас.

– Слушаю и повинуюсь, – дурашливым голос сказал Харон. – Тогда поехали.

Вновь зарычал мотор и по обе стороны замелькали дома и деревья. Вскоре лодочник остановил мотоцикл во дворе дома, где жил Константин. Казалось бы, он был здесь вчера, но знал, что прошло уже как минимум три дня или даже больше. Его наверняка уже похоронили.

Сын вечного мрака заглушил двигатель.

– Пойдем.

– Ты тоже пойдешь?

– Ты без меня не сможешь никуда пройти. Я твой проводник.

Лодочник шагнул к подъезду, и поманил за собой. Дверь перед ним открылась, как перед родным.

– Сразу введу в курс дела. Она тебя не увидит. Ты для нее мертв.

– А тебя?

– Меня люди видят, только когда я этого хочу. Для твоей жены я тоже буду невидим.

Поднялись на второй этаж. Харон открыл дверь в квартиру и пропустил вперед Константина.

– Извини, но времени поджидает. Даю десять минут. Поговорить с женой ты не сможешь, но посидишь рядом. Лайфхак – в зеркале у нее есть шанс тебя заметить. Конечно, это с большой вероятностью повредит ее рассудок, тут уже сам думай, надо тебе это или нет.

В прихожей стояли мужские ботинки. Высокие берцы. «Я таких никогда не носил. Но знаю, кто любит такие боты... знаю!» В ванной шумел душ. «Думал сменить смеситель, да так и не успел».

Отстранив проводника, он прошел в зал. На диване сидел Степан почти голый, в трусах и носках. На экране телевизора шло какое-то дурацкое ток-шоу.

— Упс, — сказал за спиной Харон. — Вот это поворот!
Степан его не услышал и продолжал смотреть телевизор.
Константин потерял дар речи. Остановился в середине комнаты и молча стоял перед Степаном.

Шум в ванной прекратился, и оттуда вышла Таня, завернувшись в большое банное полотенце. Отбросив полотенце и оказавшись неглиже, села на колени Степана и обняла его.

Лодочник хмыкнул.

— Похоже, вдова уже не скорбит, а?

— М-да... — ответил Константин. — Пожалуй, лучше поедем выпьем водки.

— Верная мысль! Айда! Я прокачу тебя с ветерком!

На душе было тяжело... Хотя что такое душа... Он сейчас сам бесплотный дух. Развернулся и понуро побрел к выходу.

— Мне страшно... — послышалось из зала. — Вдруг полиция заподозрит?

— Не переживай, милая! Сделано все чисто, комар носу не подточит. Он напился и сел за руль. Никто его не убивал, сам разбился... понимаешь? Никто тебя больше не обидит!

Сын Эреба, который тоже было двинулся к двери, замер.

— Ого! Кажется, намечается детективная история. Братан, прими мои соболезнования. В следующий раз выбирай жену и друзей тщательнее.

Константин ощутил прилив злости.

— Он мне не друг, а партнер по бизнесу.

— Тем более. — Харон сочувственно показал головой. — Послушаем, что дальше скажут? Может быть, будет чистосердечное признание?

— А смысл? Не припомню, чтобы в наших законах предусматривались показания духов умерших свидетелей.

— Ну... для себя. Хотя бы будешь знать. Да и мне любопытно.

— Любопытной варваре на базаре нос оторвали. А ты разве сам не можешь узнать? Ты же Харон! Ты с мертвыми можешь общаться и с живыми. Разве ты не знаешь их мысли?

— Да что ты заладил, «Ты же Харон, ты же Харон!». Я всего лишь оказываю транспортные услуги, у меня и лицензия есть. Вот! — Лодочник сунул в лицо какую-то мятую бумажку. — А знать все, что там у вас было до смерти, мне не положено. Ну так что? Послушаем вдовушку?

Константин порывался уйти, но любопытство все же перевесило. Ему стало интересно узнать о том, как и зачем два близких ему человека пошли на предательство.

— Ладно... остаемся. Но ты поишь меня водкой. Наверное, понадобится много водки!

— Лады!

Остались стоять напротив дивана в ожидании, что скажут Таня и Степан. Но те не спешили откровенничать и предались плотским утехам.

— На моем диване! — закричал Константин.

— Теперь это уже не твой диван. Наблюдаем дальше! Мы должны выведать тайну!

— Да какую, на фиг, тайну! Мой друг причастен к моей смерти и к тому же дрючит мою жену!

— Это уже не твоя жена, — заметил сын вечного мрака. — Да и друг тоже, мягко говоря.

— Ты издеваешься надо мной? Мой друг...

— Дрючит твою жену.... Я это уже слышал. Но ты хочешь узнать правду или нет?

Таня закричала так, как никогда не стонала под мужем.

— Вот это признание! — с восхищением воскликнул Харон. — Еще немного и мы узнаем правду!

— Я слишком много узнал, с меня хватит.

Константин вышел в прихожую и направился к двери. Едва открыл ее, увидел перед собой Харона.

— Ты испортишь все расследование! Вернись назад!

— Да пошел ты! Просто скажи, что тебе хочется посмотреть, как они...

— Разумеется. Я ж не каждый раз такое вижу. — Харон поморщился. — Мне чаще жмуrows видеть приходится. Причем

весьма унылых. Ну или заказчиков пиццы, но там ничего такого... пиццу отдал, деньги забрал. Никакой эротики.

— Ну так и оставайся досматривать. Я пас.

Лодочник ткнул пальцем в потолок.

— О! Я знаю один способ. Я... хм... могу поместить твоё сознание, твою душу в тело этого хахала. И ты узнаешь все сам. Десять минут я тебе даю. Десять минут настоящей жизни. Хочешь?

Это было такое заманчивое предложение, что он не смог отказать. Было гадко и противно находиться рядом со своей бывшей женой после всего того, что увидел. Но это будет продолжаться не больше десяти минут. И за это время он многое узнает.

Байкер положил руку ему на плечо.

— Крепись, мужик. Готов? Сейчас ты перенесешься в тело твоего бывшего друга.

Константин кивнул, и в следующее мгновение его сознание помутилось и на некоторое время он отключился. А когда очнулся, то не сразу понял, что происходит. Вспомнил последние события и сообразил, что не просто совершает поступательные движения, а лежит на собственной жене. Губы их слились в страстном поцелуе, а его руки скользили по ее телу.

— Милый, что случилось?

Таня отстранилась и с удивлением посмотрела на него.

— Все нормально, родная.

— Ты словно другим стал. Ты меня любишь?

— Разумеется, дорогая.

Он поймал ее губы своими и до боли впился в них.

Харон похлопал его по плечу.

— Эгей, у тебя десять минут!

Константин оторвался от жены.

— О черт... а нельзя как-то увеличить лимит?

— Ну... еще на десять минут... ладно, пятнадцать. Итого двадцать пять.

— Милый, ты с кем говоришь?

– Не обращай внимания, дорогая!

Константин усилил напор, и Таня в экстазе закатила глаза.

Через двадцать минут, расслабленный, он смог, наконец, заняться памятью Степана.

«Ну давай, – думал, копаясь в пластах чужой памяти. – Расскажи мне, как вы меня убили... и за что».

И увидел.

Вдвоем со Степаном сидели в ресторане, обмывали новый заказ. Было много пива и водки. А когда стали разъезжаться, Константин решил вести свою машину сам. Ему бы вызвать такси, оставить машину на стоянке. Но нет, он сделал выбор. Всегда ездил за рулем сам. Но в этот раз было много водки. А Степан словно ждал этого. Нет, не совершил ничего предосудительного... но не стал его отговаривать. Когда расстались и Константин уехал, Степан вызвал такси.

«Вот гад... Знал, чем это кончится. Он меня, можно сказать, подтолкнул... но зачем?»

В мозгу мелькнуло – а что если остаться в этом теле? Удастся ли Лодочнику забрать его, если решится остаться здесь? Это было бы здорово!

Память Степана продолжала распаковываться.

Звонит телефон. Таня в слезах, захлебываясь плачем, рассказывает, как муж ее избивает. Ежедневно, жестоко. Каждый вечер.

«Правда? А я этого совершенно не помню. Я ведь не бил ее! Или... бил? Я не помню!».

В короткое время перед его мысленным взором развернулась история любви – Степан стал встречаться с Таней за спиной друга. Сначала пытался ее поддержать в тяжелой ситуации, но начал испытывать к ней чувство. И каждый раз, когда желал разобраться с мужем-садистом, она его останавливала. Нет, говорила она, нельзя, чтобы Костя узнал. И лишь в последний день сказала – этого нельзя больше терпеть, от него надо избавиться, иначе забьет ее до смерти. План был прост – напоить и не останавливать, авось разобьется. План сработал.

Но странно... Он совершенно не помнил, чтобы бил ее. Нужно спросить у Харона — бывает ли такая выборочная потеря памяти.

Мысль остаться, навсегда вытеснив сознание Степана, убралась в дальний уголок. Теперь он не мог так поступить. Наверняка все так и было — он ежедневно избивал свою жену, и Таня начала искать поддержку. И нашла. Кто знает... может быть, там большая и чистая любовь. А он уже умер... Так пусть живут, голубки, совет, как говорится, да любовь.

***

— Я все узнал... больше, чем хотел.

— Не собирался ли остаться там? Вместо своего друга?

— Была мысль... но я подумал — доктор сказал в морг, значит — в морг.

Константин рассказал все, что узнал.

— А бывает такое, чтобы я не помнил ничего после смерти? — спросил он.

Сын вечного мрака похлопал его по плечу.

— У всех так. Люди стараются забыть все плохое. А ты... мужик! Ты мне нравишься. Ты раскаялся и дал им шанс. Молодец. Пусть они живут.

— И куда теперь?

— Покатушки кончились. Едем на последний бал, и в Чистилище. Хотя ты уже малехо очистился, тебе скидка будет.

— А пиццу?

Харон протянул ему маску чумного доктора.

— Цигель, цигель, ай-лю-лю... уже не успеваем.

А потом Константину пришло в голову... а если Таня подставила их обоих? А если ничего не было? Ведь никаких доказательств она не предоставила — каждый раз звонила Степану по телефону и давила на жалость. И теперь... избавилась от муженька и получила его половину бизнеса. И взялась за Степана. Сказать бы Харону, но мотоцикл уже летел высоко над землей в зыбком пространстве между мирами. Если это и так, то Степа-

ну придется выкручиваться самому. Может статься, они скоро встретятся.

*«До свиданья, малыш,
Я упал, а ты летишь.
Ну и ладно улетай...
В Рай!»*

ПАВЕЛ ВЕСЕЛОВСКИЙ. ОГОНЬ И КРОВЬ

Пыльный, сухой воздух. Запах с привкусом металла — как будто натёрли ржавого порошка и посыпали вокруг. Косые обрубки солнечных прямоугольников, живописные трещины в каменном полу. Ни травинки, разумеется. Гулкая бетонная тишина. Впрочем, есть звук: эхо несуществующего песочного скрипа. А чашка с водой подле меня — безмолвна.

— Вы читали манускрипт Войнич? — голос мягкий, как бархат, почти ласкающий.

— Не припомню. Войнич — это который «Солдат Чонкин»?

— Нет, тот Войнович. А это поляк, Вилфрид Войнич, случайный персонаж, на самом деле. Нашёл манускрипт в 1912-м году, и будучи коллекционером, не стал выбрасывать. Ничего не понял, но интуиция подсказала оставить. Двести сорок страниц с иллюстрациями, и вот уже больше ста лет никто не может расшифровать. Уникум! Начало пятнадцатого века! Недавно привлекали целый кластер суперкомпьютеров, последний писк искусственного интеллекта, миллиарды лингвистических дешифровок — и пшик, ничего. Абсолютно непонятный язык.

— Ну и как бы я мог это читать?

— Не знаю. Потому и спросил. Было бы проще всего признать манускрипт подделкой или мистификацией, или удачной шалостью какого-нибудь средневекового шизофреника. Мало ли сумасшедших монахов сидело тогда по кельям во Фландрии, на Мальте, в Оксфорде. Но увы, учёные сходятся во мнении, что рукопись всё-таки осмысленная.

— А что за иллюстрации там?

Я беседую с ним только потому, что скучно. Особого выбора нет. В принципе, он хороший собеседник, умный. Вот только этот вкрадчивый голос, всегда текучий, даже липкий — он бесит.

— Иллюстрации тоже хороши. Фантастические растения — удалось распознать не более одной десятой из их числа; разные алхимические опыты, аптекарские рецепты, циклы физиологии. Ни на что не похоже, никаких аналогов. Ещё голые женщины, много обнажённых дам, купающихся в зелёной слизи. Вам это знакомо?

Я только усмехаюсь. Сдвигаю немного ногу, и слышу, как подошва хрустит частицами пыли. Наверное, в микроскоп каждая из них — целая скала, с иззубренными боками, с вкраплениями блистающего кварца и радужных окислов. А ещё волокна, как корни умершего леса. И хлопья сухой, отпавшей кожи. И подохшие постельные клещи. Картина заброшенного кладбища... В общем, лучше без микроскопа.

Он продолжал:

— В прошлом году один полубезумный лингвист из Бристоль — его фамилия Чешир, представьте — объявил, что нашёл ключи к расшифровке рукописи. Опубликовал статью, где утверждал, что язык манускрипта — протороманский. Очень складно объяснял. Ему сначала поверили, а потом засмеяли, ведь нет никакого протороманского. А недавно нашли мёртвым на чердаке собственного дома... Кто-то затолкал ему в горло кактус. Сейчас разбираются — до или после смерти.

— Похоже на детектив.

— Да. Вы же не посещали Бристоль прошлым летом?

— Нет.

— Это правда. Не посещали, я проверил. Хм...

Он пристально смотрит на меня, его глаза холодны и печальны, а череп лыс. Пожалуй, он немного похож на разумного варана. Или на облысевшего стервятника. Мне он неприятен.

— Почему вы не пьёте? Попейте воды. — очень сочувственно, даже сострадательно предлагает он.

Я молчу.

— Боитесь, что я вас отравлю? — пожимает он плечами, — Зачем мне? Если бы я хотел вашей смерти, то давным-давно бы это сделал. У меня есть оружие. Да я мог бы и задушить вас, голыми руками. Пока вы спите. У меня крепкие руки.

Этому я верю — под ветровкой угадываются плотные, тренированные мышцы. И шея у него борцовская. У такого не вырвешься.

— Вообще-то, я хочу есть, — устало замечаю я, — вы меня третьи сутки не кормите. Вы, я вижу, хороший спортсмен, может, и военная подготовка имеется — к чему тогда всё это? Я вам не соперник, даже сытый...

И я обвожу глазами тройной слой железных прутьев, окружающих меня со всех сторон. Уверен, что внизу, под камнем и бетоном, они тоже есть, и образуют замкнутую арматурную клетку. Капитальная конструкция.

Теперь его очередь усмехаться:

— Всё упираетесь, юлите... К чему всё это? Я не дурак, поверьте. Тройная трёхмерная таблица из чистого железа, на каждый узел — по доверенному заклинанию. Сами посчитайте число перекрытий и, соответственно — контрзаклинаний. А их ещё и распознать нужно, не так ли? Вы, наверное, большой мастер, но не настолько же. Кстати, время менять карты...

Он встал с табурета, с наслаждением потянулся. Да, здоровяк, широкая кость, плюс работа с утяжелениями... Бросил на меня быстрый взгляд, прикрыл рукавом рот, что-то неслышно пробормотал, потом сделал несколько открытых, очевидных жестов. И только потом взялся за ручки внешней решётки — всего лишь части пазла, крякнул, с силой разъединил замки, с лязгом протасил панель по направляющим... Потом зашёл с другой стороны, пошуровал и там. Я не считал, сколько фрагментов он поменял местами — но даже у такого силача выступил пот на лбу.

С удовлетворением осмотрев получившуюся комбинацию, он отёр лоб тыльной стороной кисти, улыбнулся:

— Ну вот, новый кубик Рубика... На сутки хватит?

Я бессильно покачал головой:

— Что за чушь вы несёте... Какой кубик, какие манускрипты? Какого чёрта я тут сижу? Ещё раз вам повторяю: вы ошиблись, приняли меня за другого! И меня уже наверняка ищут с полицией, жена ищет, коллеги. Это же дело времени, поймите. Отпустите сейчас — отделаетесь штрафом, статьёй за хулиганство. Тюкнули вы меня по затылку, ну что поделаешь, не такая трагедия... В Октябрьском районе судьи ещё ничего. Откройте замки, и я обещаю, не стану выдвигать претензий! Ну же!

Он осмотрел последний затвор, скрепляющий внешнюю арматуру и два внутренних слоя, сказал рассеянно:

— Вы упрямы, но и я не лыком шит. Уже закат, скоро стемнеет. Захотите воды — постучите по железу. Захотите побеседовать про рукопись — всегда к вашим услугам. Я буду внизу.

— Пойдите! Не знаю, как вас зовут... Я жрать хочу, хоть сухарей принесите! Эй!

Он ещё прошёлся по периметру огромного пустого цеха, в центре которого громоздилась моя тюрьма; ощупал уплотнения окон, тщательно заклеенных полиэтиленом; проверил выключатели ловушек для насекомых, цельность дорожек сухой отравы, датчики движения. Сколько времени понадобилось ему, чтобы оборудовать такое крупное помещение? Герметизация, сварка, маскировка. Тотальная дезинфекция. Маниакальное внимание к деталям. Опять же, чистое железо, сделано явно под заказ. Месяцы и месяцы...

Когда затихли его шаги на лестнице, я опустился на грязноватый пол и прислонился спиной к рубчатой арматуре. Голод из острого давно превратился в тупой, голова была лёгкой и бессильной. Ничего не шло на ум. Думать было почти так же тяжело, как шагать по болоту. Я не мог связать и пяти-шесть целенаправленных слов. В глотке всё слиплось, скукожилось. Язык казался сделанным из наждака. Я скосил глаза на кружку воды: она как будто тянулась ко мне прохладной, избавительной рукой... Нельзя. Принятое из чужих рук и проглоченное по собственной воле — слишком опасно.

Я моргнул. Какой-то дефект, какая-то соринка на реснице беспокоила сознание. Моргнул ещё раз, но помеха не ушла. Я сфокусировал ослабшее зрение. Нет, это не соринка! Бережно, боясь вспугнуть шальную удачу, я перенёс вес на руку и придвинулся ближе к жестяной кружке. Вот он.

По тусклой боковине кружки медленно полз маленький чёрный муравей. Крохотный, лесной, не из тех рыжих домашних, что охочи до сладких крошек и мусора. Откуда он, нашёл щель в бетонных плитах, упал с потолка? Неважно... Вряд ли он ползает здесь третьи сутки; скорее всего, забрался в клетку совсем недавно. Почуял водичку, и счастливо избежал насыпанной отравы... Жизнь, пусть и мелкая, примитивная – зато не отягощённая множественными запретами и блокировками моего лысого недруга. Живая жизнь без проклятий. Я взял его двумя пальцами.

Кислого вкуса на языке я не ощутил. То ли горло пересохло, то ли муравей оказался слишком тощим. С усилием я сглотнул, стараясь придумать себе слюну. Не завидую муравьедам...

Я подождал минуту. Прислушался к току крови. Вот, вот уже полегче... В глазах словно бы забрезжило больше света, и закатные сумерки немного отступили. Грубые сплетения решёток обрели резкость. Я потянулся к узорам, восстанавливая в памяти заученный за три дня рисунок. Мой наивный плешивый друг, много же сил ты потратил, перетасовывая блоки заклиний, считая это мнемоническое упражнение слишком трудным для меня. Удерживать в голове и оперировать изощрёнными матрицами формул я научился ещё в третьем классе. Но тебе-то, мой плечистый энтузиаст практической магии, откуда об этом знать...

Я высветил в сознании линии диагоналей и результативные приказы. Решётка заиграла золотым и синим, и стали проявляться открывающие узлы. Некоторые из них были означены египетскими иероглифами, кое-где опознавалось влияние древнекитайского и вавилонской тайнописи. Пальцы мои двигались в бессознательном ритме, мануально усиливая посыл умственных команд. Вот с лёгким искрением разошёлся один узел, по-

---

том второй... Я без устали тянул диагонали и растаскивал особенно тугие предложения. Старался спортсмен, старался. Но сам придумать такое ты не мог, нет. Кто же научил тебя всему этому, кто надоумил?

Через полчаса, совсем обессиленный, но воодушевлённый, я потянул (рукой, обыкновенной человеческой рукой) затвор двери и шагнул наружу. В голове звенела песнь недавно наложенных заклятий. Есть хотелось как никогда. Ступая осторожно — боясь не шума, но головокружения — я двинулся к лестнице.

Он спал в маленькой каморке — наверное, бывшей вахтёрской этого древнего, советского ещё цеха. Надо отдать ему должное — вскочил при первом же шорохе, и мгновенно выхватил пистолет. Но было уже поздно. Обронённое мною слово зацементировало его мышцы, обратив здорового дядьку в бездвижный манекен с отчаянными, безумными глазами.

Я поискал в столе и тумбочке, и за спинкой тахты нашёл то, что искал: сумку с припасами. Отварная картошка с солью, немного простой колбасы, какие-то оладьи, хлеб, явно из магазина. Чай в термосе. Я ел, чавкая, не стесняясь, слегка постанывая от наслаждения.

— Боже мой, вкусно-то как... — я потряс в воздухе холодной оладьей, — просто нестерпимо...

Он пялился на меня с натужной мукой, крупные капли пота катились по его шее и щекам.

— Понимаешь, приятель, нельзя охотиться на волшебника, — объяснял я, уминая бутерброд, — Это глупо. Волшебников нужно или сразу убивать, или совсем не трогать. А, постой-ка, я же могу расслабить тебе челюсти и язык...

Я бросил короткую формулу, и он мучительно закашлялся, перхая и отплёвываясь. Пистолет всё так же дрожал в его руке.

— Как... как тебе удалось...

И куда только делась вся эта стелющаяся мягкость голоса?

— Повезло, — охотно ответил я, и рыгнул, — Ой, прости. Бывает. Так что там насчёт манускрипта? Откуда у тебя такой инте-

рес к проискам средневековых шарлатанов? Расскажешь сам или мне попросить по-другому?

Он со страхом и ненавистью смотрел на меня. Но пощады он не попросит, нет. Храбрец!

— Тебе не удастся... Хозяин стёр все следы. Я не смогу, даже если бы хотел...

Я всё же проверил. Когда крики утихли и он потерял сознание, я аккуратно забрал у него оружие, ключи со значком «Тойоты» и простенький сотовый телефон. Он так и остался стоять, на каменных ногах, с багрово-синим безжизненным лицом, опущенным на грудь. И ведь не соврал — пустая голова, лишённая целого смыслового сектора воспоминаний.

Выйдя из ворот ангара, я вздохнул полной грудью. Прохладный, свежий дух влажной травы и сосновой смолы. Цех, как оказалось, располагался недалеко от города — на западе виднелось мутное зарево электрической цивилизации. Километров тридцать, или меньше. Каменодольск или Завороткино.

Машина нашлась за бараками; он накрыл её пятнистым брезентом военного образца, сверху набросал сосновых веток. К счастью, никаких хитрушек в проводке он не ставил, и старенькая «Королла» легко завелась. В баке был бензин, мотор работал ровно. Я пожелал ему ещё немного здоровья; потом пристально посмотрел на темнеющую в ночи громаду завода, и произнёс простой призыв. Подождал сколько полагается. Через полминуты в окнах зашевелились крепнущие сполохи пламени. На первом этаже и ветошь, и старые покрывки, и бочки с отработкой. Вот и славно.

Жёлтые фары выхватывали на обочине скелеты чахлых берёз и частокол сосен. Клубилась позади пыль, галька дробила по колёсным аркам. Я нащупал крутилку приёмника, в приборке что-то зашипело, потом пошли станции. Я выбрал «Ностальжи». Джимми Хендрикс взялся за струну, потерзал и отпустил, упиваясь вибрацией, выдирая из души наболевшее и оранжево-голубое, с провалами в наркоманскую ночь. Динамики в машине были дерьмовые, и я позволил себе немного урезонить их. Поднял

басы, обрезал дребезг, оформил... Любой стоящий маг — всегда немного меломан. Кажется, у Алистера Кроули было целое исследование на эту тему — очень скучное и бездоказательное, как и почти всё, что он делал в своей жизни. Бедняга Алистер, столько всего написал про нас, но не имел таланта наколдовать себе банальный бутерброд! Так и умер, в нищете.

Из-за поворота вылетела встречная иномарка, какой-то джип. Яростный ксенон дальнего света болезненно резанул по глазам. Вот же козёл... И я добавил ещё пару слов, из лексикона пятнадцатого века.

На грохот позади я не стал оглядываться. Впереди ждали дела поважнее. Кто-то опять принялся копать в старых рукописях, кто-то сведущий. Не какой-то бестолковый Чешир, кабинетный червь, полагавшийся только на методы эвристики и комбинаторный анализ, а кто-то одарённый, способный вычистить мозги живому человеку. Пробующий силу молодой нахал. Молодой, молодой. Пожилой не понадеялся бы на железную клетку, он непременно задействовал бы огонь и кровь — невзирая на любые затраты времени! Молодому же было невтерпёж, он жаждал славы и тайн. Задумал искупаться в зелёной слизи? Вырастить на макушке орхидею? Власть захотел?

Надо было так и сказать. Пришёл бы в гости, потолковали. Я же не людоед, я многое могу понять. А то — по затылку колотушкой и в клетку. Грубо! Непрофессионально, в конце концов.

С другой стороны... Жизнь моя последние годы приобрела чересчур размеренный ход. Обзавёлся семьёй, хожу на службу. Увлёкся мимикрией, будем честны. Отрастил брюшко, благоразумно обхожу стороной тёмные переулки. А раньше они меня влекли.

Так что, пожалуй — очень вовремя.

Встряхнёмся.

Кровь и огонь!

МАРИЯ ЕРЕМИНА. ЭКЗАМЕН ПО ЛАТЫНИ

Шум был не то чтобы невыносимый, но он отвлекал Миру от подготовки к экзаменам. Хотя, если быть до конца честной, после пяти суток бесконечной зубрёжки Мира была готова отвлечься на что угодно, включая странного голубя за окном. Но эй — этот голубь был действительно странным.

Стук в пол повторился. Объективно стук был куда подозрительнее голубя: ощущение было такое, будто соседи бегали по потолку, а затем начали по потолку же двигать что-то тяжелое и скрипучее, вроде кровати, периодически роняя эту кровать себе на ноги и вскрикивая. Если Мира правильно помнила, то под ней жила довольно тихая и спокойная семья с ребенком школьного возраста: никто не устраивал громких вечеринок, никто ни на кого не кричал и никто ни с кем не скандалил.

Мира вздохнула. Голова отказывалась работать, текст перед глазами расплывался.

В пол снова постучали, а затем громко поскреблись. Мира вздохнула ещё раз и поняла, что с этим надо что-то делать. Она решительно встала из-за стола и не менее решительно вышла из комнаты.

Через три минуты она также решительно вернулась с чашкой кофе, твёрдо пообещав себе, что больше не будет отвлекаться.

Через десять минут Мира спускалась по лестнице.

Звонок на двери исправно выдал приглушенную трель, но открывать, похоже, никто не собирался. Мира упрямо нажала на кнопку ещё пару раз — и наконец в замке заскрежетали и на пороге появилась соседка.

— Ой, Славочка, ты не очень вовремя, — пролепетала женщина.

— Вы не могли бы перестать шуметь?

Вообще-то Мира планировала быть куда более категоричной, но крайне вымотанный вид женщины заставил её смягчиться.

— Мы постараемся закончить как можно быстрее, но я не знаю когда...

В этот момент откуда-то из глубины квартиры раздался сдавленный вскрик, который сменился скулежом и громким скрипом. Мира моментально нащупала в кармане телефон.

— Что у вас там происходит? Я сейчас полицию вызову!

— Не надо полицию! — в ужасе воскликнула женщина и в одну секунду затащила Миру в квартиру, тут же захлопнула дверь и чуть дрожащим голосом продолжила: — Ты проходи. Сейчас всё сама увидишь, всё поймёшь.

В комнате, куда её привели, — детской спальне, догадалась Мира — было довольно тесно: метраж явно не был рассчитан на то, что в помещение однажды набьётся шесть человек. Зато что-то мерно и уютно потрескивало.

Соседка тут же метнулась к мужу и что-то ему отчаянно зашептала, отвлекая от разговора. Мира тем временем присмотрелась к его собеседникам.

Одним из них к её удивлению — настолько сильному, насколько вообще способен удивляться человек за день до экзаменов — оказался священник. Обычный православный священник в чёрной рясе, с бородой и крестом. Рядом со священником стояла женщина в пестрой юбке, каких-то живописных лохмотьях и многочисленных украшениях. Мире даже показалось, что она видела эту даму в рекламе на каком-то сайте, там дама предлагала снять и наложить сглазы и прочую муть.

Священник периодически неодобрительно поглядывал на пеструю женщину, но продолжал вести с ней довольно заинтересованную беседу. Невзрачный мужчина во всём чёрном стоял у окна и нервно теребил крупный кристалл-кулон, с тревогой поглядывая вверх. Мира вдруг поняла, что вообще-то все, находящиеся в комнате, даже вернувшаяся соседка, периодически с тревогой поглядывают вверх, — и подняла голову.

К потолку в лучших традициях фильмов ужасов прилип спиной соседский сын. И мерно, уютно потрескивал. Поймав взгляд Мира, он с силой ударил пяткой в потолок. «Так вот откуда этот

странный звук», — отстранённо подумала Мира, глядя в абсолютно чёрные, без намёка на белок, глаза.

— О... ко... пу... но, — внезапно протянул юноша, не отрывая взгляд от Миры. Возможно, он был просто рад новому существу.

— Славочка, — соседка неслышно очутилась рядом, и Мира вздрогнула. — Ты ведь никому не расскажешь? Ты иди тогда домой, мы как-нибудь справимся. Вот Дормидонт Аристархович кое-что придумал. Надеюсь, это поможет Димочке.

Димочка на потолке заскрежетал.

— Нос... corpus... non... egeo¹... — глухо протянул он сорванным голосом, отползая от отлипшего от окна невзрачного мужчины.

Невнятные звуки внезапно сложились в нечто странное. Мира остановилась, проигнорировав соседку, настойчиво выпихивающую её в коридор.

Вот ведь будет стыдно, если ей просто почудилось. Это всё экзамены, везде теперь мерещится.

— Что ты сказал? — строго и настойчиво спросила Мира, глядя на забившегося в угол Димочку.

Точно будет стыдно. Вот ведь не повезло людям: одержимый сын и пришибленная соседка.

— Нос corpus non egeo. Cupio discedere², — растягивая гласные и с булькающим рыком глотая окончания фраз, скрипуче произнёс тот, кто сидел в соседском сыне. Мира еле разобрала ответ.

— Ubi?³ — уточнила Мира, старательно подбирая форму глагола.

— Ой, Божечки! — забытая соседка шарахнулась в сторону, — Лёш, она тоже!

После этого вскрика в комнате начался хаос. Миру чем-то полили, потом чем-то посыпали, сладко запахло цветами и ды-

¹ Мне не нужно это тело (здесь и далее перевод с латыни)

² Мне не нужно это тело. Я хочу уйти.

³ Куда?

мом, в глазах защипало. Сверху послышалось шипение и глухие удары. Похоже, соседского сына тоже активно поливали, посыпали и окуривали. Он снова заскрежетал, торопливо и сбивчиво пытаясь что-то сказать, проглатывая слова, рыча и шипя. Мира смогла разобрать только «hinc» – «отсюда», «libertas» – «свобода», «obsecro» – «пожалуйста» и «dolet» – «больно».

В Миру снова что-то плеснули, с волос закапало, за шиворот потекла холодная вода. Пестрая женщина что-то запела, священник начал молиться.

Мира чихнула. Нечто, кажется, заплакало. Оно хныкало и скулило, из скрипучего монстра моментально превратившись в испуганного ребенка, зависшего на потолке испуганного ребенка. Песнопения, плач, скрип и причитания соседки слились в душераздирающую какофонию.

– Хватит! – Мира закричала, ещё сильнее зажмурив глаза. И всё стихло.

Мира осторожно открыла глаза в полной тишине. Застывшие на середине слов и движений люди испуганно смотрели на неё. Пожалуй, впервые в жизни Мира поняла старосту, которой иногда приходилось утихомиривать возмущённую аудиторию человек в пятьдесят и которая явно носила в термосе вино вместо чая.

– Unde veniebas¹?

Мира очень надеялась, что не наделала ошибок. Почему-то страшнее всего ей было оттого, что она могла ошибиться перед лицом носителя языка. Сущность носителя пугала её куда меньше.

– Artificium. Lapis².

Существо говорило медленно, делая паузы перед каждым словом. Мира даже задумалась: было ли дело в том, что ему сложно пользоваться человеческими связками, или в том, что

¹ Откуда ты взялся?

² Артефакт (рукотворный). Камень.

оно так же никакой не носитель и тоже испытывает сложности с выбором слов.

– Ibi me comprehendunt¹.

– Вы недавно находили что-то древнее и каменное? Оно говорит, что было заперто там, – вольно «перевела» Мира, обернувшись к остолбеневшей группе.

– Какой ещё камень? При чём тут это? – возмутился было сосед, но жена тут же перебила его, затараторила, не отрывая от Мира полного надежды взгляда:

– А ведь был камень! Мы же в отпуске камень подобрали... Ну, вспомни, Лёш! Станный такой... если приглядеться, то ли на морскую звезду похож, то ли на человечка. Дима ещё сказал, что с собой заберёт, а ты заупрямился.

– Ну да. Он же взрослый парень, 12 лет уже, а какой-то камень ему вези, – неохотно ответил сосед.

Соседка тут же встрепенулась и достала с полки черный камень странной формы, который действительно был похож на какую-то фигурку, черты которой очень долго смягчали и смывали морские волны.

С потолка громко засопело и заскрежетало. Как показалось Мира, одобрительно. Священник и Дормидонт Аристархович устало переглянулись.

– Potes revenire?² – тут же уточнила Мира.

– Non³.

– Он не может вернуться обратно в камень, – пояснила Мира, и, подняв руку, чтобы предупредить возможные расспросы, продолжила: – Nos corpus potes discedere⁴?

– Non.

– Он не может покинуть тело мальчика.

¹ Там меня заточили.

² Ты можешь вернуться?

³ Нет

⁴ Ты можешь покинуть это тело?

Мира искренне надеялась, что спросила именно это, а не хочет ли дух поесть мяса на ужин, например.

— Да чего его спрашивать-то?! Мы его сейчас просто изгоним. Я медиум в шестом поколении! Мелкие бесы вроде этого одного моего взгляда боятся, — запальчиво вклинился Дормидонт Аристархович. Пестрая женщина из-за его плеча закивала: мол, иди, девочка, куда шла, не мешай профессионалам работать.

— Вы уже пятый час его «изгоняете», а заговорил он только когда Мирослава пришла, — хмуро осадил медиума сосед.

— Нос *corpus non egeo*, — повторило существо, видимо, среагировав на громкие выкрики. Похоже, оно тоже не хотело, чтобы его поливали и посыпали.

— Ему не нужно это тело, — тут же пояснила Мира. — Думаю, всё получилось случайно.

— Тогда что ему нужно? — тихо спросил священник.

— Уйти. Он хочет просто уйти. — Мира ожидала, что священник начнёт спорить, будет настаивать, что демона необходимо изгнать, а духа упокоить. Но тот лишь задумчиво поглядел на потолок, куда-то мимо застывшей там мальчишеской фигурки. Мира решила, что её психику защищают только два несчастных часа сна и пять кружек кофе.

— *Quare non potes*¹?

— *Aqua, pulveres, herbae, mixti*².

— Его надо помыть. — Мира очень хотела бы быть настолько же уверенной, насколько звучал её голос. — То, чем его поливали и посыпали, смешалось и теперь не дает ему выйти из тела.

Соседка охнула, посмотрела на сына на потолке, оглянулась на экзорцистов, снова посмотрела на сына. И неуверенно протянула вверх руки.

¹ Почему не можешь?

² Вода, порошки, травы, смесь.

– Descende¹, – пояснила Мира. Она хотела объяснить, что никто не хочет причинять сущности вреда, но не смогла вспомнить нужные фразы, а потому ограничилась простой просьбой слезть. И изобразила жестами, будто отряхивает себя, а потом будто что-то летит от её груди, в надежде, что существо поймёт.

– Me non comprehendes²? – тихо и как-то доверчиво спросило существо.

– Iuro.

Сделав жест, похожий на удовлетворенный кивок, нечто проворно доползло до стены и спустилось на пол. Встало, чуть ссутулившись и неуверенно поводя руками. С первого взгляда обычный подросток, да и со второго – тоже. Если бы Мира не знала, и не подумала бы никогда, что соседский сын одержим. Ну, стоит немного косо, ну нервно дергается, моргает заторможено... У них перед экзаменами тогда полкафедры в одержимых обращается.

Соседка с опаской взяла сына за руку и двинулась было в сторону ванной, но остановилась и как-то смущенно посмотрела на мужа. Тот вздрогнул, кивнул и аккуратно увлёк за собой сына и то, что пряталось в нём.

Из ванной раздались плеск воды и тихий голос соседа. Мира села прямо на пол, выдохнула. Атмосфера в комнате неуловимо изменилась: будто разом выдохнули все, будто сама комната наконец-то выдохнула. Соседка аккуратно присела на кровать, Дормидонт Аристархович снова уставился в окно, а пёстрая женщина устроилась в компьютерном кресле. Священник привалился к столу, задумчиво покручивая крест.

– Что значит «iuro»? – внезапно спросила она.

– «Клянусь», – ответила Мира, не открывая глаз.

– Ой, что же ты ему пообещала, Славочка? – тут же встревоженно поинтересовалась соседка.

¹ Спускайся.

² Ты меня не запрешь?

— Что я не буду запираю его обратно в камень. Честно говоря, я даже и не знаю, как его в камень запереть.

— А как же с ним дальше? — продолжила волноваться соседка.

— Ольга... — Мира поняла, что опять напрочь забыла отчество соседки.

Та понятливо махнула рукой, призывая продолжать.

— Нам же сейчас главное Диму освободить, а дальше что-нибудь придумаем. У вас ведь вон сколько экспертов. Много.

— Мы человек двадцать позвали, — с тяжелым вздохом сказала соседка. — Я вчера проснулась, а Димочка странный, какую-то тарабарщину говорит, дергается. Я не разобралась, прикрикнула на него, а он от меня на потолок сбежал.

Руки соседки подрагивали. Она снова вздохнула и продолжила тихо и слишком размеренно. Смотрела она в стену перед собой и даже не пыталась взглянуть на собеседницу.

— Лёша сказал, что позовём всех кого найдём, кто-нибудь да справится. У нас тут уже было три священника, один раввин, пять потомственных ведьм, три медиума, один шаман вуду, один астральный чтец, семь экстрасенсов и один старец. — Соседка начала покачиваться. — Эти трое просто самые стойкие. Остальные заходили, смотрели, кто-то кричал, кто-то сразу сбежал. Одна ведьма и старец нас даже проклясть на бегу успели. Некоторые поспокойнее были, спрашивали, где скрытые камеры установлены, предлагали сотрудничество.

«Эти трое» никак не реагировали на историю. Священник молился, задумчиво касаясь креста. Пестрая женщина выудила откуда-то из своих многочисленных одежд объемную фляжку, отхлебнула, крикнула. Подумала и хлебнула ещё. Поймала на себе заинтересованный взгляд Дормидонта Аристарховича, предложила ему фляжку, тот не отказался.

— Часто у вас бывает... ну, такое? — Мира неопределенно взмахнула рукой в воздухе и устала на экспертов.

Она сама не поняла, зачем спросила. Не то чтобы ей сейчас было интересно что-то, кроме двенадцатичасового сна и долго-

жданного закрытия сессии. Просто жизнь как-то не готовила её к разговорам с прилипшими к потолку мальчиками. К наличию неких сущностей, которые вселяются в прилипших к потолку мальчиков, жизнь её тоже не готовила: до этого дня Мира была уверена, что факультативная латынь могла ей понадобится разве что для дипломной работы о сравнении образа Вергилия из «Божественной комедии» с Вергилием историческим.

Медиумы-экстрасенсы-колдуны переглянулись и неопределенно пожали плечами. Священник помотал головой.

Только сейчас Мира заметила, как неуверенно и испуганно вели себя все трое. Храбрились, конечно, держали лицо, профессионалы как-никак — но слишком уж выбила их эта ситуация из колеи. Все трое вовсе не выглядели заправскими охотниками на нежить, для которых всё происходящее — обычный вторник. Вероятно, и барьер для сущности у них вышел случайно. Что-то с чем-то прореагировало. Узнать бы ещё что и с чем.

Мира задумалась. Что не позволило им уйти вслед за остальным: невероятная вера в собственные силы, страстное желание помочь или же болезненная гордость?

А что не дало уйти ей самой?

— А вот и мы. Встречайте бойца! — громко и преувеличенно бодро возвестил сосед, подталкивая перед собой сына так, будто бы собирался рассказывать гостям, как тот победил в районной олимпиаде.

Димочка поёжился, сходство с подростком стало идеальным. Мира подумала, что это, наверное, истерика.

Все в комнате снова оглянулись на Миру. Она поспешила встать, с неудовольствием отметив, что мальчик почти сравнялся с ней в росте.

Димочка был одет в чистое и несколько мокр.

— *Artificium*¹ — проскрежетал он, моментально разрушая иллюзию.

— Нужен предмет. Обязательно что-то рукотворное, — тут же среагировала Мира, — Желательно что-то ненужное. И чистое, не посыпанное всем этим.

Дормидонт Аристархович тут же отдернул руку с кристаллом.

Спустя пару минут суеты в руках Миры оказалась плюшевая жаба с галстуком-бабочкой. Шуточный подарок Диме от друзей Димы, как мельком пояснила соседка.

– *Incorporeus spiritus invito te*², – подсказал тот, кто всё ещё томился в детском теле.

– *Incorporeus spiritus invito te*, – послушно повторила Мира.

Мира сунула жабу под нос существу. То кивнуло. Потом вздрогнуло. Потом затряслось.

Потом Дима судорожно вздохнул и разрыдался. А жаба поправила бабочку.

– Ну, я пойду? – неловко спросила Мира, наблюдая за тем, как рыдающие родители обнимают рыдающего сына. – Экзамены, всё такое...

Мира не сомневалась, что должна забрать жабу. Никто на неё и не претендовал. Единственный вопрос, который смущал Миру, может ли она нести жабу просто подмышкой, как обычную плюшевую игрушку, или это будет неуважительно.

Эксперты по нечисти тоже осторожно потянулись на выход. О плате за изгнание духа они не заикались. Священник похлопал Миру по плечу, а затем перекрестил. Он выглядел несколько потерянно.

Поднимаясь к себе с плюшевой жабой в вытянутых руках, Мира подумала, что это был довольно странный день, а потому экзамен точно должен пройти без проблем. Должна же быть в этом мире справедливость! Вот духи же есть, почему бы не существовать справедливости?

Начинать думать о том, что она только что изгнала какого-то беса и эта сущность теперь, видимо, будет жить с ней, Ми-

¹ Рукотворный артефакт

² Дух бестелесный, приглашаю тебя.

ра решила только после того, как лектор распишется в зачетке.

Сущность вяло пошевелила плюшевой лапой. Мира неуклюже, одной рукой, открыла свою дверь, прямо в обуви прошла в комнату и посадила жабу на стол. Подумала, что надо что-то сказать. Подумала, что больше не может.

Открыла онлайн-переводчик. На скорую руку написала пару абзацев о том, что так общаться ей будет проще, и о том, что сейчас ей нужно готовиться к важным экзаменам, а обсудить сегодняшний день они смогут позже.

О том, что «позже» у неё, вероятнее всего, будет нервный срыв, Мира тактично умолчала.

Жаба кивнула.

Мира отхлебнула холодный кофе. Открыла «Википедию» на латыни и очень медленно показала сущности, куда жать, чтобы открыть новые статьи.

Сущность заинтересовалась.

Мира вернулась к лекциям.

Жизнь потекла своим чередом.

— *Quod tu es*¹? — спросила Мира через час, отвлекшись от чтения, чтобы размять шею.

Вопрос, что же такое она обнаружила, не давал ей покоя всё это время, хоть и немного фоново.

Плюшевые пальцы застучали по клавишам. «Википедия» продемонстрировала страницу про демонов.

— В общем-то ожидаемо, — пробормотала Мира и пошла ставить чайник.

Звонок в дверь прозвучал, когда Мира уже допила полчашки чая, а демон заинтересованно просматривал галерею картин Уотерхауса.

¹ Что ты такое?

Звонка Мира тоже ждала. Если что и было для нее очевидным за весь этот день, так это то, что теперь к ней должна прийти какая-то организация, которая занимается тем, что скрывает от обычных людей мир демонов, духов и кто там оказывается тоже существует, а также поддерживает баланс, решает конфликты и спасает людей от распоясавшихся сущностей. Ведь если они существуют, то кто-то же должен их прятать и контролировать. Иначе бы Мира о них знала.

Звонок прозвенел ещё раз, выдергивая Миру из размышлений.

За дверью стояла девушка в плаще с глухим капюшоном, из под которого были видны только половина лица и выбивающиеся волосы.

— Мирослава? — строго спросила девушка.

Мира поняла, что сейчас её попросят либо присоединиться к тайной организации, либо пройти какую-нибудь процедуру стирания памяти.

— Мне порекомендовали обратиться к вам. Понимаете, у меня есть небольшая проблемка. Вы ведь занимаетесь подобным?

Девушка открыла рот.

Мира задумчиво посмотрела на аномально длинные клыки.

ЮЛИЯ РУБИНШТЕЙН. ПТЕНЧИК

— Земельный участок площадью ноль целых шесть сотых гектара, кадастровый... — судья перечислила всю цифирь и все находившиеся на даче постройки, включая сортир системы «дырка», — а также автомобиль марки «Джили-Гранд», госномер... — ни разу не сбившись, перечислила и госномер, — признаётся собственностью бывшего супруга Табашкина Платона Рэмовича. Квартира же, кадастровый номер, адрес Губернаторская, шестнадцать... — мерный голос судьи отбубнил ещё какие-то цифры, — и автомобиль марки «Ниссан-Кашкай» признаётся собственностью бывшей супруги Мальдред Аделины Вальтеров-

ны. Настоящее решение вступает в силу, если в течение четырнадцати календарных дней...

— Протестую! Ходатайствую! — вскочила с места дама со следами былой красоты на лице. Пергидрольные пряди взметнулись струями метели. — Где перечисление драгоценных предметов? Не совместно приобреталось, пасхальное яйцо прабабушкино!

— По закону я должна удалить вас из зала за нарушение порядка, — невозмутимо отозвалась судья и поправила мантию. На секунду в вырезе мелькнула белая шаль-паутинка из козьего пуха. — Но за вами сохраняется право обжалования.

Она величественно повернулась и исчезла — одним плавным, но быстрым движением.

— Аделина Вальтеровна! — вскочила и поверенная гражданки Мальдред. Руки её двигались цифровым способом: только что так — уже эдак, без промежуточных положений. — Подаём апелляцию! Проект готов, идёмте, подпишем!

Бывший супруг Табашкин уже перехватил дверь, не давая ей захлопнуться за судьёй. Следом поспевал его адвокат Медоедов, шуплый чернявый вислоусый субъект.

— В область, немедленно, зарегистрироваться сегодняшним, — почти напевал он.

«Джили», ведомый Табашкиным, неторопливо взял с места. За ним — медоедовская «Ауди». А за ними рванул «Ниссан» — за рулём сидела Аделина, но рядом продельвала семафорные пазы защитница. В роли штурмана. И если «Джили» с «Ауди» прямолинейно устремились на областное шоссе, то «Ниссан» взял курс на задворки города. В объезд промзоны, по деревням, по стройке дачных и коттеджных посёлков. Эта дорога была хуже, но короче километров на сорок.

— Не отдам, хоть он тресни, хоть он лопни, хоть он в клочья разорвись! — приговаривала мадам Мальдред почти стихами, подпрыгивая на каждом ухабе.

«Джили» влетел на площадь перед облсудом, он же облпрокуратура, он же бывший обком, по самой расцентральной улице,

---

составлявшей продолжение шоссе. Лихо, на жёлтый. «Ниссан» — по переулку, со стороны спальных окраин. Мимо Аделины просвистел бок «Джили», и она несмирненно — подрезать! — вдавила педаль до отказа.

— Ну, тут спасать уже некого, — сказал один гибэдэдэшник другому, когда полицейская машина протолкалась через хаос из гудящих и верещащих железных коробочек, людей и носилок. Посередине этого мешева валялись обломки «Джили», «Ниссана» и то, что осталось от истицы, ответчика и адвокатши.

— А зачем? — спрашивал молодой, но усталый следователь Подшивалов. У всех. У судьи и секретаря райсуда. У Медоедова. У молодой особы, добившейся приёма по собственному почину.

— Вы Подшивалов? Павел Андреевич? Моя фамилия Мальдред. Да, дочь. И да, не сомневаюсь, что следствие заинтересуется фактами, которые.

— Вы хотите сказать, у второго участника столкновения были причины желать её устранения? — светлые брови следователя в сомнении приподнялись. Девушка кивнула.

— Неприязнь? Конфликты?

— Бабой-ягой обзывал. И скажите, пожалуйста, вы уже распорядились обыскать квартиру покойной?

— А почему вас это интересует, — пожал Подшивалов квадратными плечами. — Следствие действует на основании доказанных фактов, а не... Изложите, пожалуйста, письменно.

Приняв от молодой Мальдред убористо исписанный лист бумаги, он сказал:

— Вы свободны, когда будет нужно, вас вызовут.

Заполнил пропуск. Апатично сунул писанину в стол. Каких только психов не водится.

Медоедов рыл быстрее и прямее. Пока гибэдэдэшники и спасатели делали своё дело, он отбил заверенную телеграмму. Табашкину Олегу Платоновичу. Теперь оставалось ждать, пока туча байт вездесущего Инета достигнет адресата, вызреет в среде его мозгов до решения, потом, вновь в Инете, стукнется в авиа или ж/д-билет, по которому, наконец, неспешно в сравне-

нии с электронной мельтешней придёт физическое тело. Считалось, что детей у супругов нет. Общих — таки да, не было. Признавались ли они друг другу в безумствах молодости, адвокат не знал.

Непредусмотренная ходом следствия свидетельница усвистала в неизвестном направлении.

То есть в понятном. Убедившись, что органы правопорядка не интересуются квартирой матери, дочь вернулась на Губернаторскую, шестнадцать, и позвонила у калитки. Открыл консьерж.

— А-а, мадмуазель Элеонора. Говорят, разбились матушка-то... соболезную...

— Дядя Ника! В квартире... у мамы дома... никого нет?

— Никого, мадмуазель.

— А последний был... кто?

— Кто, кто. Матушка ваши. Как отказали законному-то, так всё одна. И что, пустить вас?

Решилась. Кивнула.

Поднялась на лифте, вошла, повозилась, вышла, так же кивком поблагодарила консьержа — не каждый раз хозяева снисходят до такого, цени, старый пень! — и растворилась в неизвестности.

Материализовалась вновь в приёмной облсуда. Из-за приоткрытых дверей в кабинет судьи доносился певучий говорок:

— Я адвокат погибшего и вношу ходатайство о наложении ареста на спорное имущество. Вот апелляция на решение райсуда, подписанная моим доверителем.

— Согласно комментарию к статье... быр-быр-быр... гэ-пэ-ка... Как вы, вероятно, знаете... Если супруг и супруга погибли в одном и том же инциденте, то она считается пережившей его, в результате чего наследниками по закону остаются её ближайшие родственники, если не оформлено завещание. Её, а не его.

— Протестую! — взвилось оперным речитативом. — У меня на руках заключение медэкспертизы, гибель была не мгновенной, что влечёт вступление в силу других статей!

В белокурой головке Элеоноры защёлкал калькулятор. Найти годного к делу адвоката. Пусть проверит, не оставила ли мамаша завещания. Оформит нужные бумаги. Пройдёт всех этих нотариусов, экспертов и прочих стряпчих. Дверь в приёмную отворилась, вошёл Павел Андреевич.

— А-а. Очень кстати. Гражданка Мальдред. Прошу пройти со мной в кабинет и дать некоторые объяснения.

— Спрашивайте, отвечу, — недовольно бросила Элеонора.

— В письменном виде.

— Вот ещё.

— С вами разговаривает следователь, — голос следателя профессионально потяжелел.

— А мне с вами недосуг разговаривать, всего хорошего! — и было повернулась уйти, но Подшивалов в два длинных шага пересёк приёмную и нажал кнопку под столом секретаря. В кабинет следователя младшую Мальдред под белые руки привели охранники.

— Чего вы добивались, заявив о мотивах гражданина Табашкина? Вашими руками написанное, — следователь тряс давешним листом, — даёт мне достаточно оснований привлечь вас к ответственности за клевету. Вот, смотрите, — на свет божий явились ещё листы, — экспертиза, проведённая ГИБДД, однозначно утверждает, что виновник происшествия — водитель автомобиля «Ниссан-Кашкай». А мы с вами оба знаем, кто был за рулём!

На разные лады, и час, и другой, и полдня. И допрашиваемая упала в обморок. Тихо сползла на пол. Впрочем, не совсем тихо. Со слышным стуком не крупного твёрдого предмета.

«Переборщил!» — отчеканилось внутри у Подшивалова. Первую помощь оказывать он был обучен. Обморок — это не страшно. Полежит, очухается. Покрытие на полу ковровое, мягко, не холодно. Приподнял свидетельницу под мышки, уложил поудобнее — и тут из складок одежды выкатилось блестящее золотым блеском. На вид — ювелирное изделие, пасхальное яйцо.

Взял в руки. И тут же ощутил мелкий и чёткий стук внутри.

Искоса глянул на лицо свидетельницы. Бледное, обыкновенно бледное, без синевы. Ну и пусть отдыхает. Если носила с собой такой вещдок — это интереснее любых показаний.

Цок, цок, цок — стучало и стучало в пальцах.

Яйцо по форме как куриное, более тупой конец и более острый. Только раза в три побольше. Тяжёлое. Бегло осмотрел — пробы не видно. Экспертиза нужна, золото или что. Гравировка — незнакомые колючие символы двумя поясками. Стук идёт как будто в одну точку, в тупой конец. Точно внутри сидит острый боёк и цок, цок, цок с частотой примерно сто двадцать в минуту.

Положил на стол. Тук! — слышно, твёрдо. И тут свидетельница зашевелилась. Обернулся — лицо уже не белое, глаза открыты, опирается рукой, встаёт. Помог.

— В карман залезли? — и довольно проворно протянула руку к яйцу. опередил, взял сам. Цок, цок, цок — в ладонь. Всё сильнее. Охватил поплотней. Цок, цок, цок. Дама что-то говорила — уже не слушал. Снова вызвал охрану, отвели в пустой кабинет и заперли, предварительно отнеся туда чай с бутербродами. Ладно уж. Не задержана пока официально. Что ж за штуку-то с собой таскала, каких экспертов... По ювелирке? Взрывников? Поймал себя на том, что за окном вечер, а он так и не отпускает яйцо от себя, то вертит в руках, то кладёт в карман.

Эксперт-взрывник явился быстро. Но ничего не прояснил. Устройство не собрано слесарным способом — такова был предварительная его оценка. Корпус отштампован целиком. И заключает в себе неизвестный механизм. Эксперт-материаловед спилил немножко металла, подтвердил — высокопробное золото, но неизвестна технология обработки, очень прочный сплав, поддаётся только алмазному инструменту, и то с трудом. Эксперт-ювелир не счёл изделие антикварным, но и не назвал фирму-готовителя. Эксперт-археолог уверенно определил алфавит надписи — старонорвежские руны. Правда, прочесть не смог. Задержание гражданки Мальдред официально — где-то между этим.

Наука-то люди основательные, дня три вокруг да около. Созво-
нился с федеральным округом, эксперт по высоким технологиям
сказал:

— Везите к нам в лабораторию.

Павел Андреевич снова покатал в руке яйцо. Вязь символов
на глаз словно углубилась в поверхность. Острее выступили уг-
лы букв. Рун. Стук был слышен уже и ухом. Игольчатый, впиваю-
щийся. Цок, цок, цок.

Положил на стол. Следствие следствием, а обед по расписа-
нию. Дверь открылась с треском — петли давно уже шалили, по-
лотно немилосердно цепляло за порог, снизу отлетали щепочки.
Но в этот раз звук вышел суше, раскатистой, как-то со всех сто-
рон. И следователь невольно оглянулся.

Яйцо, лежавшее на видном месте поверх бумаг, пересекала
чёрная извилистая трещина. От тупого конца к острому.

Трррысь! Шррр! Снова затрещало, зашуршало, по тупому
концу яйца побежали трещины потоньше, как по стеклу, разби-
тому камнем. От одного центра. Посыпались осколки золотой
скорлупы. И вылезло — названия этому следователь не знал.

Росту около полметра. Фигура человеческих пропорций,
но тела-то и нет, одни кости. Руки-ноги тонкие, блестят металличе-
ским блеском, не золотым, а, скорее, стальным. Из чего туловище,
не понять. Походило больше всего на чешую. Ноги оканчивались
подобием копыт, голова — череп! — кверху была вытянута на ма-
нер луковицы. Заканчиваясь остриём, из которого словно излу-
чался тот же, как и ото всей фигуры, жёсткий, синеватый блеск.

Затопало по столу сухим, костяным стуком, раскрылся
с мерзким скрипом рот и заорал:

— Кра-бра-мца!

Два каркающих крика, резким фальцетом, и третий — с при-
цоком, с причмоком.

Подшивалов опомнился. Схватил стул для посетителя и нож-
ками, как косой — вжух! Стук, что-то упало. Кинул в уродца сту-
лом, фьють — в коридор, гаркнул:

— К бою! — ничего больше язык не вымолвил.

Захлопали двери, понёсся топот. Опера на бегу выхватывали пистолеты. Костлявый опередил — вцепился в ногу. Рванул в клочки, брючину и кожу:

— Кра-бра-мца!

Как со стороны услышал свой истошный визг. Грянули выстрелы. Мимо! Нет, один попал — щелчок, костлявый отлетел в сторону, но вскочил. Пули его не брали.

Грохот. Мат. Костяное чучелко скакануло ещё раз, ещё один надсадный вопль. Впилось, рвануло, повалило одного из оперов. Подшивалов увидел: костяной воткнул в его руку все пальцы, кости — больше-то ничего не было. Ярко, тошнотворно красное мелькнуло, расплылось по рубашке, буря, пролилось на пол лужицей. Костяной отцепился, упал возле, уткнулся мордой. Или что у него было вместо лица. Опер сумел встать. Баякал одну руку другой. Рядом уже суетились, оттаскивали, оторвали клочок от шторы, перевязывали. У самого Подшивалова ногу резало и саднило, носок набух и прилип к телу, но как-то удалось отковылять в сторону.

Лужица на полу исчезла, а костяной встал — и бросилось в глаза: наглядно подрост. Железно больше полуметра рост, удлинлись руки-ноги. Следующий прыжок достанет до него, Подшивалова, до его мягкого тела. Уже волокли столы из кабинетов, валили набок, строили баррикаду. Стать меньше, притутиться, забиться в щель!

— Кра-бра-мца! — опять прокаркало чудовище. Грубее, уже не кукольным писком. Было почти понятно. Понятно, что это боевой клич, крик терзания и насыщения.

— Крови добра молодца... — эхом повторили рядом, Подшивалов оглянулся. Секретарша облсуда. Глаза ввалены, две чёрные пропасти, полные ужаса. Щёки тоже ушли внутрь, губы истончились, нос заострился. Шагнула вперёд с визгом, еле разобрать можно было:

— Уйди-и-и!

Скелет выпрямился, опять с несносным скрипом разверзся рот — и оглушительный свист. Подшивалова отбросило, он на ле-

---

тел спиной на мягкое, заорал неслышно – так заложило уши. Только тут понял, что пятился задом. Свист оборвался. Подшивалова трясли и спрашивали:

– Вы очень заняты? К вам гражданин Табашкин!

– А-а-а! – только и вырвалось заполошно.

– Что ж вы по телефону-то никак?

– А-а-а... – горло уже сипело, звук кончился.

– То есть Медоедов, – продолжал охранник.

– Срочно! Сюда! – губы у Павла Андреевича прыгали, слова скакали горошинами. Приведут – скормить этому чучелку. Секретаршу оно не жрёт. Она не молодец. Дама.

Скелет прыгал на полу, вскакивал на поваленные столы, попыта звонко грохали о плитку, которой был выстелен коридор. Вскрикивал. Даже пытался петь. Секретарша стояла перед ним в паре метров, её очевидно колотило, пригибало, однако она не двигалась с места. Иногда дрожливо вторила дикому голосу костяного чудища:

– *Поката-а-юся,*

поваля-а-юся,

ой ты камень бел горюч... –

доносилось до Подшивалова.

Прошла вечность, когда снизу наконец затопали человеческие шаги. Охранник, за ним молодой парень в офисном костюме, но без галстука, и деятель постарше, залысины, чёрные обвислые усы. Не без злорадства следователь увидел, как перекосились ужасом лица всех троих. Первым опомнился молодой:

– Яйцо! Из яйца?

Секретарша обернулась, и тут же скелет прыгнул. Вцепился в пожилого, флегматичного охранника. Рухнули оба. Охранник завопил:

– Твою ма-а-а-а... – дальше уж было не разобрать, слов не было вообще, только нарастающей высоты ор, больше похожий на голос электромотора, нежели человека. Скелет чавкал. Руки и ноги удлинялись на глазах. Черноусый скривился и сам

себя с отчаянным «мм-э-эх!» ударил кулаком в щёку. Ещё пуще скоротилась физиономия. Рылся по карманам. Выплюнул что-то в ладонь — багрово-бурое, растопырил пальцы, сощурил разбойно один левый глаз:

— Ать!

Оттянул и отпустил нечто упругое. Подшивалов услышал еле-елешный струнный звук. Скорее ощутил нутром, чем слухом — свист полёта. Дзюк! Что-то твёрдое ударило в пустое железо, и костяной страхолюд рухнул на неподвижное тело охранника.

— Вяжи! — почти в один голос воскликнули молодой офисный Табашкин и черноусый Медоедов, уже сдиравший с себя галстук. Перемазанная кровью его физиономия была озарена победой. Скрутили скелету руки.

— Цепу, цепу давай!

Молодой тоже охлопал карманы. Возникли карманные часы на цепочке. Цепочка с лязгом захлестнула кости ног чудовища.

— Пфу-у-ух... — пропыхтел Медоедов, как теряющий газ праздничный шарик.

— С... серебряная... ц-цепочка... — ни к кому не обращаясь, выдохнул и молодой Табашкин. — Н-неразрывная... для.

— Для... к-кого? — переспросил Подшивалов.

Уродец-скелет дёргался на полу. Длины в нём было уже больше метра. Колотил копытами по плиткам, рычал. Но лишь извивался на месте. Люди приходили в себя. Кто-то вызывал скорую. Пострадавший опер, гулко булькая, пил из горлышка графина, вынесенного доброхотами. Пожилого охранника перевязывали.

— Кто это было? — Подшивалов почти владел голосом. — И чем вы его?

— Зубом. Собственным. Давно шатался, доктора этого не лечат, — Медоедов оттирал испачканный подбородок большим клетчатым носовым платком, — а Кощей зуб человечесий хотя бы кратковременно оглушает.

— Ко... го? — голос у следователя дал петуха, из извилин словно всё вынесло. Однако опомнился быстро — как горячим

окасило: — Это вещдок или... — решимости хватило на пару секунд, дальше опять застрял.

— Это Кощей Бессмертный, птенчик Кощя, — отдельно и ласково пояснил Медоедов, даже не адвокатским, а учительским тоном, будто разговаривал с безнадёжным умственно-отсталым, — и лучше всего будет, если вы распорядитесь запереть его в кладовую для вещественных доказательств. Могу помочь, пока на нём цепь, он не вырвется.

Следователь настолько выпал из равновесия, что послушался адвоката. Позвал приставов. Кощей лязгал зубами, звенел чешуёй на груди, выкрикивал «кры-кшы-быгырскы», что адвокат истолковал как «кровушки богатырской», но его подняли, понесли, водворили в кладовку.

— За цепочку, за железное, — наставлял вдогонку Медоедов.

— Пройдёмте! — выпрямился Павел Андреевич, не в силах снести откровенного командирства поверх его головы.

— Да-да. Нам многое нужно выяснить. Кто яйцо инкубировал, хотя бы. Тут ведь достаточно несколько часов в руках или нагрудном кармане, дальше само.

— И вы тоже! — вскипел Подшивалов, тыча пальцем в сторону молодого Табашкина.

Открывал и закрывал двери, нашёл, наконец, пустой кабинет:

— Вы — сюда! А вы, — развернулся к адвокату, — за мной!

— Погодите, — убедительный, актёрский жест, — так не пойдёт. Нам с вами нужна, насколько я понимаю, мадмуазель Элеонора. И обязательно вместе с Олегом Платоновичем, это второй полюс, в его присутствии возможен взаиморазряд.

Подшиваловская квадратная челюсть отвисала всё более. Галиматя-то какая.

— Этот кабинет ваш? — и адвокат устремился в открытую дверь. — Руками не буду, не беспокойтесь. О-о, — донеслось от стола, — даже фрагменты волновода уцелели. Иголочки, попросту...

— Не смей распоряжаться! — из последних силёнок сопротивлялся Подшивалов.

Здание областного святилища юриспруденции вдруг огласилось воем. Скрежетом. Надрывным нелюдским плачем. У следователя зачесалось внутри щёк — так зубы завибрировали. И колени застучали друг о друга. А следом раздался молодой голос:

— Ростислав Мелентьич, вы где? Царапается, чудила!

Рыдания и взывы приближались. Наконец в кабинет ввалился молодой Табашкин, порядком растерзанный, волоча за одежду бабу-ягу. Больше никак было не назвать. Только чёрно-пронзительные глаза и остались от мадмуазель Мальдред, да элегантный кардиган. И тот лопнул на спине, и в прореху лезли чёрные лохмотья, дыбясь горбом. Растрепались, посерели, встали жёстко волосы. Лицо прорезали морщины, подбородок и нос тянулись друг к другу как две половинки щипцов. Или клюва. Двигалась она вприпрыжку, руки жёлто-мумифицированной хваткой вцепились в полы кардигана, пытаясь вырвать материю из рук Табашкина.

Подшивалов шарахнулся, даже Медоедов отпрянул. С треском рвущейся тряпки баба-яга выдралась из кардигана. Чёрный косматый горб развернулся в крылья. Размахом во весь кабинет.

— Каррр! — нависла над столом, застрочил пулемётной дробью клюв. Золотые осколки, в беспорядке валявшиеся на бумагах, исчезали с неуследимой скоростью. Медоедов успел выхватить смартфон. Щёлк, щёлк. Лицо, на глазах оброставшее исчерна-серой чешуёй, обернулось:

— Дррра! Дрррянь!

Грохнулась люстра, и сыплющийся звон её осколков перешёл в чудовищный и неприличный звук. Пфр-р-рхх! Словно невообразимо вонючая бомба лопнула в кабинете следователя. Заряд, извергнутый бывшей свидетельницей, почти весь пришёлся на Подшивалова. Дверь косо повисла на одной петле, раму вынесло вон, и, расправив чёрные крыла, страхолюдина взмыла в необъятный простор.

— Задержанная! Дверь! Сломалась! — охранник, не укарауливший мадмуазель Милдред, бежал по коридору. Его глазам предстал следователь, стоя на четвереньках ковырявшийся в из-

---

рядной куче гуано. Адвокат, обляпанный тою же субстанцией, отряхивался и подначивал лишь слегка пострадавшего клиента:

— Яйцо обязательно найдётся, обязательно, Олег Платон'ч, оно так просто не бьётся! Секретаря бы здешнюю поднапрячь, она много знает, пела-то как, ближе Мезени не слыхивал такого... Вот вам и *Harpia phuria*, подвид *Mogolis*! Чем там ваши экспертизы — алмазом? И алмаз добудем, вскрыть-то придётся, волновод разрушить, энергоподпитку Кошееву, иначе его не уничтожить!

СЕРГЕЙ РЕЗНИКОВ. ПАМЯТНИК

Проектировщик Фёдоров шёл в столовую, радуясь ранней весне. Капли задорно падали с крыш, птицы щебетали, солнце грело. Фёдоров наполнялся приятной негой в ожидании сытного обеда. Путь от института в столовую проходил через вполне обычную промзону: металлические туши ангаров, старые бетонные здания. Повсюду шныряли работяги, перетаскивая инструмент и заготовки. Институтскую столовую Фёдоров не жаловал за скудный и несвежий ассортимент, да и прогуляться любил на обеде, поднять настроение, отдохнуть от надоевшего монитора.

Одно место слегка тревожило его — цех по производству памятников.

Сами памятники лежали прямо во дворе, в ожидании... Фёдоров всегда ежился думая об этом.

«В ожидании кого-то?»

На них пока не приклеены таблички. Но Фёдорову всё не давала покоя гнусная мыслишка — вот кто-то, ну, гипотетический Вася, например, сейчас ходит по брэнной земле, живёт своей непримечательной жизнью, даже не подозревая, что стоит во дворе цеха памятник. Новенький, хорошо обработанный, из тёмного гранита или белого мрамора. Да неважно — какой. Главное — его, Васи, памятник.

И не ожидал Фёдоров, что настанет такой вроде приятный весенний день, когда мысль о Васе обернётся в несколько ином ключе.

Когда Фёдоров проходил по двору цеха, какой-то работяга сидел на штабеле из могильных плит и курил. Фёдоров бы и прошёл мимо, да только работяга возьми да ляпни:

— Вот, тебе приготовил уже.

Фёдоров резко остановился, чуть не поскользнувшись на весеннем льду.

— Это вы... мне сказали?

Работяга, криво улыбнувшись, сплюнул жёлтой табачной слюной. А Фёдоров обомлел, вглядываясь в его лицо. На первый взгляд вроде и обычное — щетинистое, с маленькими хитрыми глазками. Только вот глазки будто проникли в суть Фёдорова, всё видели. А нелепый широкий нос, чуть похожий на свиное рыло, добавлял сходство с неким нехорошим персонажем. Фёдоров невольно покосился за спину работяги, пытаюсь получше разглядеть хвост, что нервно бил оземь. Но стоило закрыть глаза и вновь открыть — хвост пропал, а работяга ехидно ответил.

— А кому ж ещё? Тут разве есть кто, кроме нас двоих?

— Не понял. Что приготовили? — спросил Фёдоров, чувствуя, как по спине пробежал совсем не весенний холодок.

— Памятник, знамо что! Смотреть будете? — Работяга подмигнул, его рот снова расплылся в улыбке, по подбородку побежала ниточка жёлтой слюны. Фёдорову сразу расхотелось обежать, зато сильно захотелось вернуться в институт, забиться в тишь кабинета и забыть о мерзком работяге и его памятниках.

— Я ничего... не заказывал, — пролепетал он.

— А заказывать и не надо. Это дело такое, сами знаете. Сегодня ходите, радуетесь солнышку, а завтра... — Работяга хитро покосился на одну из могильных плит. — Ну, будете смотреть?

Фёдоров сглотнул слюну.

— Вы меня с кем-то путаете, а если это шутка, то не смешная. — Он решительно отвернулся и пошёл в сторону столовой, стараясь идти быстрее, да вот только проклятый лёд не дал. Поскользнувшись, Фёдоров неуклюже упал на землю, локоть пронзила острая боль. Попытался было встать, но лишь засучил по льду ногами, словно придавленный жук. А затем шустро был

поднят за шкурку. Воротник пальто затрещал, а перед лицом Фёдорова появились злые глазки. В нос винтом зашла вонь, да такая, будто работяга, что схватил его, недавно питался гнилым мясом.

– Ты мне тут не елозь, – злобно процедил работяга, кривя синие мёртвые губы. – Быстро принимай работу!

Фёдорова потащили за шкурку, будто нашкодившего кота. И вскоре перед глазами возникла табличка – серая, на фоне чёрного гранита, а на ней надпись:

«Фёдоров Арсений Иванович, 09.07.1972–04.03.2021.»

Дата смерти была завтрашней.

– Ты? – спросил работяга, а Фёдоров был готов поклясться, что слышит, как разъярённо бьётся оземь мерзкий хвост.

– Я не понимаю... прошу, оставьте меня, я что-то должен сделать? – он полез в карман за кошельком. – Я денег дам, только отпустите.

– Ха! Денег! Вот же дурак.

Фёдоров почувствовал, как ему в руку всучили что-то мягкое. Хватка ослабла, и вскоре он смог рассмотреть пергамент, морщинистый, с синевой. Местами на этой странной бумаге проглядывали тёмные волоски.

– Это зачем? – пропищал он.

Работяга не ответил, зато руку Фёдорова пронзила боль. Он с изумлением смотрел, как острое лезвие взрезает ладонь, как хлещет тёплая кровь, как работяга макает в эту кровь перьевую ручку.

– Пиши! Я, такой-то такойтович такойтов отдаю свою душу в вечное пользование, тем самым отказываясь от памятника.

– Как понять, душу?! Я так... не могу... это же форменное...

– Пиши, либо забирай памятник. Либо живи, либо сдохни! Чего непонятного?! – заорал работяга.

Фёдоров писал. Перо неуклюже царапало кожу, работяга недовольно пыхтел.

– Быстрее уже!

Вскоре всё было готово, и Фёдоров почувствовал, как цепкие пальцы залезли ему в грудную клетку и будто перетряхнули его изнутри, вырвав что-то очень важное.

Затем его отпустили, и он, поникнув, пошёл куда-то. Не радовали его больше пение птиц и звуки капли, да синева неба.

— Зато памятник этот дурацкий тащить не пришлось, — шептал он.

КИРИЛЛ БЕРЕНДЕЕВ. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Когда Сидоров выехал на мост, переднее правое колесо лопнуло. Машину резко повело в сторону, она стукнулась о столб, закрутилась волчком, выбрасывая водителя, и встала на пешеходной дорожке.

Сидоров приложился всем телом об асфальт — да так, что даже боли не чувствовал, лишь холод, который подобно раствору из бетономешалки медленно заливался во все поры, овладевая им.

Он попытался повернуть голову, чуть-чуть удалось. В тот же миг до его уха донесся шум шагов, он увидел подбежавшие брюки.

— Спокойно, я врач, — заявил подошедший, наклоняясь, но все не попадая в фокус зрения. — Как вы себя чувствуете? Расскажите, что болит, где, как?

— Я тоже врач, отойдите. Но я-то хоть невролог, а вы по какой специальности будете, коллега? — зазвучал в ушах второй голос.

— Я Петров, виднейший отоларинголог города, приехал на медицинский съезд, — грозно ответил первый встречный.

— Я... простите, профессор, не узнал. Я ведь тоже на съезд приехал. Иванов, позвольте представиться. Вы ему первую помощь оказали?

— Нет, он молчит пока. Надо бы галстук развязать, может, пациенту дышать тяжело. Сейчас... — Петров принялся шарить по груди, ища требуемое. — Вот черт, нет у него галстука. У вас есть, коллега?

-
- Пуговицу расстегните.
  - Лучше две, – произнес кто-то еще, все трое посмеялись.
  - Да, Кузнецов, помню-помню ваше выступление на прошлогоднем фуршете, – заметил Петров. – Что скажете?
  - Скажу, что мы его теряем. Коллеги, может документы поищем?

Руки снова завозились на груди Сидорова, на этот раз дольше и глубже. Вытащили бумажник. Пострадавший невольно засипел.

- Всё в порядке, больной, мы специалисты.
- Доктора и профессор, – заметил Кузнецов и тут только поглядел на свои руки. – У него кровь. Может его раздеть?
- Чтоб потом это видео в интернете молодежь пугало? – возмутился Петров. – Да вы точно только для фуршетных речей и годитесь, коллега.

Пристыженный Кузнецов замолчал, пока два других врача изучали бумажник. Нашли права.

– Сидоров, послушайте, Сидоров! Я к вам обращаюсь. Слушайте внимательно. Опишите свое состояние.

– Кажется, профессор, он говорить не может, – произнес Иванов. Петров кивнул.

– Без хирурга нам троим никак. А он только завтра на съезд придет. Кузнецов, может так что-нибудь скажете?

– Как дерматолог скажу, что кожа пациента сухая – вероятно, от долгой работы на свежем воздухе. Но не лучше ли нам вызвать «скорую»? Мы эдак Сидорова потеряем, а я бы его вылечил еще.

– Может, у него что-то со слухом, надо проверить, – тут же ожил Иванов. – Дайте фонарик, я попробую узнать.

Сидоров перестал чувствовать и холод. Какая-то странная легкость заменила бетонный раствор, растекшийся по жилам. Он пожалел мимолетно, что вот эти врачи, светила науки, бесполово копошащиеся вокруг, очень быгодились в свое время, когда у него образовались проблемы и со слухом, и с коленями. И вот теперь с кожей. Он согласился бы полечиться у Кузнецова, лишь бы тот отошел сейчас подальше.

– Реакции нет. Вызывайте других специалистов. Степанов, вы тоже здесь, но ведь гастроэнтерологам только завтра выступать...

– Зато у меня мобильный работает. Правда, на мосту связи ни к черту.

К этому моменту возле поверженного Сидорова собралась значительная толпа: кто-то предлагал положить пациента на бок, чтоб сердцу работалось легче, кто-то – свои патентованные капли. Другие тоже что-то советовали – а что, было уже не разобрать: слух стал работать с перебоями, да и свет потихоньку гущался.

– Ободрить, говорите? – сквозь толпу врачей пробился полицейский. – Можно. Сидоров, не уходи, ты нам нужен. Как же я тебя тогда штрафовать-то буду? Помнишь, я тебя ведь дважды на пустом месте штрафанул, а ты даже спорить не стал. – Полицейский обернулся. – Ведь святой человек, не возмущается, не спорит. Повезло его жене.

– Судя по рукам, – заметил Кузнецов, – он не женат.

Всё верно, любимая женщина бросила Сидорова лет семь назад. «Хороший ты человек, Сидоров, – заметила она напоследок, ссыпая серебряные ложки в сумочку, – но жить с тобой невозможно. Уж больно честный и отзывчивый».

Он и сам не раз слышал подобное от тех, кого считал друзьями, товарищами, коллегами. Ему не повезло родиться в детдоме, родители отказались от него еще до рождения, роды стали формальностью, узаконившей его право появиться на свет. Сверстники общались с ним неохотно, хотя он, как и любой другой ребенок, очень мечтал влиться в коллектив. Но не сложилось. Ребята постарше его даже в библиотеку не пускали, так что знакомство с жизнью Сидоров начал с Платона и закончил Кантом, чей нравственный закон так въелся в быстро растущий организм, что даже спустя двадцать лет вывести его оказалось невозможным. Да и свыкся Сидоров с тем, что добро должно быть наказано. Что занимающийся любимым делом – слабак, раз не карьерист, что жить на зарплату, ничего ни у кого не во-

---

руя, позорно, а идти по головам сослуживцев — почётно. Что обувать лохов правильно, и что...

— Сидоров, ты должен сняться в моем новом видео, — влез в его мысли и в поле зрения еще кто-то. Кажется, известный блогер Никодимов. — Врачи, бессильные помочь несчастному, и я... — Он произнес название нового ролика, после чего его выперли объединенными врачебными усилиями.

— Сидоров, не умирай, — возгласил еще кто-то. — Ты ж мой избиратель. Через три дня выборы, как же без твоего голоса. Борись. Хотя бы ради меня. А уж я с коррупцией, мздоимством... только бы до всего этого добраться...

— Сидоров, подумай о родных, — влез еще кто-то. — На тебе ипотека на двадцать лет. Как же ты можешь на них повесить долги?

Хорошо, что у меня родных-то нет, подумалось умирающему.

И вторая мысль неожиданно пришла в голову: а что если попросить у собравшихся воды? Дадут?

— Сидоров, я представляю областное министерство по налогам и сборам. Мы только что выслали тебе уведомление об уплате пошлины. Ты что же, решил вот так вот просто...

— Городское телевидение! Разойдитесь, дайте место, у нас прямой эфир. Уберите кровь только, нас дети смотрят.

Сидоров понял, что даже если будет кричать, никто не услышит. Он вздохнул и увидел рядом с собой приятного молодого человека в белом с курчавыми пшеничными волосами. Пытался что-то сказать, но улыбчивый незнакомец, наклонившись, закрыл ему рот пальцем.

— Всё в порядке, Сидоров. Я твой ангел-спаситель.

— Хранитель... — поправил Сидоров, но молодой человек покачал головой.

— От этих и всего этого — спаситель. — Он обвел тонкой рукой людей окрест. — Всевышний послал меня к тебе как к самому кроткому, доброму нравом и великодушному представителю человеческой природы. Чтобы переправить тебя в лучшее место. В Лихтенштейн, в семью Гроссшартнеров.

У них через минуту родится мальчик. Им и будешь ты, Сидоров.

— А почему не в рай? — не шевеля губами, спросил тот.

Ангел покачал головой.

— Просто... — ангел помолчал, а затем добавил: — ... Просто там лучше.

— Мадам, — произнесла акушерка, улыбаясь, — у вас мальчик. Да какой, пять кило, богатырь!

— Рихард, — произнесли бескровные губы молодой мамы. Она устало выдыхала, приходя в себя. — Милый добрый Рихард. Пожалуйста, дайте его, Эльза, я обниму свою кроху.

— Руди, у тебя мальчик! — воскликнул свежее испеченный дядя Ади. — Да не стой столбом, перережь пуповину, я тебя снимаю. Отклейся уже от стенки-то.

— Тише, ребенок разволнуется, — тут же укорила его акушерка. Адольф, извиняясь, вышел в соседнюю комнату шале, где переживало за исход дела все семейство Гроссшартнеров.

— Мальчик, — только и произнес он.

— Слава богу. Как Магда, как ребенок? Ади, прекрати снимать, скажи толком, — произнес глава семейства. И неожиданно добавил: — Вот и еще один миноритарий компании «Майкрософт» появился на свет.

— Милый, — попрекнула его супруга, — ну не сейчас же.

— А здесь все такие. «Амазон», «Ланком», «Нестле», «Пфайзер»... да и от янки не убудет лишних тридцать тысяч евро в год... Но что же мы встали, идемте поздравлять новоиспеченных отца и мать. Боже, я стал дедушкой, подумать только. Эльза, можно? Ади, а тебе уже хватит.

Они вернулись к завернутому в полотенце Сидорову, бережно обнимали его, передавая из рук в руки, шептали ласковые слова, целовали и пожимали крохотные пальчики. Сидоров озираясь, не веря, что все эти люди родные и близкие, просто любят его безо всякой задней мысли, таким, каков он есть. На какой-то миг показалось, что он беженец в этой далекой стране.

А потом Сидорова волной накрыло теплое всепоглощающее счастье, и он, не выдержав, разревелся.

ТАТЬЯНА НЕСТЕРОВА. ЖАЛКО АИСТОВ

Ночь. Морг. Посредине пустой темной комнаты на двух стоящих рядом каталках лежат трупы двух голых мужчин. Один — седой, в шрамах, татуировках, без пальца на правой руке и с серебряным кольцом на левой. Второй — гладкий, чистый, с прической и тонкими пальцами.

Холодно. Фонарь за окном бросает квадрат света на кафельный пол. Тихо. За стеной нежно похрапывает дежурный патологоанатом.

— Привет. Эй! Ку-ку! Ау! Привет, говорю! — Седой сел, свесив волосатые ноги с каталки, и пихнул беспалой ладонью дебелое плечо сотоварища. Тот медленно приподнял редкие ровные ресницы:

— Что Вам надо?

— Мне?! — беспалый задумался. И правда, что же ему надо? А хрен его знает, чего-то надо. Есть-пить не хочет, странно. Обратный процесс тоже молчит. Может, секса?

Седой печально посмотрел на поблескивающее в фонарном свете обручальное колечко. «Было бы золотое, поди бы уже без второго пальца был», — эта мысль так развеселила седого, что он захихикал и снова толкнул соседа.

— Эй, ты как сюда попал? Сам загнул, или помог кто?

— Сам.

— Обидно, наверное?

— Да, не ожидал, — второй, кряхтя, присел напротив первого, привычно поправил ладонью прическу. — Рак легких вовремя не зафиксировали.

— Курил, небось?

— Что Вы?! Никогда!

— Тогда вдвойне обидно.

— Да.

Повисла мертвая тишина. Другой в морге не бывает. Два трупа сидели на высоких каталках друг напротив друга, чуть покачивая босыми ногами с бирочками.

— А меня током шарахнуло. Смотри! — беспальный наклонился и показал собеседнику обугленный затылок и белесые кости шейных позвонков в черном месиве. Второй брезгливо отстранился.

— Где это Вас так?

— Да там. У нас в поселке аисты живут. Гнездо себе на церкви разрушенной каждый год складывали. У нее еще с войны луковички не было, вот они и использовали этот высокий плацдарм. Да... Тебя как зовут-то?

— Леонидом звали.

— Так вот, Лёня. Церковь эту отреставрировали за зиму. Аисты весной прилетели, а места и нет уже. Надо другое искать. А поскольку у нас как раз ЛЭП стали вести к новым дачам, то самым удобным местом для птиц оказался столб. Меня Вася зовут. Звали.

— Очень приятно.

Василий, улыбнулся и поскреб затылок, от чего на белую простыню посыпался черный пепел.

— Ну вот. Мы-то думали, что эта стройка, как всегда, надолго, успеют птички отстреляться. А оно, вишь как, обернулось. Сейчас всё быстро делают. Короче, у птичек яйца в гнезде, а тут ток уже решили пустить. Пока я место на крыше обустраивал, чтоб туда яйца перенести, все уже и подключили. Полез я на столб за яйцами, уже вынул, слезать хотел...

Голос Василия задрожал, подбородок горестно уперся в та-туировку на груди:

— Представляешь, Лёня, я одно яйцо в карман положил, а второе уже проклянутое было. Куда ж его совать-то? Вот в руке и держал. Качнулся неловко и головой в провода. Разбились аистята. Эх, если бы двумя руками держался, не качнулся б, хоть одного бы спас.

Василий замолчал, и в морге снова повисла тишина.

— Даааа, — выдохнул Леонид. Ему захотелось рассказать тоже что-нибудь этакое, яркое и героическое, но на память приходили только Зоя Космодемьянская, Гагарин и Штирлиц. Самое интересное в его жизни — это была поездка на море с мамой пятьдесят лет назад. Он тогда чуть не утонул в соленой большой воде. Простудился и заболел. С тех пор Леонид боится плавать. А еще он боится летать. Поэтому никогда не покидает свой город. Не покидал. После смерти мамы хотел завести собаку, но боялся, что не сможет за ней ухаживать правильно, и та умрет. Нет, если честно, то не поэтому. Не хотел выгуливать, кормить, пылесосить шерсть с паласа. Любая любовь накладывает обязательства и дополнительные телодвижения.

— А я марки собирал.

— Зачем?

Леонид задумался: и правда, зачем? Просто надо было иметь какое-то хобби. Вот он и имел. Добросовестно заполнив три кляссера купленными на почте марками, он показал их маме и надолго забыл в ящике письменного стола. Зато в разговоре с девушками было о чем говорить.

— Я смотрю, Вы женаты, — показал он пальцем на Васино кольцо. — На левой руке, значит, в разводе?

— Это значит, Лёня, что она была, а я ее помню и люблю. Ты не женатый?

— Нет.

— Почему?

— Н-не знаю. Насмотрелся на других. Не хочу лишних проблем, наверное. Не хотел. Это же сначала только рай и удовольствие. А потом начинается такое, что хоть вешайся.

— Кхе, если не состоял, откуда знаешь?

— Вижу и слышу. У одного соседа жена любовников домой приводит. Весь дом, кроме мужа, знает. Второй на трех работах пашет, чтобы трех сопляков кормить. Третий пьет и гоняет всех. Теща его сажает, жена прощает и домой ведет. Это жизнь?

— А ты?

— Что я?

– Ты что делаешь?

Строгий, почти сердитый взгляд Василия смутил и опять заставил задуматься: «Мне это надо? Не надо! Заводить семью, детей, чтобы потом всю жизнь мечтать от них избавиться хотя бы на день?! Делать только потому, что все делают? Зачем? Секс? Его можно иметь без оформления отношений».

– Ничего не делаю. Просто спокойно живу... Жил.

– Так может ты гений? Изобрел чего, книжку написал или этот, пылиглот?

– Да ну, что Вы! – Леон застенчиво махнул ручкой. Пожевал губу и признался. – Я в музее краеведческом работал. Сторожем.

– Да ну?! И что там сторожил?

– Экспонаты.

– Ну-ну. Выходит, ничего ты, ни ручками, ни головой, ни другим местом путного не сделал. Выходит, зря жил. Ноль ты.

– В смысле?

– По нулям жил. Как будто и не было тебя. Совсем ничего не сделал, не оставил, не совершил, даже собаку не завел. Ты зачем жил? Может, ты убил кого-нибудь?

– Что Вы себе позволяете?! Знаете, что! – Прическа Леонида растрепалась, обвислые щеки дрожали от сдерживаемого возмущения.

– Что?

– А ничего! – крикнул он. Потом вдруг уперся ногами в каталку собеседника и с силой толкнул ее. Каталки разъехались в противоположные стороны. Сам не веря в то, что он сейчас сделал, и ужасно гордясь собой, Лёня вернул свое ложе на прежнее место, лег и закрыл глаза: «Вот это да! Вот это я дал! Могу же! Да, я такой. Со мной лучше не связываться. Ка-а-а дам! А что он, в самом деле. По нулям. Сам он по нулям. Да!..»

Откатившись к окну, Василий долго смотрел на больничный двор в желтых пятнах света. Было очень жаль разбившихся аистят. Еще жалче их родителей. Себя? А чего себя жалеть-то? Вот он Вася, сидит и в ус не дует.

Память плавно перенесла его в далекое прошлое. Золотое поле под горячим пыльным солнцем. Стайка девчонок-студенток. Стоят на большаке, чирикают. И он на верном разухабистом «газончики». Все в кузов забрались. Одна только самая смелая к нему в кабину села.

Так они познакомились. Первый поцелуй, первая близость, счастье каждую минуту думать об этом, вспоминать. Трепетать и возбуждаться от воспоминания. Невозможность быть не вместе, страх потерять и неуверенность. Если откажет — не выживу. Её «да». Потом уже появилось другое счастье: гараж, рыбалка, футбол. Но и его бы не было, если бы не она. Потом прибавилось счастье в ползунках и с пустышкой. Радость от повышения в звании «Отец!» компенсировалась бессонными ночами и тещинскими упреками. Потом... Потом он ошалел от приближения старости. Горные лыжи, мотогонки, дайвинг, две любовницы. Все, чтобы доказать себе, что ты еще ого-го! Она не смогла этого пережить, переждать. Умерла. Врачи сказали: осложнение после гриппа.

Храп за стенкой прервался на взлете. Раздалось невнятное бормотание, скрип кроватных пружин, и снова ночной морг погрузился в тишину. Вася дотолкал каталку до прежнего места, поправил сбившуюся простыню, залез с трудом, кряхтя и вздыхая.

— Лёнька, а у меня два внука и внучечка Машенька. Она меня «дедикой» называет.

Он понимал, что это было нечестно, но правоту надо было доказать! Скоро утро, больше не встретятся. Так и будет дальше мужик жить недоумком. Тьфу! Не жить уже.

— Знаете что, дедик, — Леонид приподнялся над каталкой. — А не пошли бы Вы со своими отпрысками куда подальше.

Умом Лёня понимал, что ведет себя неправильно. Мама бы не одобрила. Да, он раньше никогда такое не позволял себе:

— Василий, я не знаю вашу жизнь, но я предполагаю, что людям от нее было не сладко. И внуки ваши, и дети хватили от вас не только добра. Сами-то вы получили чего больше, горя или радостей? Вон сколько шрамов на теле, голова вся седая,

пальца нет. Где оно, счастье Ваше?! Да Вы — такой же нуль, как и я! Нет! Вы еще хуже! Вы нуль в квадрате!

Серело июньское небо за окном. Летние короткие ночи заканчиваются быстро. В коридоре уже слышались шаги. Кого-то привезли. Два трупа лежали в холодном морге на катаалках. Два нуля. Но какие разные!

ЕЛЕНА САНДРОВА. МИССИЯ

Петрова умерла в понедельник утром. Похороны назначили на пятницу, выгадав лишний день, чтобы все желающие проститься успели на церемонию. А желающих и вправду было много, если не сказать очень много.

За свою не слишком долгую, но вполне спокойную, а временами даже счастливую жизнь Раиса Николаевна завела прорву знакомств. Стоило ей выйти из дома, как число знакомых неизбежно вырастало на два, три, а как-то раз вообще на семь человек. Самое примечательное: сама Петрова ничего для этого не делала и цели расширить круг общения себе не ставила. Но вот поди ж ты — тянулись к ней люди.

Старшая дочь Петровой такую общительность не одобряла.

— Тратишь время на пустой треп. Липнут к тебе одни пиявки и нытики. Думаешь, они тебя ценят? Да им вообще неважно — кому, лишь бы поплакаться, а ты уши развесила, вот болтуны и рады.

В словах дочери, хоть и неприятных, была доля истины. Новые знакомства действительно развивались по одной и той же схеме: начиналось с безобидного «как пройти к оставке?» или «я вижу, у вас в корзине кабачки, а что вы из них готовите?», а заканчивалось «муж не дает денег на детей» и «все болит, ничего не помогает». Конечно, беды были у всех разные, но у каждого требовали срочного душеизлияния. Петрова внимательно слушала и старалась дать хороший совет, который, как она верила, поможет решить проблему ее визави. Со временем ей стало казаться, что это ее миссия на земле,

---

и вскоре женщина стала давать советы даже когда их не просили.

Вот и в день своей смерти, уезжая на «скорой» и держась за сердце, Петрова прошептала бледной встревоженной дочери:

– Оля, если не вернусь, не траться на могилу. Места на кладбище такие дорогие, а у нас Кирюшке поступать в этом году. Кремируйте меня, дешевле выйдет.

Дочь не выдержала порции материнской мудрости и разрыдалась. А Раиса Николаевна и правда домой больше не вернулась.

Теперь ее тело, омытое и наряженное в любимое зеленое платье с уже давно немодными, но такими милыми оборочками, лежало в закрытом гробу и ждало кремирования.

– Что ж ты мне сердце на части рвешь? Как могла ты бросить меня в такой момент? В трудный период моей жизни, так сказать, остался я совсем один!

Плаксивый голос звучал совсем рядом.

– Пятнадцать лет вместе прожили. Душа в душу, так сказать. И вот, подлянка, значит, от тебя? О себе ты подумала, а обо мне, значит, нет? – Обладатель голоса был явно нетрезв и очень расстроен.

Тело Петровой едва заметно дрогнуло. А плакальщик входил в раж.

– Что же теперь делать? Скажи, как мне жить без тебя?

Кто-то был в беде, просил совета, и этого импульса хватило, чтобы разбудить покойницу.

С большим удивлением Раиса Николаевна обнаружила, что слышит мужской голос. Вслушиваясь в причитания, она поняла, что человек перенес потерю близкого. Поначалу ей даже показалось, что плачут о ней, но она быстро разобралась, что к чему. Голос был ей абсолютно точно незнаком и оплакивал какую-то Надю.

Проникшись симпатией к горемыке, Петрова по старой привычке решила с помощью наводящих вопросов дать человеку выговориться.

Осторожно откашлявшись, она сказала:

– Надя – это ваша супруга, да?

За крышкой гроба что-то упало. Петрова прислушалась – тишина.

– С вами все в порядке, мужчина?

Чертыхнулись, звякнули, глухо пробормотали:

– Кто здесь?

Раиса Николаевна вежливо объяснила кто.

Мужской голос долго не подавал никаких сигналов, и Петрова решила, что несчастный испугался и ушел. Но ее тело не умирало обратно, а значит, она еще нужна на этом свете.

– Женщина! Вы это... живая, что ли? Вас по ошибке того, в гроб-то?

– Нет-нет, никакой ошибки, я в понедельник умерла. Но вас почему-то слышу.

За крышкой снова надолго замолчали. Раиса Николаевна почувствовала, что начинает раздражаться. Такой простой при жизни, после смерти процесс выслушивания непривычно затягивался. В гробу было темно и тесно, никакого комфорта не предусматривалось, и Петровой быстро надоело так лежать. Она решила ускорить развитие событий.

– Мужчина, вам бы выговориться. Будет значительно легче, поверьте.

Тот вздохнул:

– Разве когда-нибудь станет легче? Мне кажется, словно жизнь остановилась с уходом моей Нади.

Петрова облегченно вздохнула – дело пошло на лад. Вслух она своим самым лучшим сочувственным тоном сказала:

– Время лечит. Расскажите мне о вашей Наде.

Следующие три часа мужчина говорил.

Это был один из самых долгих «сеансов» на памяти Раисы Николаевны. Выслушивая полную историю отношений супругов Кукушкиных, Петрова вдруг поймала себя на мысли, что ей скучно. Если раньше ее волновали те же вопросы, что и остальных, пробуждая эмпатию, то теперь всё это перестало иметь

значение. Рассказ стал тяготить покойницу, и она поймала себя на мысли, что хочет избавиться от надоевшего собеседника. Но раньше-то она могла уйти, сославшись на неотложные дела, а теперь такой возможности у нее не было. Ситуация усугублялась тем, что «клиент» постоянно что-то подливал, из-за чего путался в хронологии, а некоторые эпизоды вспоминал по несколько раз. Женщина даже постаралась тихонечко умереть, надеясь, что Кукушкин не заметит. Но, как ни напрягалась, ничего не выходило.

За своими размышлениями Раиса Николаевна как-то пропустила момент, когда новый знакомый решил открыть гроб. Ее временное пристанище закачалось, закрипело, Кукушкин кричал, что обрел в лице Петровой нового друга, которого намерен освободить.

Та испугалась. А что если миссия не отпустит? И будет она, Петрова, вечно слушать этого словоохотливого товарища?

И тогда женщина закричала:

– Ой, нет, не надо, не открывайте! Я ведь и правда мертвая!

Раздался треск, крышка гроба сдвинулась, и на Раису Николаевну уставились налитые кровью глаза хронического пьяницы. Он восхищенно окинул покойницу взглядом.

– А ты ничего! Я тут подумал... Мы тебя накрасим, туфли на каблуке оденем, и в ресторан.

Петрова обалдела:

– Зачем в ресторан?

Кукушкин удивился:

– Ну как же, там Надька моя официанткой работает.

– Но я думала, ваша жена умерла.

Кукушкин удивился еще больше:

– Да не, с чего бы. Хотя, когда мы с тобой под ручку придем, может, и сдохнет от злости, хе-хе. Как увидит, что я при бабе, будет локти кусать, что ушла. Пятнадцать лет душа в душу, а она... В тяжелый для меня, значит, период жизни. Запил немножко, с кем не бывает, ну так работа у меня тяжелая, покойников в печку не каждый сможет по-трезвому. Ну,

ты вылезай давай, прямо сейчас и пойдём. Пока ты того... свеженькая.

Раиса Николаевна вдруг с горечью осознала, что дочь была права. Как там Оля говорила? Лишь бы кому пожаловаться, и неважно кому. И не ценят они Петрову, нет им дела до ее чувств. Вон этот даже не спросил, от чего она умерла. А у нее сердце не выдержало!

Накатила небывалая злость. Захотелось отвесить смачную оплеуху Кукушкину. Или нет, лучше прямо кулаком в рожу, что уж миндальничать, теперь-то можно всё.

Пьянчуга упирался в крышку, стараясь ее сдвинуть, и старая натура Раисы Николаевны, исчезая за белой пеленой абсолютной ярости, дала последний совет:

– Кукушкин, лучше не открывай!

Но тот пыхтел и не расслышал.

***

Оглядывая каморку с печами, Петрова сыто рыгнула и погладила живот.

Она передумала умирать. Кажется, у нее теперь новая миссия – избавлять мир от нытиков. Буквально.

Пойти, что ли сожрать еще парочку вечно недовольных?

Тяжело переваливаясь, она пошла к выходу из морга. В кабинете патологоанатома кто-то жаловался на маленькую зарплату.

СЕРГЕЙ ФОКИН. ПЕТРОВНА

Новогодняя страшилка для взрослых, случившаяся летом

Маленькая девочка размечталась стать взрослой. Вот так сразу – бросив старшую группу садика, не заканчивая школу и не поступая в институт. На Новый год она попросила об этом Деда Мороза и потом долго спрашивала маму, почему с нею

не происходит чуда. Старик вначале посмеялся над просьбой, но прошла зима, наступило лето – самое скучное время для северных волшебников. И дед, глядя в оттаивающее окно своей арктической дачи, решил пошалить, как любил это делать в ноягоднюю ночь.

Однажды утром все и случилось. Не успела девочка сказать «Мама!», как выросла на целый метр, немножко ссутулилась и сразу же почувствовала, как у нее заболели ноги. Она вздохнула, попыталась расправить спину, охнула от защемления в пояснице, но... В соседней комнате вдруг зазвонил телефон.

Девочка по привычке хотела крикнуть: «Мама, звонят!», только ноги сами понесли ее к двери – мимо шкафа-стенли с большим зеркалом. Из зеркала на девочку взглянула осунувшаяся пожилая женщина с седыми волосами, усталыми глазами и каким-то знакомым овалом лица. Девочка хотела поздороваться с тетей, как вдруг увидела, что губы у той дрожат, будто от обиды. Так дрожали губы у мамы, когда папа приходил после работы не трезвый и начинал придирааться ко всем домашним. И девочке в такие дни тоже от него доставалось, но маме чаще, и та долго плакала, закрывшись одна на кухне. Когда был жива бабушка, они обычно плакали вдвоем. Бабушку девочка помнила плохо, та умерла три года назад. С ней случился сердечный приступ, и, падая, она ударилась головой о батарею.

Все это промелькнуло у девочки в мыслях, пока она поднимала трубку телефона.

– Лилька, ты? – заговорщицки произнес детский голос. Это была подруга, которую звали Зинка. Та еще егоза и проказница!

– Ага, – ответила девочка, и это получилось у нее как-то грубовато. Зинка вдруг запнулась и спросила с недоверием:

– А почему у тебя такой голос?

– Какой? – не сразу поняла девочка.

– Как у Волка в сказке про Красную шапочку.

– Дурак твой волк, – неожиданно для самой себя ответила девочка. – Угостили его пирожками с мясом – и шел бы своей

дорогой. А вот захотел от чужого каравая кусок отхватить — и пуза лишился.

— Ой, Елена Николаевна! — пискнула Зинка. Она назвала по имени Лилину маму. — Извините, я вас не узнала. До свидания...

Трубка загудела, а девочка прикрыла рот рукой: вот ведь угораздило испугать подругу! И почему она вдруг про пузо заговорила?

В прихожей послышался металлический звук: ключ засовывали в замочную скважину. Возня продолжалась довольно долго, и стало понятно, что это папа снова пришел домой пьяный и не может сразу справиться с замком. Обычно в таких случаях ему помогала мама, но сейчас ее не было дома.

Отец выругался и снова попытался вставить ключ. Наконец, у него это получилось, дверь рывком распахнулась, и неуверенно стоящее на ногах тело ввалилось в прихожую.

Девочка уже привыкла бояться, но прятаться было бесполезно, и она осталась стоять возле телефона.

— Свят, свят!.. Чур не меня... Сгинь! — вдруг испуганно забубнил папа, торопливо крестясь и навалившись спиной на дверной косяк. — Петровна... ты же того... три года как... я же все помню, ведь сам тебя... об батарею... тогда, на кухне... Ты зачем вернулась? — Он сделал большие глаза и вдруг понимающе икнул: — Мать честная!.. Да у меня горячка... А тебя нет... давно уже нет... ты на кладбище и не можешь оттуда прийти.. Правильно я говорю?

— Правильно, — сказал вдруг девочка, и сама не поняла, как это у нее получилось. — Но вот пришла. И еще приходите буду, пока тебя за собой не уведу. Чтобы ты дочь мою в покое оставил, окаянный.

— Так, Петровна... я же теперь другой стал, — залепетал почему-то отец, а за спиной его рука лихорадочно дергала за ручку двери. Только замок захлопнулся, и, чтобы его разблокировать, нужно было отодвинуть щеколду. — Ты же видеть должна... И тебя я тоже не хотел. Случайно получилось...

— Вначале сковородой по виску, а потом — для следствия — еще и к батарее приложил, — кивнула девочка, плохо понимая, о чем говорит. — Думаешь, там, — она подняла палец кверху, — ничего не знают? Амбарная книга на тебя заведена, милоч. Все прописывается до последнего слова. И осталось в ней только две страницы пустых. Как ты думаешь, на сколько их хватит?

Дверь, наконец, поддалась, отец распахнул ее рывком и бросился к лестничному пролету. Он будто сразу протрезвел, потому что так быстро бежать пьяный человек не мог.

Звуки его шагов затихли, и наступила тишина. Девочке подумалось, что она многого еще не понимает, и ее разговор с папой вышел каким-то странным. Петровна — так он называл покойную бабушку. Они никогда не любили друг друга и часто ругались, поэтому и сейчас, наверно, он вспомнил ее не по-доброму.

Но задумываться надолго Лиля не умела. Ей пришла в голову мысль, что, если она теперь взрослая, то это здорово и должно как-то использоваться. Она не обратила внимания, что Дед Мороз одел ее совсем не по-модному: в старые чулки, застиранную платье и выцветшую кофточку. Не очень бодро из-за плохо сгибающихся коленей спустившись во двор, она увидела возле детского грибка и песочницы Зинку, которая посматривала на ее подъезд. На старушку та не обратила никакого внимания, и Лиля решила подшутить над подругой.

— Девочка, давай лепить пирожки, — сказала она.

— Нет, бабушка, с вами не интересно, — отказалась Зинка. — Я лучше пойду домой. — И она упорхнула со двора.

Лиле показалось это обидным.

— Задавака! — сказала она. — Вот передам ее маме, как она говорит про воспитательницу — выдерут как миленькую. Тогда узнает...

Но долго обижаться девочка не стала, ведь впереди ее ждало столько интересного. «Если я теперь большая, мне можно ходить туда, куда раньше не разрешалось!» — вспомнила она и радостно зашагала в сторону ночного клуба. Вечерами там — и про это в садике знали все дети — танцевали

голые тети, а днем клуб работал как обычное кафе для взрослых.

Обстановка внутри очень понравилась девочке, ведь она никогда не бывала в подобных заведениях. На сцене, конечно, никто не танцевал, зато столики оказались почти все заняты. Свободным оставался только один, куда Лиля и села. И вдруг услышала за спиной мамин голос.

— Я уже не могу с ним жить! — Та старалась говорить шепотом, но у нее получалось плохо. — Каждый день — как пытка. Да и дочка тоже плачет...

— Переезжайте ко мне. — Второй голос принадлежал мужчине, и был басовитым и настойчивым. — Брось его раз и навсегда. Один он быстро сопьется, и тогда квартира снова станет свободной. А до этого поживете у меня. Получится недолго — полгода-год все решат.

— Я боюсь, Максим. — Мама даже всхлипнула.

— Чего? Ведь плохого ты не сделаешь.

— Жалко мне его, столько лет жили...

— Сколько? Восемь? Разве это много? Некоторые пары золотые свадьбы справляют, вам столько не протянуть. Тем более, как ты говоришь, после смерти Ларисы Петровны Павел драться стал часто...

Мама всхлипнула. Когда она так делала, девочке было очень жалко ее. И вдруг она почувствовала, что здесь происходит что-то необычное. Чуть повернув голову, Лилия увидела, как немолодой уже мужчина с солидной бородкой держит мамину ладонь в своих руках и даже поглаживает ее. Папа никогда так не делал, он и не целовал маму, приходя с работы. А этот дяденька потянулся губами к той самой руке...

Наверно, маме было приятно такое внимание, но она все равно сомневалась и не давала своего согласия на переезд. Поговорив еще немного, они расплатились и вышли из кафе, а девочка вдруг вспомнила Зинку. У той родители развелись год назад, и чужого мужчину, появившегося в доме, она стала называть папой. Зинка подлиза, это у нее получалось легко...

У Лили вспыхнуло лицо и неприятно застучало в висках. Она быстро поднялась и под удивленные и неприязненные взгляды официантки, брошенные на ее наряд, вышла на улицу.

Когда девочка в задумчивости подходила к своему дому, у подъезда увидела машину скорой помощи и полицию. На носилки укладывали чье-то окровавленное тело, а рядом с ним плакала мама. Один раз она прошептала: «Паша, что же ты наделал!» За ее плечами стоял мужчина с бородкой и как-то очень спокойно смотрел по сторонам. Люди показывали пальцами на открытое окно на пятом этаже и слушали паренька, очевидца падения оттуда человека.

У девочки защемило от страха сердце. Оно вдруг стало биться как-то неровно. Приблизившись к носилкам, которые вот-вот должен был накрыть простыней санитар, Лиля узнала папу. Его голова была неестественно вывернута на сторону. В толпе тихо перешептывались, и вдруг, сама того не желая, девочка негромко со злорадством произнесла:

— Туда ему и дорога, извергу. Я предупреждала, что этим все кончится. Грехи — они к земле тянут, если не покаешься.

Санитар, услышавший это, удивился и хотел что-то спросить у нее, но Лиля поспешно вошла в подъезд и стала подниматься на пятый этаж, где находилась их квартира. Ноги плохо ее слушались, в ушах стоял мамин плач. Сердце застучало так громко, что, казалось, эхом отдавалось от каменных стен.

«Кто это сказал там, у подъезда? — в смятении подумал девочка. — Я не хотела говорить, что так ему и надо... Ведь это мой папа! И он умер... Почему я так радовалась, когда это случилось? Ведь я не хотела... честно-честно...»

Она уже плохо помнила, как поднялась на свою площадку: в голове стоял сильный шум, красные круги плыли перед глазами, а дыхание стало тяжелым и прерывистым. Даже не разувшись, подошла к зеркалу.

На нее смотрела старая женщина с седыми волосами и блестящими от возбуждения глазами, а сзади отражалась стоящая на журнальном столике фотография бабушки. Фотография все

эти годы лежала у мамы в бельевом шкафу, Лиля о ней даже забыла, и сегодня ее зачем-то извлекли оттуда. В зеркале и на фото было одно лицо. И оно вдруг поплыло, смазалось, а потом исчезло совсем, замененное густым туманом...

Лиля глубоко вздохнула, села на полу и открыла глаза. Она находилась перед шкафом-стенли и потирала гудевшие непривычной тяжестью виски. Из зеркала на нее смотрела прежняя забияка и затейница. Рыжеватые волосы, веснушки на носу, задорный взгляд... правда, появилась в нем какая-то грустинка... Неожиданно в ее памяти стали всплывать странные картинки: седые, плохо поддающиеся расческе волосы, сожженные химией, мешки под глазами, говорящие о больных почках... Бр-р! Откуда приходят такие мысли? Как здорово снова быть маленькой!

«Не хочу становиться взрослой. У них неинтересная жизнь, — решила девочка. — А еще спина болит и сердце колет...»... Ох, какой же противный ей приснился сон! И папа с мамой там разводились... Вдруг перед ее глазами мелькнуло окровавленное тело с вывернутой головой и синеватыми пятнами на щеках, лежащее на тротуаре... Девочка вздрогнула от испуга и подбежала к окну.

Во дворе все было спокойно, возле подъезда не стояло никаких машин. Три пенсионера стучали в домино на самодельном столике, в песочнице, как обычно, играла Зинка. А на асфальте, под самыми окнами, были нарисованы мелом контуры человеческого тела...

«Изверг!» — мелькнула в голове чья-то мысль и исчезла, растворившись в детском непонимании и страхе.

Дед Мороз в задумчивости потер свои усы. Может быть, он перегнул палку, когда решил подшутить над просьбой девочки? Были же возможности все устроить помягче, поделикатнее... Он вздохнул, немножко сожалел о сделанном, но повернул голову к телевизору и махнул рукой: пусть все остается,

---

как вышло. Новости закончились, и начинался очередной сериал...

Жаль, конечно, но здесь, на северной даче, где Дед проводил лето, антенна ловила только один канал – НТВ...

ИГОРЬ МАРАНИН. СТЕПАНЫЧ, ВЕРКА И МУРЗАВЧИК

Снег неспешно падал Степанычу на лицо и не таял. Он сидел прямо на земле, в изрядно помятом костюме, свесив костлявые ноги в разрытую могилу. На лбу мертвеца местами слезла кожа, обнажив череп, и чтобы прикрыть непотребство, пришлось зачесать остатки волос на лицо. Рядом сидела Верка, с холодным любопытством изучая крупную снежинку на ладони. Она даже лизнула её, но вкуса не почувствовала.

– Зря ты меня разрыл, – равнодушно произнесла женщина. – Куда я с такой мордой пойду?

– Никто не заметит, – пообещал Степаныч. – Мы только туда и обратно. И вообще, Вер, ты сейчас лучше, чем при жизни выглядишь.

Покойная зло посмотрела на соседа:

– Сволочь ты, Лёнька! Чтоб на твоей могиле одна спорынья росла! Не пойду я с тобой никуда.

– Прости, дурня! – нежданный гость сообразил, что сморозил глупость. – Смотри красота вокруг какая: снег, зима, кладбище. В городе оливье готовят да ёлочные игрушки с антресолей достают. Пойдём, а? Туда и обратно. Мне без тебя никак – отвлечь гостей нужно.

Неожиданно покойной захотелось посмотреть на себя в зеркальце: а вдруг и правда не так уж она подурнела, лёжа в могиле? Но зеркальца при себе не было. Её похоронили очень скромно – в дешёвом платье, купленном сестрой в секонд-хенде, в старых туфлях. Даже поминок и тех родная холодная душа не устроила. Только грузчики в магазине взяли на троих бутылку и, не чокаясь, помянули безвременно усопшую продав-

щипу. Воспоминания промелькнули и царапнули, но не особо больно — так, слегка, но смертная дрёма окончательно спала с лица, растаяв вместо снега.

— Бросил бы ты свою затею, — поднимаясь на ноги, произнесла свежевывырытая покойница. — Как мы по городу пойдём?

— Я всё продумал! — откликнулся Степаныч. — Женьку Никитина с восьмого участка знаешь? Не знаешь?! Двадцать лет Кашея Бессмертного в детском театре играл, так на сцене и помер. Дотерпел, пока достанут из яйца иглу и рухнул замертво на суфлёрскую будку. Ну да я не о том! За его квартиру родня судится, а потому та под арестом. А у него там костюмы Деда Мороза и Снегурочки остались и профессиональный набор гримёра. Смекаешь? Переоденемся, загримируемся и никто нас, покойников, не узнает.

По соседству с могилой зашевелился снежный холмик и оттуда выползло отталкивающее существо с облезлым туловищем и головой, проломленной садовой лопатой. След от удара заканчивался пустой вытекшей глазницей.

— Привет, Мурзавчик, — поздоровался Степаныч.

— Мяв, — хрипло ответило чудовище.

— Бывший бездомный кот, — пояснил покойник Верке. — Бомжевал с таким же бездомным стариком, пока один садовод животине башку не раскрыл. Дружок-бомж и прикопал его здесь. Идешь с нами в город, животное?

— Мяв, — неопределённо ответил кот и, отыскав на лапе место, где ещё сохранилась шерсть, принялся её вылизывать. Представив двух покойников, шагающих по улице в сопровождении мёртвого кота, Верка беззвучно захохотала. Снег падал ей в открытый рот и не таял уже там.

— И как мы до квартиры Никитина доберемся? — спросила она. Чувствуя, как в том месте, где у человека должна находиться душа, что-то зачесалось и ледяное безразличие пошло трещинками.

— А я такси заказал.

– Такси? – изумилась Верка. Позабывшее слово показалось мертвой продавщице сладким как шоколадка, а желание посмотреть в зеркало стало нестерпимым. – А чем рассчитываться будем?

– Неподалёку от моей могилки блатные участки начинаются – ну ты знаешь. На днях там застреленного барыгу похоронили, депутата местного. Часы, перстни, айфон – всё при нем, братва пачки денег прямо в гроб бросала. А сам гроб двойной, из нержавеющей сплава – для жены место оставлено, когда помрет. Вот я и попросил разрешения позвонить да тысячу на такси.

– И он дал денег?

На этот вопрос Степаныч отвечать не захотел, только плечами пожал: понимай, мол, как знаешь. Ему было стыдно. Застреленный барыга оставался деловым человеком даже после смерти. Выслушав просителя, заявил: «Любовница моя ещё молода, пока помрёт – кладбище ого-го как разрастётся! Похоронят девочку на окраине, ходить далеко. Поэтому денег я тебе дам, но с одним условием: как только её закопают – поменяешься могилами». – «А надписи на крестах? А фотографии?» – изумился Степаныч. «Да пусть остаются, – отмахнулся барыга. – Для конспирации».

В ожидании пассажиров Айнабуллы Мирзамакетович припарковался у высоких кладбищенских ворот. Гнать машину в ноягодний вечер за город не хотелось, но как не поедешь, когда со всех сторон напозаает на тебя новый век, будь он неладен! Верно говорят старики: Интернет шайтан придумал, а спутники над Зёмлей – колесницы дэвов. Вот и по телевизору недавно передача шла о том, что Земля на самом деле плоская. Старики смотрели, слушали и кивали бородами: настоящих учёных называют, правду говорят. До всех этих уберов таксист кем был? Вольной птицей! Сам пассажира находил, сам цену назначал, сам торговался. «Бомбила» – вот как уважительно называли таксиста люди. А теперь он кто? Бессловесное приложение к ба-

ранке. Старики вздыхают, а молодые говорят: дальше хуже будет. Шайтан уже придумал машины без водителей и скоро на каждого человека придётся по три-четыре такси. Задумавшись, бывший бомбила не заметил, как подошли пассажиры. Опомнился лишь от хлопка дверцей и требовательного «Мя-я-яв!».

— С котами машина нельзя! — грозно произнёс таксист, обращившись к пассажирам. Не то чтобы Айнабуллы Мирзамакетович не переносил кошек, но шанс содрать лишние деньги упускать было нельзя и в его голове мгновенно родились убедительные доводы: «Кто чистить салон будет, если кот нагадит? Райские гурии, да? Они не для этого в рай отправлены. Знаешь, дорогой, сколько чистка салона стоит? Ой-ёй какие деньги!». «А шерсть? Ты подумал про шерсть, уважаемый? Пассажир расплатился, вышел, а шерсть осталась. Шерсть на сиденье лежит, а я большой человек вожу. Командировочный из аэропорта вожу. Москвич, хороший костюм носит, сядет после кота — весь костюм в шерсти». «А если твой домашний животный когти выпустит и меня с перепуга за шею цапнет? Скорость моя — шестьдесят, по встрече машина несётся девяносто, нарушает — кто из нас жив останется? Только кот и останется, а мы все погибнем — я погибну, ты погибнешь, жена твоя, красавица, погибнет». Но ничего этого Айнабуллы Мирзамакетович не сказал — слова застряли у него в горле. С заднего сиденья на таксиста смотрели мертвый мужчина, мертвая женщина и одноглазый мертвый кот.

— Тысяча рублей, — предложил мужчина.

Водитель машинально кивнул.

— И поверните ко мне зеркало, — потребовала женщина.

Шофёр послушно повернул зеркало, взялся за рычаг переключения скоростей и тронул сцепление.

— Второй урожайный переулочек, за районным советом направо.

— У вас там встреча? — деревянным голосом поинтересовался таксист. Сработала старая привычка разговаривать с пассажирами в любых обстоятельствах.

– Ага, – оскалив зубы, жутко захохотал мертвец. – С избирателями. Рули давай, не отвлекайся.

Всю дорогу Айнабуллы Мирзамакетович думал, что высадив пассажиров, вдавит ботинок в пол и умчится с такой скоростью, с какой дэвы не летают на своих спутниках. Но оставшись один, откинулся в кресле и закрыл глаза, сжимая в руках тысячу. Тысяча была настоящей. Мертвецы тоже. На заднем сиденье лежала горстка посеревшей шерсти, оставленной одноглазым котом. Это было совершенно невероятно, а главное, абсолютно бессмысленно. Зачем мертвецам понадобилось заказывать машину с помощью приложения к айфону?!

– Шеф, свободен? – подбежал к нему прохожий. – Подбрось до метро!

– Не поеду, – замогильным голосом ответил таксист.

– В гости опаздываю, – принялся уговаривать прохожий. – Тут всего десять минут ехать-то.

– Слушай, – взорвался Айнабуллы Мирзамакетович, – ты русский язык понимаешь или мама твоя Африка?! Убер звони! Яндекс-такси звони! Нет больше бомбила – они теперь покойников возят с того света на этот!

Едва проникнув в опечатанную квартиру, мертвецы немедленно получили доказательство того, что находятся в Доме актеров: за стеной дребезжащий женский голос громко репетировал предстоящее выступление.

– Я ехала домо-о-ой, – выводила женщина древний романс таким же древним голосом, – душа была полн-а-а-а-а. Неясным для само-о-ой, каки-и-и-им-то новым сча-а-а-астьем.

Степаныч, за последние годы привыкший к тишине и благолепию, невольно поморщился остатками кожи на щеках:

– Ей лет сто, не меньше, а она всё едет и поёт

Пока он рылся в шкафу, вытаскивая из объёмного чрева одеяния Деда Мороза и Снегурочки, пение всё продолжалось и продолжалось. Актриса и в лучшие свои времена безбожно фальшивила в нотах, а теперь и вовсе никак не могла приехать

к финишу — ей самой не нравилось исполнение первого куплета, и она его перепевала то так, то эдак.

— Ты скоро там? — передёрнула худыми плечами Верка, разбираясь с баночками грима перед огромным зеркалом.

— Кушак с мешком не могу найти.

— Я ехала домо-о-ой, — по-новой завели за стеной.

— О-о-о-о-о.... — хором воскликнули ходоки с кладбища.

Один Мурзавчик остался равнодушен к звукоизвлечению престарелой актрисы. В прежней жизни кот слушал рассказы бездомного друга про тёплые батареи, сытую жизнь и полные еды холодильники. Теперь всё это было ни к чему, но образ шкафа, полного еды, крепко запал в его впечатлительную к съестному душу. Увы, в актёрской квартире шкаф оказался пуст. С неудовольствием отметив этот факт, кот забрался на гримировальный стол и стал следить, как Верка исследует глиттер-гели для лица, тела и волос, имитационный воск, шайбы с разноцветными тонами и красками, гримировальные карандаши, наборы кисточек и прочие атрибуты актерского перевоплощения.

— У него даже искусственная кровь есть, — сообщила Верка коту.

— Я ехала домо-о-ой....

— Мурзавчик! — не выдержал Степаныч. — Сгоняй к этой долбаной певичке, наведи жути!

— Не окочурилась бы, — предостерегла подруга. — Сколько ей? Девяносто? Больше?

— Бес её знает! Она ещё в моем детстве старух играла, — Степаныч осторожно выглянул в коридор. Тот был пуст, и мертвец вышел, требовательно оттарабанил костяшками пальцев о соседскую дверь и торопливо вернулся обратно, пропустив в коридор кота. Взъерошив шерсть на исхудавшем тельце и оскалив раскрытую лопатой морду, Мурзавчик с хищным видом прошествовал к двери певицы.

— Сейчас старуха как заорёт от страха! — не удержался от ехидной реплики Степаныч и, приложив палец к губам, прислушался. Шоркая тапками о пол, актриса подошла к двери,

---

повернула со скрежетом ключ в ржавом замке и замерла на пороге. Незваные гости в соседнем помещении затаились в ожидании спектакля.

— Ой! — донесся до них голос старухи. — Какой милый котик! Иди ко мне, красавчик.

— Она еще и слепая, — простонал Степаныч и вздрогнул от неожиданности: вместо соседки от ужаса истошно заверещал Мурзавчик.

— И ненакрашенная пока, — сделала вывод Верка.

— Убежал... — огорченно произнесла в коридоре актриса и с какой-то новой тоской в голосе запела: — Я ехала домо-о-ой, душа была полн-а-а-а....

Дед Мороз вышел как настоящий: шуба, валенки, рукавицы и ватная борода спрятали Степаныча лучше любого фокусника. Верка же и вовсе стала красавицей.

— Ты как и не помирала вовсе! — восхитился её спутник.

— Мешок чем-нибудь набей, — посоветовала Снегурочка. — Без мешка какой Дед Мороз?

— На помойке набьём. А то придут на могилку к Никитину родственники, нажалуются, а мне с ним на одном кладбище аж до Страшного суда лежать.

Спустя десять минут во дворе Дома актеров прохожие с удивлением наблюдали, как странный Дед-бомж-Морож, окунувшись по пояс в мусорный бак, набивал выброшенными вещами мешок для подарков.

Центр оглушил загримированных мертвецов предпраздничной колобродицей: здесь было много огней, много рекламы, много искусственных ёлок и мишуры в витринах.

— Едрит твою, комариная плешь! — ворчал фальшивый Дед Мороз, крутя приклеенной бородой из стороны в сторону. Вся эта суета казалась ему никчемной тратой краткого, словно взмах ресниц, живого бытия. Ведь едва оно закончится, как сутное облетит пожелтевшими иголками, оставив только голый

ствол да тоненькие веточки, которыми человек будет держаться за собственное прошлое на ветру небытия. При жизни Степаныч был фотографом и не без основания полагал, что оставил в истории города заметный след. Лет через сто, думал он, потомки помянут автора добрым словом за виды улочек, площадей и переулков и, может быть, какой-нибудь будущий краевед даже напишет о нем книгу. Жаль только смерть вышла совсем не героической. Погиб он, правда, с фотокамерой в руках, но не от болезней или бандитских пуль: на последнем кадре, сделанном Степанычем, запечатлелись оранжево-багровые листья городской набережной, витые чугунные ножки скамейки и опрокинутая в закат бутылка палёной водки... Теперь, держа тонкими веточками за своё прошлое, фотограф думал только об одном: среди снимков домашнего архива остались такие, которые могли сильно подпортить его репутацию. Ведь рано или поздно кто-нибудь попросит у вдовы разрешения ознакомиться с фотоархивом, а ещё хуже, если сама вдова начнет просматривать километры файлов, где каких только кадров нет... Не только дома и улочки снимал городской фотограф Степаныч, ох, не только.

— С Новым годом! С новым счастьем! — от шумной компании идущих по улице студентов отделился юноша и подлетел к Снегурочке: — Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

От неожиданности та действительно остановилась.

— Красавица, поцелуй меня на счастье! — попросил прохожий. В глазах его плясали смешливые чёртики.

— Ты уверен? — сардонически произнесла Верка.

В ответ незнакомец попытался приобнять её, но тут из-под шубы высунулась голова Мурзавчика. Кот зыркнул кляксой-глазницей, вывалил из рта дырявый язык и лизнул им щёку незнакомца. После чего студент с перекошенным от ужаса лицом шахрахнулся в сторону, поскользнулся и полетел вверх тормашками на заснеженную мостовую. Так и не поцеловав прекрасное, но мёртвое мгновение.

Вдова Степаныча Софья Антоновна тяжело привыкала к одиночеству. Зимой она привечала племянников — двух оболтусов, которым перевалило за тридцать, а они всё ещё бегали наперегонки за юбками и не спешили обзавестись семьями. Будучи воспитанной в строгих правилах, тётушка такое поведение не одобряла, но племянников всё равно любила. Тёплую половину года она проводила на даче, благо муж оставил кирпичный домик с открытой верандой и большой сад. Было так сладко сидеть с электрическим самоваром на веранде и вспоминать, как жужжал триммер в руках мужа, выкашивая подростную траву! О мужчинах Софья Андреевна не думала, пока этим летом за ней не стал настойчиво ухаживать свежеиспеченный пенсионер с редким по нынешним временам именем Даниил. Женщиной она была практичной и ухаживаний не пресекала. Даже согласилась вместе отпраздновать Новый год, предупредив, что к ней забегут с поздравлениями племянники. За четыре часа до боя курантов они действительно заявили к тётушке с коробкой сладостей, двумя бутылками импортного шампанского и дорогим подарком.

— С ума сошли! — замахала руками Софья Андреевна, увидев новенький смартфон. Но в душе была довольна и даже несколько красовалась перед кавалером. Неожиданный визит Деда Мороза явился для нее «продолжением банкета», устроенного племянниками.

План Степаныча был прост: пока Снегурочка отвлекает жену и гостей, он проскользнёт в спальню, достанет с антресолей платяного шкафа кофр со старыми фотопленками, сунет в мешок, вернётся пожелать хозяйке счастливого Нового года и с лёгкой душой отправится обратно на кладбище. Мурзавчика он взял из ревности к новому кавалеру: в своё последнее посещение могилки Софья Антоновна призналась, что решила откликнуться на настойчивые ухаживания. Коту вменялось хорошенько нашкодничать, но попасться на глаза только жениху вдовы. Кавалер либо до смерти перепугается, предполагал ревнивый покойник, либо расскажет о мертвом кошке Софье Антоновне, после

чего бесповоротно падет в глазах этой трезвомыслящей женщины. Но как это обычно бывает, события пошли по иному сценарию. Не успел Дед Мороз отлучиться якобы в туалет, как Софья Антоновна, морщась от внимания племянников к Снегурочке, попросила принести ей морса из холодильника. В отличие от великовозрастных балбесов, она видела, сколько косметики понадобилось этой далеко не юной (как предполагала вдова) особе, чтобы выглядеть привлекательно. На просьбу хозяйки откликнулся Даниил и отправился на кухню, довольно ухмыляясь. Нет, не зря он потратил столько времени, ухаживая за вдовой: дело, кажется, ладилось! Замечательная у неё квартира: четыре комнаты, три лоджии. И кирпичный домик в садовом обществе с вишнёвым садом и двумя огромными теплицами. Но сладость мыслей оказалась жестоко нарушена видом разгромленной кухни: по всему полу в беспорядке были разбросаны продукты из холодильника — разбитые яйца, раздавленный сыр, разорванные в клочья сосиски и пожеванная колбаса. Вакханалию завершал омерзительного вида кот. Внезапно мужчина узнал его: это мерзкое животное он собственноручно пришиб по весне, застав в недостроенной бане вместе с зимовавшим там бомжом.

— Я ж тебя убил... — испуганно прошептал садовод и, развернувшись, бросился вон из кухни.

— Мяв! — окрысился Мурзавчик. Он тоже узнал убийцу и прыгнул так стремительно, как никогда не делал это при жизни.

В следующий момент Даниил заорал от боли и ужаса одновременно: мелкое злобное чудовище вцепилось когтями в плечи. Новая рубашка моментально намочка: из-под впившихся в плоть цепких когтей хлынула кровь — живая и теплая. Казалось, сама смерть взгромоздилась Даниилу на загривок, но ушлый аферист все-таки извернулся и сшиб Мурзавчика со спины ударом о кирпичную стену. После чего подхватил мешок Деда Мороза (единственное, что попало под руку) и швырнул в кота. Завязка на мешке порвалась и на дорогой импортный ламинат посыпались подарки — пустые консервные банки, банановая

кожура, пара порванных детских ботинок, селечные скелеты, колбасные огрызки... Выскочив на шум, вдова пришла в ужас. Она стояла, открывая и закрывая рот, и не могла произнести ни звука, только её полные щеки гневно тряслись да руки несколько раз поднялись к потолку и тут же опустились обратно. Даниил прошмыгнул мимо, влетел в гостиную, запнулся, свалился на пол, борясь с догнавшим врага котом, завизжал, словно свинья, в горло которой воткнулся нож, но всё же снова сумел отодрать обезумевшее животное. Мурзавчик полетел в угол, где стояла с тщанием и любовью наряженная ёлка, опрокинул её и запутался в гирляндах. Пока кот выбирался из неожиданной западни, окровавленный садовод выскочил в коридор и заперся в ванной.

Только после этого Софья Антоновна заново обрела дар речи.

— Что здесь творится? — пропищала она непривычно тонким, почти комариным голоском. — Где Дед Мороз?

В суматохе хозяйка даже не поняла, что кот неживой, и собралась спросить за весь этот бардак с руководителя мероприятия. Но того не было ни в гостиной, ни на кухне, ни в туалете. Страшная мысль промелькнула в голове у вдовы и, направившись в спальню, она обнаружила бородатого пройдоху, суетливо рывшегося в шкаф. В тот же миг с Софьей Антоновной произошла разительная перемена: она мгновенно забыла про мамеево побоище на кухне, кота, ухажера, племянников.

— Во-о-он! — окончательно вернувшимся голосом взревела вдова. — Хочешь на Леонида Степаныча компромат найти, журналюга проклятый?! На х... пошёл!

Дед Мороз выпрямился и с изумлением уставился на жену. Они прожили двадцать лет, и он ни разу не слышал от неё ругательства сильнее, чем «чёрт побери». После которого Софья Антоновна заливалась краской и добавляла: «извините, вырвалось». Если бы мёртвые плакали, усопший муж непременно бы прослезился. Но слёз у покойника не было, поэтому он просто вышел вон, прихватив по дороге кота и Снегурочку.

Спустившись по лестнице, потрясенный Степаныч замер на мгновение, не зная, что делать, а потом зашагал куда глаза глядят. Перед его мёртвыми глазами стояла разъяренная супруга, защищавшая доброе имя мужа. Совершенно некстати вспомнился депутат, отжавший могилу за телефонный звонок и тысячу рублей.

— Хрен тебе! — завопил на всю улицу фотограф и сунул под нос прохожему скрученную из облезлых пальцев фигу. — Чтобы мои потомки ходили на могилу какой-то проשמандовки?

Прохожий в ужасе шарахнулся в сторону.

Верка ничего этого не заметила. Она послушно семенила за своим спутником в длинной красной шубе и вспоминала восхищенные взгляды племянников Софьи Антоновны. Вспоминала и чувствовала тепло внутри собственного тела. Это было восхитительно: чувствовать тепло, когда ты давно умер. Мурзавчик вылез из-под её шубы, шлепнулся на костлявые мослы и зашагал по заснеженному тротуару, не желая больше прятаться и молчать. Он шёл и громко орал, сообщая миру, что теперь видел всё. И когда большой человеческий Бог призовет кота на суд, Мурзавчику будет что рассказать о голодной бездомной жизни и шкафах, полных еды.

АНАСТАСИЯ ПУШКОВА. ШУТКА

Проснуться от того, что тебя душит змея — такое себе пробуждение. Змея — это еще ничего, но понять, что спишь в душе — хуже не придумаешь. Все тело зудит. Ругаясь, выбираюсь из ванной. Змея стелется следом, путается под ногами, будто ласкаясь..

Сажусь на кровать. Пружинная, старая, скрипучая ужасно. Сжимаю лоб. Память как решето. Помню только, что прибыл в командировку в этот богом забытый городишко. Неприятности начались еще на станции. Какой-то рыжий тип налетел сзади, так, что все содержимое моей сумки, включая документы, рассыпалось по земле. Положенных извинений я так

и не услышал, тот парень явно был навеселе, несло как от винного погреба.

Гостиницы в указанном на карте месте не оказалось, а оказалась гроза. Страшный ливень загнал меня в парадную обветшалого трехэтажного дома, похожего на барак. Подкупила надпись «Общий дом». Чем не общежитие. Не гостиница, но сойдет. Переговоры только завтра, а сегодня остро стоял вопрос ночевки и ужина.

Открыла мрачная вахтерша — одноглазая бабка с метлой. Впустили без вопросов, даже про деньги не спросили, только слишком долго уж она изучала мой паспорт, вертела и так и этак, сверлила одним глазом, сверяла, качая головой. Видно, чтобы я не сбежал не заплатив, паспорт оставила у себя, оформить там что-то. На возражения у меня по-правде сказать и сил осталось. Все завтра, а сегодня крыша над головой и комната, пусть не роскошная — кровать, стул с высокой резной спинкой — вот бутафория — и неработающий холодильник. Зато пузатая буржуйка коптила так, что хоть топор вешай. Он и висел на стене слева от входа — старинный, только в музее увидишь. Кажется в этом «Общем доме» о понятии обогрвателей не слышали.

Я был насквозь промокший, хотелось в теплый душ, но стоило только заикнуться о воде, вахтерша посмотрела на меня как на безумного.

— И чего на него нашло, отродясь такого не было, омыться ему?

Спорить не решился, ведь до сих пор ни за какие удобства мной так и не было плачено.

Наверное простуду я все же подхватил так, что бредовые видения вцепились в меня еще в холле общаги. Помню варана в террариуме. Вахтерша назвала его Гинунгой. Зверюга уставилась на меня будто узнала, а за спиной услышал невежливое: «Явился, прохиндей, мог бы и вообще не возвращаться».

«И не вернулся, а только что прибыл», — но спорить не стал, как и оглядываться. Ну не варан же это выдал, наверное все же у бабки голос осип.

Всю ночь под окнами кто-то выл, полная луна разогнала тучи и мешала заснуть до утра. И все казалось, что кто-то наблюдает с карниза по ту сторону. Хотя нет, бред, меня поселили на третьем этаже. И все же проворочавшись на скрипучей кровати, ретировался в ванную, там как-то уютнее. Не то, чтобы я боялся, но...

На утро реальность оказалась куда суровее.

С утра без стука в дверь вломилась бабуля-вахтерша.

— Завтрак, — демонстрирует поднос, укрытый белым полотенцем. Хрустящее, а под ним еще теплый, черный как уголь хлеб, сыр, зелень, и даже кружка с чем-то, напоминающим очень забористый квас.

«А кофе не найдется?» — только хотел спросить, как вперед вахтерши протискивается рослая черноволосая девица лет четырнадцати и бросается на шею, рыдая в три ручья с криком: «Папа!»

— Э... — только это бессвязное бормотание и удалось выдавить из себя, а на меня уже лились потоки слез и слов.

— Это Хелла, я Хелла, узнаешь меня? Это я, ты ведь не мог забыть, ты не ел ничего странного на севере?

«Да я вообще-то на север приехал из Москвы», — невпопад думаю, на большее не хватает. Хотя периодически у меня завязывались отношения с женщинами, но до столь серьезного вопроса как брак дело ни разу еще не доходило. Что уж говорить про детей!

Отрыдаввшись, девица отстраняется и с подозрением смотрит на принесенную еду.

— С травами? — все еще всхлипывает.

— С травами, с травами, — заверяет бабуля, успокаивает девушку и выпроваживает ее в коридор. В комнате после прихода девицы становится как-то слишком холодно.

— Пей, родной, вон как на севере накрыло, даже родную кровинку не узнаешь.

Машинально выпиваю всю кружку до дна. Вахтерша сверлит взглядом. Так же на автомате съедаю всю принесенную еду.

Невкусно, но и не отвратно. Только убедившись, что на подносе не осталось и крошки, бабуля расплывается в улыбке.

— Ох пострел, вечно все беды из-за тебя. Думала дорогу домой и не найдешь, а что если бы воды небесной наглотался, совсем бы весь жар растерял.

В ответ смачно чихаю. Как раз таки все тело так и горело.

— Кажется, у меня и правда температура.

— Ну это мы сейчас поправим, растопим так, что огню внутри жарко станет как у Сурта.

Делаю попытку поднялся и проямлил что-то насчет переговоров.

Но руки одноглазой старухи оказались на удивление сильными. Меня снова укладывают в постель.

— Мне бы позвонить, меня ждут.

— Ждут-ждут, вся семья на ушах стоит, ничего, к вечеру будешь бегать не хуже моих козлов.

Пришлось смириться. А полешки так и летают в печь, буржуйка проглатывает их один за другим, мерещится, что это не печь, а огромный варан, тот, что в холле или нет — не разобрать. Бред он и есть бред. Ладно, как полегчает, встану, заплачу вдвойне, раз уж такое дело, и надо идти. Переговоры. От зевка чуть челюсть не ломается. Трещит. Трещат поленья в печи. О чем-то шепчутся бабуля с девицей в коридоре. Не разобрать, слышно лишь, что девица о чем-то слезно умоляет вахтершу. Та сначала отказывается, но потом соглашается.

— Ладно уж, если до вечера не очнется, так и порешим.

Мне бы свалить отсюда, но сил как-то нет, да и где это «сюда», я толком не помню, какой-то пустырь, конечная какого-то автобуса. И что за городишко?

Открываю глаза. Прямоугольник окна теперь куда темнее.

Принимаю вертикальное положение. В голове все еще туман, но ноги хотя бы держат, пусть и дрожат как у чумного пса. Словно в ответ со двора слышится низкий веселый собачий лай, будто огромный волкодав резвится с мячиком. На цыпочках ковыляю к стулу, где аккуратно развешана одежда. Пахнет от нее

теми же травами, выглаженная и чистая. Сумка тут же — с деньгами. Расслабляюсь. Но паспорта нет. Вздыхаю. Кажется, уйти оставив деньги на столе не выйдет. Придется спускаться к вахтерше, а там наверняка снова эта девица. Да еще здоровенный пес охраняет двор. Вот так попал.

Одевшись, выползаю в коридор по стеночке. Длинный как в больнице, с деревянными некрашеными стенами. Ряды одинаковых дверей по сторонам. Из некоторых слышатся гортанные голоса и грубый смех. Похоже все же общага для рабочих. За одной из дверей раздается истошный визг, будто курицу ощипывают заживо. Шарахаюсь. Скатываюсь по лестнице. Варан следит за мной. И одноглазая старуха впивается глазом, стоя на пороге. За ним ясный день и «волкодав».

— Кто таков? — строго вопрошает и делает кому-то на знак рукой за спиной.

— Эээ... Лука.

— А дальше?

— Что? — не понимаю.

— Чьих будешь?

«Что значит чьих?»

— Одинцов.

Старуха закатывает глаза и сокрушенно качает головой.

— Не исцелился, ох и беда.

— Простите, вот деньги, — протягиваю купюры, которых хватило бы на две ночи в трехзвездочном отеле, — мне бы паспорт и я пойду.

— Хелла, здесь я бессильна. Передаю его в твои нежные руки.

— Э... — снова мямлю я, — Хелла тоже здесь?

— Собаку дрессирует, — вахтерша безнадежно кивает на дверь. Выглядываю за порог, Хелла сидит на ступеньках и кормит огромного лохматого пса, похожего на волка. Пес замечает меня. Не то, чтобы я боялся собак, но когда нечто с массой больше, чем у меня и ростом по грудь бросается, валит на землю и принимается облизывать с головы до ног...

— Папа, — Хелла с трудом оттаскивает пса и склоняется надо мной. Я весь в слюне, — это Харм, его то ты помнишь? — спрашивает с надеждой.

Смотрю на перевернутое небо, погода снова начинает портиться как и моя память. Кажется мне нужно вернуть паспорт или вернуться в комнату и лечь в постель?

Пес скулит рядом. Обижается?

— Прогуляемся, папа? — Хелла протягивает руку.

— Кажется снова будет гроза.

— Дождя не будет, будет снег, — Хелла отвечает уверенно, будто знает наверняка.

Медленно идем вокруг барака. Кругом пустырь. За пустырем заборы и огороды. Дорогу размыло. Где-то за лесом слышны звуки автомобилей, а может не они.

— Неужели ты и правда все забыл, папа? А как же твой огонь? А как же маски?

— Э...

— Хоть что-то ты можешь?

— Могу фокусы, — вдруг вспоминаю и демонстрирую ей финты с кольцом за ушком. Хелла хлопает в ладоши, но потом снова грустит. Жаль разочаровывать девушку. Она искренне верит, что я ее отец.

— Это просто замечательно, значит еще не все потеряно, — она сжимает мои ладони, — я обязательно помогу тебе вспомнить, папа.

Барак на пустыре окружают низкие черные тучи. Пахнет снегом, хотя еще даже не конец октября. Спустя минуту начинается настоящая метель. Хелла замирает, останавливается, вдыхается в белую муть. Я тоже вижу огромный несуразный силуэт, взбирающийся на холм.

— Снер, что б тебя... — шепчет Хелла и меняется в лице, берет меня за руку и мы бежим обратно. Харм рычит на незнакомца, девушка заталкивает ничего не понимающего меня внутрь вместе с собакой, и следом в дверь за нами ударяет что-то огромное. Вахтерша негодует, что пустили собаку. Пес отряхива-

ется, летят в разные стороны снежные хлопья, сыпятся искры из вспыхнувшей розетки.

Хелла остается помогать тушить маленький пожар, Харм стережет дверь. Я возвращаюсь в комнату. Змея заняла всю кровать и стала раза в два больше. Не ложиться же спать с гадом. Сажусь на подоконнике с новой кружкой кваса в руках. За окном все еще бушует метель и кто-то орет, выкрикивая мое имя и кляня на чем свет стоит. По коридору топают множество ног, будто громилы решают устроить соревнования по бегу. Кого-то бросают на стену. Где-то бьют посуду. А я сижу и не решаюсь даже высунуть голову в коридор. Все, последняя кружка, завтра забираю паспорт, даю тройную оплату и сваливаю подальше.

Всю ночь на кровати шуршит змея, но кровать не скрипит, будто рептилия и не весит ничего. Не смею шевельнуться. На утро буря отступает. Едва забрезжил рассвет, оставляю на подоконнике весьма почтенную пачку денег, беру в обнимку сумку и выскальзываю в коридор. Старательно обхожу обломки стульев и разбитые глиняные кружки. Скрипят повисшие на одной петле двери. Молясь всем богам, чтобы не скрипнула половица, спускаюсь в холл. Вахтерша прикорнула на стуле перед дверью с метлой в обнимку, будто ждет встречи с тем, что может вломиться оттуда. Харма не видно, как и Хеллы. Вот это повезло. Помню, что паспорт мой утащили в коптерку, крадусь туда. Уже вижу нужный ящик. Уже почти...

И тут удача покидает меня.

Нога предательски ступает на скрипучую половицу. Да ладно бы, но та проваливается, из подпола веет могильной сыростью, кричу что есть сил, барахтаюсь, цепляюсь за край доски. Вахтерша спит мертвым сном. И все же срываюсь вниз.

Очнувшись, понимаю, что в подвале, весь усыпанный деревянными бляшками с рунами. Хелла рядом в странных одеждах, по другую сторону вывалив язык сидит Харм. Она что-то бормочет на незнакомом языке, пес нестройно подвывает. В полутьме кругами ползает змея, временами пересекая мое лицо холод-

---

ным скользким телом. Едва не выворачивает. Нос унюхал резкий запах. Бензин?

Меня поливают с ног до головы, старательно, чтобы не оставив даже сухого кусочка. Хелла зажигает длинную спичку и с сочувствием смотрит на меня.

— Прости, папа, но это единственный способ заставить тебя вспомнить. Ты ведь всегда любил огонь.

— Нет, я не... — хочу закричать, но в рот мне запихивают смоченный в бензине кляп.

«Вот так съездил в командировку в последний раз в жизни», — понимаю я и готовлюсь к неизбежному.

Спичка медленно приближается к моему лицу. Но в последний миг дверь в подвал распахивается и внутрь врывается вахтерша, тряся каким-то документом.

— Паспорт! — орет она. — Его паспорт! Не тот, совсем не он, я ошиблась детка, одна неправильная буква. Слепая я, одноглазая, совсем и ума выжила, не разглядела. Не он это, не он! — она тычем моим паспортом в лицо побледневшей Хеллы. Та снова готовится плакать.

Вахтерша помогает мне подняться, тщетно очищая от следов горячего, поливает водой из кувшина, но только делает хуже. Сует мне пачку денег, паспорт и сумку, снова извиняется, обещает благоденствие и мудрость, почем свет ругает какого-то обманщика и гнусного трикстера.

Вслед мне несутся сбивчивые рыдания Хеллы и рычание Харма, едва не вцепившегося мне в ногу. Только варан все так же сверлит меня взглядом, правда теперь в его взгляде еще больше презрения.

— Ну я пошел? — растерянно смотрю на пачку денег, решаю, не ошибка ли, а потом плюю на все и пошатываясь выбираюсь из Общего Дома. Оглядываясь, услышав за спиной шипение. Змея все так же греется на ярком осеннем солнышке, лежа на подоконнике. И вовсе не такая огромная как показалось. Услышав что-то за углом, прихожу в себя и припускаю вниз с пустыря. Кто-то другой взбирается навстречу, насвистывая пе-

сенку на незнакомом языке. Только когда человек прошел мимо, понимаю — тот самый рыжий пьяный парень, с которым столкнулся позавчера. Хотя, кажется, прошла вечность. Приходит осознание, что именно он причина всех моих несчастий.

— Ты! — ору, тыча в него пальцем.

— Я? — невинно ухмыляется тот, а потом хлопает по плечу. — Сочувствую, брат, ты уж прости за все, что пришлось пережить. Ну загулял немного с великанами на севере, не хотел возвращаться. Видел ты одноглазого старика, уж больно сердит, чего доброго бросит Гинунгагапу на съедение.

— Старика? Но там же старуха эта... — оборачиваюсь, и вижу вместо старого барака низкий и крепко сбитый добротный дом из светлого дерева. А рядом высится крепкое раскидистое дерево с седой корой. Ясень что ли?

— Да расслабься брат, шуток не понимаешь? — рыжий щелкает пальцами и меж ними пляшет искра. — Правда все в нашей семье с плохим чувством юмора.

— А ты? — моргаю, наваждение медленно уползает из памяти.

— Лауейсон, Локи, — церемонно отвечает тот. — Вижу ты в наших краях впервые. По делам или как?

— По делам, — машинально отвечаю. Трясет мою руку.

— Наши небось спать не давали? Пес не покусал?

— Не покусал, но та девица...

— Хелла? Ты ведь не сделал с ней ничего постыдного? А не то, — Локи заносит кулак, жмурюсь, а когда открываю глаза тот испаряется, нет ни дома на пустыре, ни дерева, ни полоза на подоконнике.

Подруливает, разворачиваясь на конечной, дряхлый, пытящий выхлопами автобус.

— Едешь? — кричит мне водитель. — Следующий только через два часа.

— А, да, конечно! — припускаю со всех ног. — До завода доедем?

— А то, только это на другом конце. Не туда завезли? Бывает, — водила смеется.

Оглядываюсь сквозь мутное окно на пустырь, тру глаза. А может не было ничего? Спohватившись, заглядываю в сумку. Договора на месте. Успокаиваюсь, но пальцы натываются на маленький прямоугольник бумаги на самом дне. Визитка?

Крупными аккуратными вензелями вперемешку с рунами выведено на ней: «Всяк путник привечаем, коль в крове нуждается аль в еде. Большой Дом открыт всем».

Вот такая командировочка.

БОРИС БОГДАНОВ. ВИКТОР ПАВЛОВСКИ, ЧУДОВИЩЕ

В тот самый момент, когда долгожданная формулировка, что ловил Виктор на дне сознания, решила, наконец, появиться на свет, руки Марии обвили его шею. Мысли, даже зачерпнутые драгой Таланта, существа неимоверно скользкие и вертлявые. Ухватив одну из них за хвост, держать надо крепко, не отвлекаясь на внешние помехи. А самый главный и самый вредный для мыслей раздражитель — конечно, женщины! Понятное дело, мысль ушла, канула, фраза рассыпалась на слова, смысл их размылся и пропал.

— Викто'р, Викто'р, — мурчала Мария кошкой, засыпав его лицо распущенными волосами. Длинные и чёрные, как безлунная ночь, они пахли апельсином. Сквозь кисею волос и прозрачную рубашку просвечивали наливные яблоки груди, матовый атлас кожи. Всю-всю Марию, начиная от точёных лодыжек и заканчивая тонкими ключицами, можно было рассмотреть сквозь тонкую ткань, было бы желание скосить глаза.

— Ты меня отвлекаешь, милая, — Виктор старался говорить ровно, хотя досада от испорченного предложения была сильна. Но женщины, особенно не прошедшие Раскрепощение, такие странные существа. Никогда не понятно, чего им нужно и что может их обидеть. Казалось бы, такая простая вещь, услышать: «Ты меня отвлекаешь» — это значит всего лишь — «отвлекаешь», и ничего больше, и уйти, и просто дать поработать?

— То же самое ты сказал мне вчера вечером. И вчера утром, и позавчера вечером, и вечером третьего дня! — с каждым словом тон её повышался, от низкого кошачьего урчания поднимаясь до высот базарного визга.

«Как это некстати, опять скандал на пустом месте». — Обреченно сняв руки с виртуальной клавиатуры, Виктор поднял глаза на жену.

— Ты подлец, Виктор Павловски, — кричала она, забыв про задуманное соблазнение и прозрачный пеньюар, сжав кулачки и потрясая руками. — Со времени твоего идиотского Раскрепощения ты ни разу на посмотрел на меня; как на женщину! Ты уже не видишь во мне женщину! Ты плюёшь на меня, ты...

Крик её внезапно перешёл в плач. «...Ты ...совсем ...не обращаешь ...на меня внимания», — угадывалось среди всхлипов и рыданий.

— Что ты, Мария, — встав, Виктор обнял жену за плечи, она сразу постаралась прижаться к его груди, — я очень тебя люблю. Я вижу и помню, что ты очень красивая женщина, но пойми меня правильно, — спина Марии, расслабленная и мягкая под его рукой, стала камень; Виктор, не замечая этого, продолжал оглаживать плечи жены, как поглаживал бы собаку или кошку. — Приняв Раскрепощение, я никак не могу делать то, что я делаю плохо, несовершенно. Это будет оскорблением и для тебя, и для моего Таланта. Пойми, я...

— Скотина! Вы все скоты, все, с Талантами. — Она оттолкнула его руки, стояла, зло насупившись и сверкая глазами. — Только о своих разлюбленных Талантах и помните, больше вам дела нет ни до чего. Кто-нибудь подумал о нас? Мы как вдовы при живых мужьях!

— Пройди Раскрепощение, выбери Талант. — Виктор смотрел на неё недоуменно: «Как можно не понимать таких элементарных вещей?» — День твой будет заполнен, в жизни появится смысл! Ты же занимаешься непонятно чем!

— Я смотреть на них не могу, на наших талантливых горожанок! Они стали как куклы, пустые неживые куклы с остановив-

---

шимися глазами! Марта только и делает, что возится с цветами, ничего не видит вокруг. Ты помнишь, какие они с Арнольдом устраивали раньше вечеринки? Как у них было весело, собирались полпосёлка, вместе пекли пироги, ели и пили, и пели песни! Прошло всего полгода, и что? Арнольд дни проводит у своих машин, Марта уткнулась носом в грядки, они даже не разговаривают!

— Не понимаю, чего тебе не нравится, люди занимаются делом, их мечта осуществилась...

— Их мечта?! — Мария в исступлении сорвала с себя рубашку, и начала комкать её в руках. — Я мечтала жить с тобой, и любить тебя, и рожать тебе детей! Вместо этого ты строчишь свои противные инструкции, и даже не глядишь на меня! Хочешь, чтобы я, как остальные кинутые жёны, пошла к пьянице Эдварду?

Бродяжка Эдвард оставался единственным в местечке «Старые Дворики» мужчиной, не прошедшим Раскрепощение. Никогда не требовавший от жизни ничего особенного, он вполне был доволен жизнью и без Таланта. Есть на бутылочку, нашлась немудрёная закуска — что еще нужно для счастья? В стоптанных ботинках, не знавших крема, в потёртом костюме, не чищенном никогда; может быть, ради этой одежды Эдвард ограбил чучело в чьём-то огороде. Всегда пьяненький, небритый, пахнувший старыми тряпками и перегаром, он бродил целыми днями по городу, бурча про себя что-то немзыкальное.

— Это будет глупо.

— Это всё, что мне остаётся! — Швырнув скомканную тряпку в Виктора, Мария развернулась и направилась в свою комнату на втором этаже. Её обнажённая фигурка, её поникшие плечи словно кричали, приглашая: «Догони, обними, согрей меня!». Виктор этого не заметил.

Как всякий, получивший Талант, он смотрел на жизнь как сквозь прицел. Много, очень много проходило мимо, но если что привлекало его внимание, то грызло и беспокоило ежечасно и ежеминутно. Например, талантливый мебельщик, увидав в незнакомом помещении пустой угол, не сможет успокоиться,

пока не придумает особенный шкаф, или трюмо, или этажерку, что сможет стоять в этом углу единственным, наиболее гармоничным образом. Талантливый юрист, заинтересовавшись неким казусом, будет крутить его мысленно, применяя все возможные, а нередко и невозможные способы, чтобы разрешить его так, как требуется заказчику. Талант Виктора Павловски состоял в написании Инструкций Раскрепощения. Один из немногих во всей стране талантливых инструкторов, уяснив задачу, он не мог уже думать о чем-то постороннем. Сейчас он чувствовал вину перед женой. Как ни дико это звучит, не все люди обладают Талантом, а значит, им нужно плотское. Оно для них важно, значит, это требует решения.

Расслабившись, он вернулся на свое рабочее место, подключился к информационной сети, отложил с сожалением и грустью текущую работу; и создал новый, пока ещё пустой раздел: «Виртуозный любовник». Информация из мировых хранилищ потекла в его сознание, чтобы, пройдя сквозь жестокие фильтры Таланта, лечь на бумагу императивными строчками Инструкции. Пальцы Виктора беззвучно летали над виртуальной клавиатурой, в глазах мелькали картинки, позы и страницы руководств. Поэтому он не видел, как за его спиной беззвучной тенью выскользнула куда-то из дома Мария.

— Господин Павловски? — Молодой негр в голофоне был взволнован и почему-то стеснён. — Я по объявлению. Меня зовут Артур. Я живу в соседнем городе и вот, роюсь в сети...

— Странно. То есть, я хотел сказать — замечательно...

— Я вижу, вас смущает моя внешность. — Более всего Артур напоминал олимпийского чемпиона по спринту, настолько он был красив и соразмерно сложен. Ослепительная белозубая улыбка на антрацитовом лице, великолепный кремовый костюм от талантливого портного. Мечта, а не мужчина! — На самом деле, ваше предложение — это спасения для меня. Надеюсь, я успел первым, и место добровольца еще не занято?

– Не занято... Считайте, что вы – единственный претендент, – отвечал Виктор, – но скажите, почему всё-таки...

– Я хорош собой. Я это понимаю, они это видят тем более. Они – это женщины. Видят и ожидают от меня чего-то невероятного. Я так боюсь опозориться, что бегу женщин как огня. Согласитесь, в моём возрасте и с моей внешностью записываться в монахи – не лучший выбор. Теперь понимаете, насколько мне важно ваше предложение?

– Да. Но помните, предлагаемый Талант – очень сильный. Вам трудно будет найти работу, вы...

– Не беда! Знали бы вы, – Артур мечтательно прикрыл глаза, – как много одиноких богатых женщин нуждается в мужском внимании! Я не пропаду.

– Как будет угодно. Собственно, не думайте, что я пытаюсь отговорить вас. Вы мне подходите, я сам заинтересован именно в таком, ммм... варианте. Массив с инструкцией я отправляю на ваш адрес. Одна только просьба: сразу после Раскрепощения – зайдите ко мне. Инструкция экспериментальная, мне нужно будет задать несколько вопросов.

– Нет проблем. Я буду.

– Господин Павловски?

– Виктор, просто Виктор. Проходите, Артур. Вживую вы еще эффективнее, чем в голо. Подозреваю, был бы женщиной – не устоял. Хорошо, что я мужчина.

– Не страшно, – Артур залиvisto рассмеялся, глядя на Виктора шальным глазом, – мужчинам тоже нужна любовь. Не желаете попробовать?

– Даже так? – Виктор был обескуражен. – Неужели я встал в Инструкцию и э т о?

– Вы настоящий мастер, Виктор, вы поместили туда всё и для всех, так что, если вам будет одиноко, и если...

– Нет, нет, Артур. Скажу вам по секрету, секс меня не интересует. Вам повезло, вернее сказать, так совпало, что ваш Талант – это и есть секс, иначе сразу после Раскрепощения вы

потеряли бы всякий к нему интерес. Никому из нас такого не нужно. Раньше я сказал бы, что Талант лишает нас подобного. На самом деле Талант даёт взамен невероятно много, а секс это такая мелочь, о которой не стоит даже говорить. Не поверите, когда я писал вашу Инструкцию, я получил гораздо больше, чем может дать любая женщина. Однако — к делу. Сами понимаете, кроме удовольствия, Инструкция — это большая работа, подготовка, бессонные ночи и заполненные трудом дни...

— Сколько? — Потом Артур заулыбался, вспоминая. — Точно! Сумма была в Инструкции. Меня устраивает.

— Для вас — скидка, пятьдесят процентов.

— Почему же? Я готов заплатить полную цену.

— Неважно. Кстати, позвольте представить мою супругу, Марию. Мария — это Артур, Артур — это Мария...

Какое-то время Виктор пытался следить за разговором, что завязался между Марией и Артуром. Настроенная по отношению к неожиданному гостю скептически, если не сказать враждебно, Мария потихоньку оттаяла, не в силах сопротивляться могучему обаянию Артура. Он был так внимателен, он так смотрел... Женщины понимают эти вещи гораздо лучше мужчин. Там, где мужчине требуется десяток слов, прекрасной половине достаточно одного взгляда или улыбки. Кончилось тем, что Мария пригласила его к себе в комнату, показать коллекцию вышивок. Такое приглашение — большая честь, в этом смысле Артур и выразился. Тихо беседуя, они отправились на второй этаж. Негромкий их диалог долетал до Виктора еще несколько минут, затем раздался счастливый женский смех. Потом наступила тишина.

«Получилось!» — удовлетворенно переведя дыхания, Виктор Павловски вернулся к прерванной работе.

Утреннего пробуждения супруги Виктор ждал с опаской. Мария спустилась вниз оживленной и весёлой. Чмокнув мужа в нос, она заявила:

— Ты чудовище, Виктор Павловски. Да, да, и не вздумай спорить. Только чудовищу придёт в голову познакомить жену с та-

---

ким опасным человеком. Я знаю, ты ничего не делаешь напрасно. Повторяю, ты чудовище, но ты чудо!

Мир вернулся в семью Павловски.

Мир пришёл во многие семьи «Старых Двориков». Прекратились нелепые ссоры, обиды позабытых жён и досады мужей, оторванных от любимой работы.

Мария Павловски ждала Артура по вечерам. Уже начиная с обеда она долго мылась, сооружала сложную причёску, неизбежно к ночи превращающуюся в распущенные русалочки пряди, и придумывала множество шуток, чтобы порадовать любownika. Виктор смотрел на эти приготовления удивлённо, но с обречённостью стойка. Зачем такие сложные предпосылки к такому, в сущности, простому действию? «Ты чудо, Виктор Павловски, — отвечала она, смеясь. — Ты чудо, но ты чудовище, тебе невдомёк самые обычные вещи!»

Магда Джамбари готовилась к полночи, когда её муж, талантливый астроном Мишель Джамбари, начинал вахту возле установленного недавно телескопа. Эмилия Карра, супруга талантливого булочника Конрада, нетерпеливо поглядывала на дверь, начиная с трех четвертей второго. И в четыре, и в шесть часов утра кто-то ждал Артура, и никто не мог пожаловаться на недостаток любви и тепла. Даже старуха Молли, давно забывшая и своего покойного мужа, и свою молодость, и даже свою фамилию, тоже ждала чего-то, и до Виктора доходили слухи, что не напрасно!

Мир воцарился и в душе бродяги и пьяницы Эдварда, обескураженного поначалу потерей благосклонности дам. Ругательства не срываются с его языка и кулаки уже не сжимаются произвольно всякий раз, стоит ему увидеть или услышать Артура. Раздобыв где-то денег, Эдвард спокойно и обстоятельно готовится к Раскрепощению: Виктор Павловски пишет для него Инструкцию «Маньяк — расчленитель».

АНДРЕЙ ЗАГОРОДНИЙ. ХОЧЕТСЯ ЗАМУЖ

Честно говоря, очень хочется замуж. Ну просто очень. И давно пора, все знакомые вышли, а Ленка — так даже два раза. Родители то и дело спрашивают — когда. Но родители ладно, им положено спрашивать, да и в другом городе они, далеко.

Ноги сами несут к киоску, беру местную газету и две центральные. Вот не надо этого, нескромно, но ничего поделаться с собой не могу. Прихожу домой, ставлю чайник, а сама шарю глазами по последним страницам, тем, где объявления о знакомствах.

Нет, я собиралась замуж, даже несколько раз, но всё как-то не складывалось, в последний момент не складывалось. И ребята хорошие попадались, и в постели мы друг другу нравились, я ведь не идиотка какая-нибудь — связывать жизнь с тем, с кем в разных кроватях придётся спать. Но не случилось. Из-за меня, конечно, сама виновата. Всего и осталось — воспоминания и сувениры.

Взгляд останавливается на строчке «...не курю, алкоголь — только хорошее вино...». Это мне нравится. А то напишет такой суконное «без вредных привычек» да ещё деньги на объявлении сэкономит, все слова сокращениями даст. Нет, тут сразу видно — человек обстоятельный и не врёт лишнего. Ну и я тоже, вот — газеты купила, не в интернете непонятно кого ищу. Мне подходит человек, который верит, что встретит именно меня, а не заполняет онлайн-формы на всех бесплатных сайтах знакомств, как какой-нибудь ковровый бомбардировщик. Хороший человек посылает письмо в газету один раз и ждёт, надеется. Я тоже надеюсь, что это он, тот самый, что с ним наверняка всё сложится.

Письмо сразу послала, очень личное, я ведь тоже не за всякого выскочить готова. И никаких серых слов, только от души. Конечно, сразу дала свой номер, плохо это — через газету переписываться, умный человек поймёт: ты ему не доверяешь. А какая получится жизнь, начатая с недоверия? Только попросила днём эсэмэски посылать, потому что если в рабочее время, то

нормально разговаривать не получится, а ненормально не хочется.

* * *

Владимир откликнулся очень быстро – напрямую, конечно. Рассказал о себе. Учился в Москве, а живет в Подмосковье, работает в строительстве. Здорово! Я всегда считала, что в строительство идут настоящие мужчины. Хочется стать женой человека основательного, чтобы знал, как всё починить, если сломалось. Который сам чинит или, ещё лучше, правильно руководит, а не хлопает удивлёнными глазами, когда сантехник ему халтуру впаривает.

Ответ писать села перед зеркалом. У меня красивые пепельные волосы, тонкое лицо, загадочный взгляд. Перед зеркалом создаю себе настроение. Главное – не торопить события, не показать, как сильно хочу с ним встретиться, как готова прямо сейчас ехать в его Подмосковье.

И понеслось. Любовь с первого взгляда, точнее – с первой эсмэски. Никаких бесплатных мессенджеров, главное – качество, мы ведь не побирушки какие-нибудь. По несколько сообщений в день. И вечерние звонки. Конечно, звонки – главное. У него очень красивый голос, а на номер я сразу поставила специальную мелодию, такую, знаете, лёгкую и тёплую, от которой сразу радостно. Хорошо получилось. Жду этих звуков, беру телефон, а потом даже не сразу понимаю, о чём он говорит, просто слушаю голос.

Две недели еле выдержала. Сразу решила – к нему не раньше чем через две недели. Еле выдержала. Да, я это уже говорила. На четырнадцатый день начала собираться.

Вообще-то я девушка необычная. В том плане, что не таскаю с собой кучу всякого барахла. Только сумочку, но с ней, можно сказать, даже сплю. Нет, не в обнимку, конечно, но кладу рядом с кроватью. Вдруг ночью понадобится? Голова, например, разболится, а там аспирин, или ноготь подправить захочется.

Запасная майка, если одну брать, она может испачкаться, мини-юбка, которая совсем места не занимает, косметичка, ключи всякие, деньги, ну, это у всех. Аспирин, но про него я говорила. Пакет пластиковый большой, вдруг запаковать что-нибудь понадобится, а в магазине только маленькие окажутся.

Подумала – нет, без второй сумки не обойтись. Взяла рюкзачок, тот, который под цвет куртки. Покидала вещи – немного, много и не надо. Я ведь ненадолго в первый раз. Понадобится – там куплю, новую жизнь лучше начинать с новыми вещами. Остальные мелочи собрала. Красивые домашние туфли взяла, а выглядят и сидят как кроссовки – сразу видно, девушка спортивная, за собой следит. И из спортивного ещё костюм такой, с двухцветными штанинами, они ноги удлиняют. Это, конечно, только для пущей убедительности, на самом деле ничего мне удлинять не надо, я вообще злорадно смеюсь, когда по телику говорят, сколько сантиметров от бедра у моделей. Ключи, косметику в маленькую сумочку. Газовый баллончик положить? Зачем? Если я Володе не доверяю, то и ехать к нему не стоит. Не нужен баллончик. Что забыла? Вроде ничего. Серёжку возьму, она одна в коробке лежит, очень маленькая и тонкая. Вспомнила, как покупала, две штуки вместе, конечно. Тогда я тоже могла замуж выйти, но не получилось, сама всё испортила. Но, может, к лучшему: вышла бы тогда – сейчас бы Володю не встретила. Достала серёжку, погладила её нежно и аккуратно уложила.

Счастливый браслет надела. Когда маникюрный салон открывала, не снимала его и всю бюрократию моментально прошла, даже во второй раз ни в одну контору ехать не пришлось. Ну и в других случаях тоже очень помогал. Ах да, в сумочке у меня ещё перочинный ножик, швейцарский, его я тоже сама купила. Там масса нужного: ножнички, щипчики, несколько пилочек кнопочкой выщёлкиваются. Если окажусь на необитаемом острове, с ним можно новый салон открывать без всякого дополнительного оборудования.

* * *

Ехать ночь поездом. Лежала на полке и мечтала. Заснула, а приснился почему-то Миша. Миша. Я всё время его вспоминаю, доброго и мягкого. Мы встречались довольно долго: месяца три, наверное. Я запускала руки ему в волосы, у него были густые светло-каштановые волосы, это так приятно — запускать туда пальцы. Банально звучит, но какая разница, как звучит, если так на самом деле? Наверное, потому и запускала руки в его волосы, что видела этот жест в кино, читала в книжках много раз. Он был военным, очень сильным. Я всегда думала, что сильные люди увешаны мускулами, как новогодняя ёлка, а у Миши сила пряталась внутри, просто очень большой мягкий человек.

Мы лежали в постели, и он читал стихи Низами. На память. Очень красивые. Это древний азербайджанский поэт, и я хотела спросить: почему Миша выучил именно азербайджанские стихи? Не спросила, каждый раз боялась разрушить очарование. Хотя это тоже банально звучит. Но если человек все слова выдумает сам, его же никто не поймёт.

А потом я, конечно же, всё испортила. И у меня осталась от него только пара сувениров. Иногда я достаю их, глажу, вспоминаю светло-каштановые волосы, какие они под пальцами, и думаю, как много потеряла. Теперь у нас уже родились бы дети, двое, не меньше и не больше. Я, конечно, хочу детей, но меру знать надо во всём.

* * *

Володя встретил меня на машине. У него Тойота, красная, почти новая, мне она очень понравилась. Небольшая, не роскошная, именно такая машина подходит скромному достойному человеку. Зачем он на ней приехал? Думаете, похвастаться? Совсем нет. Это я-то ожидала, что здесь маленький городок, а мы сорок минут ехали по улицам. Правда, по узким и всё время повороты, у меня чуть голова не закружилась. Не город, а лабиринт какой-то, захочешь дорогу запомнить — ни за что не получится. Потом искать придётся до морковкина заговенья, в жизни не найдёшь, даже на доме ни номера, ни названия улицы, но это

специально. Дом стильно покрашен, в два цвета, таблички бы весь вид испортили. Ведь мой Володя строитель, сразу и вкус чувствуется, и умение.

Выходные подробно описывать, пожалуй, не надо, а то вместо нормального рассказа эротический роман получится. Нет, я не собиралась бросаться к нему в постель прямо с порога, я вообще твёрдо уверена, что близкие отношения должны начинаться не раньше чем через месяц после личного знакомства, а лучше и через два. Но он оказался таким... даже выразить словами невозможно. Высоким, красивым, я вообще думала, что такие в газеты объявления не дают. Зачем? Женщины за ними бегать должны, вот прямо вдоль каждой улицы и бежать. Хотя смотря какие женщины. Я вот за мужчинами не бегаю, ни по мостовым, ни по тротуарам. Значит, на кого попало Владимир не согласен, значит, ему ещё один плюс. Но зачем я про плюсы? Он ведь мой, тот самый, с первого взгляда ясно. Поэтому и не стала из себя недотрогу строить. Он всё понимает даже без слов. Зачем мне такой, который не понимает?

Выходные короткие, как жаль. Ну ничего, в следующий раз решили встретиться на праздники через десять дней, потерпеть всего десять дней. А пока опять ночь поездом. Опять лежала, думала. Как всё сложится, угадать не пыталась, сложилось ведь.

Сколько у нас оказалось общего! Он тоже необычен, тоже одинок, тоже хочет детей, и да, его, как и меня, тянет к необычным, будоражающим кровь вещам. Про детей я, конечно, не напрямую разговор завела, не надо ускорять события, мало ли как человек отреагирует? Но Владимир — моя мечта. Я только спросила, большая ли у него семья, и сразу огорчилась: вдруг бы подумал, что интересуюсь, нет ли у него алиментов на стороне. Но он понял правильно. Как хорошо с человеком, который так тебя понимает! Оказалось, он одинок, никаких родственников. Страдает из-за этого и очень хочет большую семью.

Я продаю лишнее и переезжаю к нему, мы так договорились. Он хотел, чтобы я сделала это сразу, но я не сказала ни да, ни нет, женщина должна выглядеть загадочно. А он тоже загадоч-

---

ный или стеснительный? Даже свой дом мне не показал. Нет, показывал, конечно, и комнаты, и спальню... — ну это понятно. И мансарды на втором этаже. А вот в кухню не пустил. И ещё внизу... скорее всего, подвал. Хотя с кухней, наверное, чтобы я не подумала, будто он на меня её свалить собирается. Какой умница! Нет, я хозяйственная, и готовлю, и иногда даже с удовольствием. Но мужчина не должен видеть женщину как придаток к плите.

* * *

Домой вернулась и даже сумку с рюкзаком разбирать не стала, и все десять дней до праздников жила как на иголках. И не только сама — одной клиентке иглу Видаля под кожу загнала, это инструмент такой маникюрный, она аж в кресле подпрыгнула. Нет, я давно с клиентами не работаю, но тут Наташка без содержания взяла, замуж выходит, опередила меня. Ну и молодец, зато у меня Володя. Так вот, без содержания взяла, а клиенты на эти дни записаны. Будто заранее не знала, что в этот день замуж выходит. Но я её простила, свадьба-то у неё, а клиентов я записывала. Да и предупреждала она заранее, это я перепутала. Теперь та тётка шарахаться от меня будет, по телефону скажет: только к Наташке. Ну и ладно, я всё равно хозяйка, а не простая маникюрша, и может, к тому времени уже и бизнес продам, вместе с Володей жить стану.

Мы с ним договорились, что в Подмоскowie приеду первого утром, чтобы на все праздники. Я сказала, как Володин город называется? Нет? Ну и не буду, так даже лучше. Договорились, но я взяла билет на двадцать девятое апреля. Не утерпела? Ну да, как тут утерпишь? Но поезд приходит в девять, а день не выходной, поэтому добралась когда Володя уже на работу ушёл. В первый раз приезжала — ни названия улицы не увидела, ни номера дома. Без GPS-трекера не нашла бы. Я его на телефоне всегда включаю, когда в незнакомом месте. Чтобы не заблудиться, ну и вообще.

За четверть часа дошла, а в прошлый раз ехали втрое дольше. Наверное, здесь везде знаки «кирпич» и «одностороннее движение», но в первый раз я на знаки не смотрела, а смотрела на Володю. И во второй раз зачем они, если я пешком иду?

Добралась и позвонила в дверь, и даже три раза – вдруг всё-таки дома? Только потом достала свой ключ, не сидеть же на пороге до шести вечера. Ах да, я не говорила – в те первые выходные заметила в прихожей запасную связку. Почему и нет? Сделала слепок, пластилин в сумочке лежит. В конце концов, я же не воровка какая-нибудь, а вот сейчас ключ пригодился.

Что делать в доме весь день? Володю ждать, что же ещё? Нет, я, конечно, обошла всё, интересно ведь, но это не главное. Чердак обычным оказался и маленьким, там всякий хлам – наверное, от прежних хозяев остался. Если, конечно, они были, ведь Володя мог и сам этот дом построить. А подвал вообще заперт и ключа нет, и тот крючок, который в швейцарском ножичке, тоже не подошёл. Только лестницу и увидела. Интересная лестница – узкая, но с перилами, а внизу поворот и опять ступеньки. На повороте ниша, в ней, наверное, раньше рыцарь стоял. Ну нет, дом не такой старый, но рыцарь мог бы стоять. Красивая лестница и здорово, что у Володи такой замечательный дом.

А остальное время? Не весь же день бродила. Очень скромно себя вела, даже телевизор не включила, постеснялась, случается со мной такое – приступы стеснительности. Сидела, роман читала, взяла из книжного шкафа. Да, у Володи для книг застеклённые шкафы, а не полки какие-нибудь. Такие, знаете, шкафы, в которых книги в два ряда помещаются. У меня дома похожий есть, только сзади, во втором ряду, всякое личное, но не стану пока об этом рассказывать.

Так вот, я внимательно на корешки посмотрела, на каждый по очереди – ура, и вкусы наши сходятся. Все книги, те, которые не по строительству, хоррор и женские романы, очень надеюсь, что не от какой-нибудь бывшей остались. Ну зачем я такое? Сразу подозрения, ведь даже не знаю про бывшую, может, и не су-

---

ществовало никакой. Нельзя отношения с подозрений начинать. Наоборот — радоваться надо, что вкусы сходятся, но это я говорила.

Взяла женский роман, ужасы я тоже люблю, но у Володи в шкафу только лучшее, а лучшее я читала. На второй странице очень похожий эпизод — мужчина, пока непонятно даже, главный герой или нет, находит у себя в доме незнакомку. Я, конечно, уже не незнакомка, но всё равно похоже. И спрашивает, почему она в его доме и, наверное, обокрасть собирается. Тут я сообразила — зря здесь сижу. Сюрприз, здорово, но что Володя подумает?

Заперла за собой дверь и пошла пить кофе в очень милый ресторан неподалёку. Ну да, каждый скажет: пять вечера скоро, кофе на ночь и даже три чашки. Так я и не ожидала, что ночью спать придётся. А вернулась и в дверь позвонила, будто только приехала. Володя, конечно, удивился, как я дом нашла, но виду не подал, только заулыбался не совсем сразу. Зато увидел, какая я у него умная и находчивая. Но про это я не сказала и, конечно, не стала говорить, как к нему спешила, только соврала, что из-за праздников на удобный поезд купейных не оставалось.

* * *

Ну а часов уже в восемь лежали в постели уставшие, расслабленные. Володя держал меня за руку. Как хорошо! Потом его пальцы соскользнули на запястье, медленно повернули мой счастливый браслет. Володя грустно вздохнул, и я поняла — хотел мне браслет подарить. Правильно, не кольцо же во вторую встречу. Хотя почему нет? Ведь я бы не отказалась. Но Володя... он не может так быстро. Правильно, серьёзный человек не может жениться быстро.

Потом Володя на кухню пошёл кофе поставить. Ну, я отказываться не стала, хоть кофе до того в ресторане напилась. И тут что-то на меня нашло, вот так всегда — сама всё и испорчу, но тогда я этого не поняла. Встала за романом, который утром начала, интересно дальше узнать про ту историю. Вынула, загля-

нула в дырку и увидела — что-то стоит во втором ряду. Я ещё две книжки убрала — там банка, а в ней руки. Тонкие такие пальцы, а на запястье браслет, золотой, но тоже очень тонкий. Чьи руки? Бывшей... конечно, бывшей. Ну и здорово, туда ей и дорога. Хотя руки, наверное, из воска. Но нехорошо быть такой любопытной, я всё на место поставила, кроме романа, который читать взяла. Володя кофе принёс, вкусный, лучше, чем в ресторане. Потом забрал у меня из рук книжку, на полку посмотрел и сказал:

— Пойдём, я тебе покажу, ты нижний этаж не видела.

Оказалось, это он про подвал. Я, конечно, промолчала, что лестницу уже смотрела, даже удивилась нарочно, когда к нише подошли, но про рыцаря говорить не стала, вдруг Володя считает доспехи всякие дурным вкусом?

За дверью, той, к которой отмычка не подошла, ещё комнаты. Такие, как в сказке. Володя же строитель, вот и построил подвал таким, как в замке. Потолок низкий, комнаты анфиладой по кругу. Камин такой весь закопчённый, и рядом железки всякие страшные. Верёвки свисают, цепи прямо как в фильме ужасов. Хотя я фильмы ужасов не смотрю, а книжки читаю. Девушка должна быть одухотворённой, а книжки для этого лучше, чем кино.

И ещё на полке опять банку с руками заметила. Красивая такая банка, прозрачная, в ней жидкость желтоватая и отрезанные руки с тоненьким золотым браслетом. Вторая бывшая? Нет, Володя не такой, чтобы много бывших. Наверное, эти руки тоже из воска. А как оказалось бы романтично — ради меня в будущем он жертвовал настоящим. Презирая условности и опасность.

— Тебе нравится? — обернулся ко мне Володя.

Конечно нравится, я не ответила, но он по моим глазам увидел. Должен был увидеть, мы ведь так хорошо друг друга понимали. Тогда он снял с гвоздя красную такую мешковину и надел на себя. Получилось очень аутентично — прямо Малюта Скуратов из телеспектакля, я только название забыла и кто его ставил. Но это неважно.

Володя прямо как средневековый палач, хотя на Руси другое — палач вроде иначе назывался. Но это тоже неважно. Я слышала про косплей, даже в интернете ролики смотрела, но сама никогда не участвовала. Ну и что? Я ведь способная, я могу и без всяких репетиций. Закатила глаза и захохла «ох не надо, ох не надо» тонким таким голосом.

Палач схватил меня за руку и ловко так привязал к стулу. Нет, я, конечно, вырывалась, даже кусалась не по-настоящему, но он всё равно привязал. Принёс немного странный топор, небольшой с вогнутым лезвием, начал им в воздухе размахивать. Со свистом. Очень впечатляет. Наверное, таким удобно руки приговорённым отрубать. Положил жертву на колоду, привязал и отрубил.

Но не совсем правильно получилось, у меня ведь руки к стулу прикручены. Не стал бы Володя, хоть он сейчас и палач, собственную мебель портить. А он говорит с усмешкой такой, характерной для палачей:

— Молилась ли ты на ночь?

Зря он так сказал, это ведь из Шекспира, а мы вроде бы наше отечественное разыгрываем. Но я на всякий случай задёргалась, нет, говорю, не молилась ещё. Да я вообще никогда не молилась, даже когда с девчонками в церковь ходили. Креститься умею, а молиться как-то не научилась. Вот я и сделала вид, что перекреститься хочу, но руки ведь привязаны. Володя их развязал, молись, говорит. И тут я опять всё испортила, наверное, потому, что слишком много кофе выпила. Вместо того, чтобы пальцами сложенными вдоль себя помахать, ткнула ими ему в нос, прямо в ноздри. Вот зачем я Жанну д'Арк вспомнила и ею притворяться стала?

Ну какая из меня Жанна д'Арк? У меня ведь маникюр длинный и очень прочный, профессиональный. У Володи бедного из носа сразу кровь пошла, много. И тут я совсем в роль вжилась. Хотела меч со стены сорвать и голову врагу снести, как та Жанна, но меча на стене не оказалась. Пока я искала, чем замечать, палач в наступление перешёл, пришлось убежать. Сначала

я в сторону камина прыгнула, хотя это, наверное, очаг, а не камин, но там ничего подходящего не нашлось, только полено обгоревшее. Я полено в Володю бросила, чуть руки сажей не испачкала, потом вокруг стола — и к выходу, Володя за мной. Я дверь захлопнула, но замок не автоматический оказался, пришлось по лестнице убежать.

Володя не сразу из подвала выскочил, не знаю уж почему. Может, споткнулся или кровь из носа вытирал, а может, переодевался, снаружи ведь он уже без красного капюшона появился. Поэтому я успела в сумочку быстренько залезть, хорошо, что я её прихватила, когда с постели встала и спортивный костюм надевала — тот, с двухцветными штанинами. Когда Володя наверх мимо ниши для рыцаря пробежал, я сзади него выскочила — я в нише спряталась — и в шею ему электрошокером ткнула, не смогла удержаться. Это ведь баллончик со слезоточивым газом я дома оставила, а шокер как оставлять? Володя упал и даже немного вниз по лестнице покатился, чуть меня с ног не сбил. Но застрял там, где лестница повернута, около ниши.

Он, бедный, лежал после электрошокера и не двигался, даже говорить не мог, только моргал. А мне было его очень жалко, я запустила руки в его волосы и гладила по голове, трогала его уши, почему мне так нравятся мужские уши? Даже не знаю.

Вынула из сумочки серёжку, приложила — красиво. Подумала прямо сейчас её вставить, но решила потом это сделать, дома. Володя сильнее заморгал, когда я уши складным ножиком отрезала. Мне стало его очень жалко, но я и так уже всё испортила, не оставаться же без сувениров. Я достану их иногда, посмотрю на них, на вдетую серёжку, и поглажу. К тому времени они высохнут, потемнеют, а я буду вспоминать Володю. Такого хорошего, так мне подходившего. И ругать себя за то, что всё испортила.

Без ушей не умирают, поэтому я на всякий случай отщёлкнула другое лезвие и провела по артерии слева. Зачем же ему мучиться, лежать на холодных ступеньках? А так — быстро и красиво. Только из-за тесноты и из-за того, что лезвие короткое,

---

моя футболка совсем испачкалась, но я ведь запасную взяла ещё перед первой поездкой, а потом рюкзачок так и не распаковывала. А эту дома постираю, в машинке. И хорошо, что у меня с собой всегда большой полиэтиленовый пакет. Только как с лезвием поступить, непонятно. Наверное, придётся другой швейцарский ножик купить, подлиннее.

Я поднялась по лестнице в дом, обошла вокруг ещё раз. Как жаль, что не получилось здесь поселиться. Вместе с Володей. Заглянула в книжный шкаф, открыла банку. Женские руки оказались настоящими — какой же Володя был молодец, на всё шёл ради меня. Даже не знал про меня ничего, а предвидел, предчувствовал.

Подумала взять их с собой, но решила — не надо, я ведь не коллекционирую руки, тем более незнакомые. Поэтому закрыла банку и поставила на место. А когда шкаф закрывала, сломала ноготь. Надо же, в косплее участвовала, с палачом сражалась — и всё в порядке, а тут дверца шкафа, и фьють — ноготь надо поправлять. Хорошо, что у меня всё с собой, и маникюрные инструменты в ножичке, и лак, и остальное.

Я села на диван и сделала ноготь не хуже, чем раньше. Всегда надо выглядеть достойно. Времени до поезда много оставалось, разделась, легла в кровать роман дочитывать. Хороший роман, герой и героиня полюбили друг друга, и в конце у них жизнь сложилась. А я опять всё испортила, а так хотелось замуж. Но уши в коллекцию тоже хотелось. Коллекция у меня в книжном шкафу, как и у Володи, и тоже во втором ряду. Жаль, никогда не получится ему показать, всегда я так: поддамся желаниям, а потом страдаю. Но ведь это очень по-женски — не уметь противостоять желаниям.

Серёжку в ухо потом вставлю, в правое, совсем малюсенькую, почти незаметную, в волосок толщиной. Не золотую, конечно. Платина скромнее выглядит, а как подарок достойнее. Мне ведь нравятся мужчины с малюсенькой серёжкой в правом ухе. Они такие, знаете, с трагическим предназначением.

Вот и всё. Я достала серёжку, взглянула на неё, потом схватила сумку и побежала на поезд, даже не успела спуститься в подвал, ещё раз погладить Володю по голове.

**АННА СЕМИРОЛЬ. ТАК
НЕ ДОСТАВАЙСЯ ЖЕ ТЫ...**

Андрей, только не убивай меня, это шутка!

Любочка ещё раз взглянула на развёрнутое окошко сообщения. Может, не так поняла? Да нет, невозможно как-то иначе понять фразу «Увы, я на конвент не еду». Губы предательски задрожали, на глаза навернулись слёзы.

— Ааааааа!!! — страдальчески выдала Любочка, заламывая руки. — Да как он может? Да кто он после этого? За что он так со мной?

И уже тише — ибо зрителей не было и истерика гасла, не успев разгореться:

— И как теперь жить-то?

Любочку можно было понять. Вот уже пять лет она любила писателя Эн. Тихо, беззаветно, на солидном расстоянии. Она знала наизусть все его книги, воевала на форумах, где ругали Эн, робко и очень сдержанно общалась с ним в сетевых мессенджерах. И целых пять лет жила мечтой о встрече с ним. Нет — с НИМ.

Подруги давно обзавелись парнями, а Любочка проводила всё свободное время исключительно с книгами Эн. Всё нормально, рядовой подростковый фанатизм, с кем не бывало. Ну, вы себе представляете, да?

А теперь представьте, каким ударом для бедной Любочки стало известие о том, что Эн не едет на конвент. Если бы Эн знал, каких трудов стоило студенточке-второкурснице накопить на поездку и какие надежды она на неё возлагала, его бы загрызла совесть. Насмерть.

— Да! — безумно сверкнув глазами, воскликнула вдруг Любочка. — Да! Смерть! Только смертью можно искупить предательство!

Она захлопнула нетбук, встряхнула волосами (все сексуальные ведьмы в кино так делают, да-да), откинулась на спинку сту-

---

ла и зловеще расхохоталась. В помутившемся от несчастной любви рассудке зрел страшный план.

Ровно в полночь книги писателя Эн были разложены по линиям любительской пентаграммы, намалёванной прямо на полу губной помадой. Любочка, облачённая лишь в тюлеву занавеску, по слогам читала Самое Страшное Заклинание из тех, что ей удалось наугад. За дверью сдавленно ржали соседки по общаге, по очереди подглядывающие в замочную скважину. Пафосные Любочкины завывания собрали аншлаг.

— ...кровью девственницы заклинаю! — театрально закатывая глаза, провыла Любочка, полоснув по руке заточенной открывашкой для консервов, и торжественно завершила: — Так не доставайся же ты никому, Эн!!!

Само собой, эта белиберда не сработала бы. Но то ли Любочка была настолько искренна, то ли кровь девственницы чем-то отличается от крови всех прочих, то ли просто у Мироздания такое извращённое чувство юмора...

Писателю Эн не спалось. Он дописывал очередную батальную сцену нового романа и азартно долбил по клавишам, уничтожая врагов главного героя по десятку на каждую строку. Кровь лилась ручьями, ревели умирающие чудовища, лязгали тяжёлые мечи и ржавые доспехи. Дело шло к кульминации и Эн не на шутку разошёлся. Счёт поверженных врагов превзошёл число людей, уничтоженных во всех четырёх «Терминаторах», клавиатура стонала под пальцами великого писателя, как вдруг...

Прямо из центра монитора, безжалостно прорвав ряды ровных строчек, высунулась бурая клыкастая рожа полторы страницы назад убитого орка.

— Ты Эн? — хмуро рявкнул он.

— Ну... — растерялся писатель. — Я.

— Ага! — осклабился орк и полез из монитора.

За ним последовал ещё один, потом ещё и ещё. Вскоре комната Эн наполнилась посетителями, как автобус в час пик. Орки злобно смотрели на писателя и невыносимо воняли.

– Что вам от меня надо? – спросил Эн, старательно сохраняя спокойный вид.

– Мести! – хором ответили орки. – Ты убиваешь нас толпами вот уже семнадцатый роман подряд! Кто ты после этого?

– Я – писатель, – гордо ответил Эн. – А вас кто сюда пустил?

– Нас пробудило к жизни Заклятье-на-Крови! – взревели орки. – Мы – орудие мщения! А ну, пойдём выйдем! Настал час расплаты за все твои злодеяния!

Эн вспомнил, что с галлюцинациями спорить бесполезно, и протолкавшись сквозь толпу жаждущих мести гостей, открыл дверь.

– Прошу.

Орки ломанулись наружу, предвкушая кровавую расправу. Но Мироздание не было бы собой, не обладай оно очень специфическим чувством юмора. Ну вы это помните, да? Любочкино проклятье сбывалось дословно.

– Я оторву ему ноги! – взревел один из орков.

– Нет, я! – азартно возразил ему другой.

– Да щаз! – вмешался третий. – Ноги – мои!

– Кто дал вам право командовать? – возмутились четвертый, пятый и шестой. – А ну, получи-ка!

В воздух взметнулась ручища толщиной с фонарный столб, кто-то коротко взвыл, за него вступился кто-то ещё, за того – ещё пятеро, и не прошло и минуты, как на площадке перед домом Эн образовалась рычащая, смердящая кучамала. А ещё через пять минут последний орк издал предсмертный хрип и отошёл в мир фэнтезийный.

Писатель пожал плечами, посмотрел в чистое ночное небо и вдруг икнул.

– И кто ж меня так не вовремя вспоминает? – пробормотал он.

Гора орочьих трупов озарилась призрачным светом и исчезла. В воздухе какое-то время мерзко воняло, но вскоре и запах рассеялся.

Эн ещё раз пожал плечами и ушёл в дом. Выключил компьютер, почистил зубы и лёг в кровать, под бок к нежно-любимой жене. Жена улыбнулась сквозь сон и прижалась к Эн.

«Завтра обязательно напишу в блоге, какие яркие галлюцинации бывают, когда текст прёт», – подумал писатель Эн, засыпая.

СЕРГЕЙ ФОКИН. ЗАЖЕЧЬ ЗВЕЗДУ

Они собрались, как три года назад, на даче у Юрика. Немного покосившийся домик, расположенный на краю деревни, стена леса всего в пятидесяти шагах, да такого, что спяну и заплутать можно, особенно в темноте.

Соседей видно не было: места здесь глуховатые, не рискуют люди лишний раз высовываться из домов после заката.

Стол поставили прямо в огороде – там во времена, когда Юрик был еще женат, росли огурцы с морковью. Сейчас все покрывал травяной ковер, как располагались грядки, уже не разобрать.

Их было трое однокашников. Не просто одноклассники по институту, которые, случается, тоже дружат десятками лет, а самые настоящие школьные друзья. Дружба их и временем проверена, и огнем с водой, разве что медных труб не было, не удалось им выбиться в знаменитости.

Славик, сколько себя помнил, мечтал стать музыкантом – не Ростроповичем, конечно, но и не лабухом в кабаке. Seriously к музыке относился, обстоятельно. А все равно ничего не получилось. Кроме способностей еще и фарт нужен, а ему с работой крепко не везло. Руководил хором пенсионеров в ДК, потом хор прикрыли, а Славик оказался на улице. Подрабатывал в кафе, играя на синтезаторе.

Женька, кряжистый такой мужик, на вид лесоруб, на самом деле был художником, и тоже звезд с неба не хватал. По молодости бредил мировым признанием, а время пришло, мозги вправились, и стал ошиваться при театре – малевать декора-

ции. А потом выпивать начал — и оттуда выгнали. С тех пор на Покровке продавал пейзажи с натюрмортами и под заказ копии с известных картин снимал.

Хозяин дома считался среди них самым умным. Потому что полжизни проработал лектором в городском планетарии и вообще умел мыслить глобально.

Всех троих объединяло еще то, что они были повторно холостыми.

— Ну, что, пацаны, предлагаю выпить за нашу встречу! — провозгласил Юрик тост. Он всегда был главным заводилой в их компании. — Помните, как мы собирались здесь в последний раз? Сколько лет прошло!

— Поганые были годы, — кивнул Славик.

— Не скажи, — возразил Женька. — Я, например, развелся со своей... не к ночи будет помянута.

Они выпили, крикнули, стали закусывать селедкой, грибами и солеными огурцами — последней памятью о семейной жизни Юрика.

Вокруг стояла темнота, только свет фонаря на столбе выхватывал стол да ближайший кусок огорода. Небо было усыпано звездами, и они хитровато подмигивали трем мужикам, подслушивая их разговор.

— Все равно поганые. — Славик отмахнулся от надоедливого комара.

— Не дрейфь, пацаны! Наша возьмет! — Бодро сказал Юрик и разлил еще под одной. — Когда вы вот так могли бы сорваться с работы и прикатить ко мне в Черемас?

— Точно! — удивился Женька и хмыкнул. — Значит, что-то хорошее в нашем положении имеется.

— За позитив! — предложил хозяин дома, и его поддержали.

— Знаете, мужики, я вот все думаю, что могло бы выйти, если бы я пошел в аспирантуру, а не довольствовался тем, что имею? — Юрик задумчиво откинулся на спинку выдавшего виды стула.

— Сейчас был бы астрономом и открывал звезды! — мечтательно ответил Женька. — А я, не женись так рано, может, махнул бы в Москву и устроился в какой-нибудь оркестр. Жил бы как в шоколаде, писал музыку... У меня получалось прежде.

— Мы помним, — подтвердил Славик и добавил уныло: — А я вот в МГАХИ хотел поступить. Дурак был, наверно... Нет у меня таланта.

— Есть, Славик! — Хозяин дома даже по столу стукнул. — Есть, не сомневайся. Просто мы, пацаны, просрали свои шансы. Говорят, один раз в жизни человеку возможность дается. Чтобы стать знаменитым и вообще...

— Да черт с ней, со славой! — Женька поморщился, занюхивая водку куском хлеба. Потом взял маленький огурец и смачно его разжевал. — Ведь мечты-то были не только о ней... Хотелось создать такое... такое! — Он даже руки огромные развел в стороны, чтобы понятней было.

— Точно! — Славик положил голову на руки и вздохнул. — Такое, чтобы душа развернулась, а потом...

— Свернулась! — Шутка показалась неожиданно веселой, и они втроем дружно заржали. Настроение поднималось пропорционально выпитому.

— А ведь смогли бы, мужики! Есть еще порох в пороховницах! Надо только взяться — и сделать! Давайте выпьем за наши звезды! — предложил Юрик. Они опрокинули еще по одной, хозяин дома приложил стопку к глазу наподобие подзорной трубы, и спросил:

— Ну, что, полет нормальный?

Эту шутку тоже оценили и стали прикалываться о бортовой качке, инопланетных гостях в кормовом отделении и нехватке горючего до ближайшей планеты.

— Врешь! — крикнул разошедшийся Женька. — А у нас с собой было!

Это, кажется, процитировали Жванецкого, а он комик и свой пацан в доску...

Вдруг Юрик разом умолк и застыл, продолжая смотреть в небо через стопку. Друзья замолчали и уставились на него выжидающе. Похоже, он снова решил схохмить.

– Мужики, такого не бывает! – сказал Юрик и опустил стопку на стол. – Я точно знаю, потому что...

– Что? – спросил осторожно Славик.

– Там пусто было всегда... а сейчас есть!

– Может, самолет? – предположил Женька. Он уже догадался, что Юрик, знаток звездного неба, углядел нечто такое, чего не должно было быть по определению. То есть, по атласу.

– Нет! И оно... оно растет! – Хозяин дома даже вскочил в возбуждении. – Смотрите сами! Вон там!

Через минуту это увидели и они. Светящееся пятно стремительно приближалось, становясь все крупнее. Похоже, оно не планировало, а попросту падало – отвесно, прямо на их деревню.

– Сейчас рванет... – немного просевшим голосом предположил Юрик.

– Может, в лес сиганем? – Самым малодушным оказался Славик.

– В лесу деревьями завалит...

– А здесь воронка будет!

Пока они судили да рядили, пятно уже превратилось в шар, но на метеорит совсем не похожий. Во-первых, не было хвоста, во-вторых, шума. Юрик сказал об этом сразу, и мужики насторожились еще больше.

– Может, спутник падает?

– Нет. Скорее, что-то неопознанное... В наших краях случается.

Хозяину дома, как главному специалисту, поверили.

Шар увеличивался в размерах, и замедлил падение. Оказавшись в сотне метров над землей, он вообще поплыл как парашютист в безветренную погоду.

А потом завис у них над головами в каких-то пяти шагах от стола, и в ярко-белом холодном мареве вначале проявилось,

---

а потом и сгустилось темное пятно. Там был человек. Вернее, гуманоид, потому что люди на таких аппаратах не летают.

Застывшие на месте мужики настороженно смотрели на это чудо.

— Вы, кажется, толковали об упущенных возможностях? — спросил незнакомец на чисто русском языке. Впрочем, удивляться не стоило: если он понял, о чем велась речь за столом, то и разговорным владеть должен был в совершенстве.

— А вы... простите, кто будете? — икнув то ли от страха, то ли от водки, спросил Юрик. А кому же еще спрашивать? Диалог с пришельцем — это была его специализация, никак не людей от искусства.

— Ну, скажем, тот, кто может вам помочь, — уклонился от прямого ответа гость.

— Помочь в чем? — снова осторожно поинтересовался Юрик. На этот раз его голос звучал тверже. Друзья, у которых хмель стал быстро проходить, туповато пялились и молчали.

Незнакомец обстоятельно пояснил:

— В том, о чем только что беседовали: о новом шансе. Как вы справедливо заметили, обычному человеку не дается второго, поскольку равновесие во Вселенной — штука хитроумная и неустойчивая, излишней щедростью его можно, пардон, покачнуть. Но исключения тоже бывают, и они, как в ваших законах, только подкрепляют правило. Вам повезло. Ваш разговор был услышан и даже принято решение выполнить просьбу...

— Гм... — вступил Женька. — Вообще-то, мы ничего не просили.

— Ну, как же... А ваше желание создать такое... такое! — он скопировал Женькин жест очень точно. Руки у него, правда, оказались немного непропорциональные относительно туловища. — А потом, ваш полет к звездам вообще всех наверху умилил.

— Мы, конечно, за это выпивали... — буркнул Славик и насутился: — Но разговор был между нами...

— Пацанами. Я знаю, — ответил, кивнув, незнакомец. — Но раз уж так получилось, думаю, умение, которым мы вас

наделаем, поможет исполнить то, что было задумано в юности...

– А какое умение? – спросил Юрик. Похоже, он уже взял себя в руки.

– Создавать звезды. Зажигать их, если так будет понятнее...

– Вы серьезно? – Хозяин дома даже привстал на своем стуле.

– Абсолютно.

– И конечно, взамен нам нужно будет... э-э... подписать что-нибудь...

– Вы, кажется, приняли меня за представителя соседнего департамента, – незнакомец широко улыбнулся. – Договор, кровь – это по их части. Мы инвестируем в таланты. Услуга бесплатная.

– То есть... совсем? – удивился Юрик.

– Безусловно. Есть только одно маленькое замечание. – Гость на секунду смолк, чтобы заострить внимание собеседников на следующих словах. – Чтобы использовать эти умения, нужно все-таки приложить, так сказать, некоторые усилия... Я имею в виду, что от одного щелчка пальцами ваши мечты не исполнятся. Понимаете, о чем я?

– Понимаем! – ответили мужики в один голос. Кажется, до них стало доходить, что «птица счастья завтрашнего дня», наконец-то, попала к ним в руки.

– Ну, что ж, тогда оставляю вас продолжать ужин, – широко улыбнулся незнакомец. – Приятно было пообщаться.

– А на посошок? – подняв бутылку, спохватился Юрик.

– Спасибо, я на службе, – вежливо отказался гость. – Всего доброго.

Они попрощались с ним, ошалело наблюдая, как светящийся шар стал набирать высоту и вскоре вовсе пропал из поля видимости.

Тишина, нависшая над огородом, прерывалась только далеким гудком товарного поезда.

Звезды все так же весело перемигивались в черном небе, но сейчас их игра выглядела совсем по-другому.

— Пацаны, а это нам не приснилось? — наконец, выдохнув, спросил Женька. — Как-то все неожиданно и... непонятно!

— Давайте по последней — и спать! — предложил Юрик. — А то до белой горячки дойдем.

Друзья быстро с ним согласились. Мытье посуды оставили на завтра...

Снова они встретились ровно через три года. Юрик позвонил и предложил подойти к «Джанглу» часов в девять вечера.

Сам он подкатил на шикарном «лексусе», причем сидел на заднем сиденье и, выйдя, отпустил шофера «до звонка».

В ночном клубе в это время только начиналась жизнь. Официант посадил их за отдельный столик в самом углу помещения и принес меню.

— Парочку «Три звездочки» и закуски на ваше усмотрение. — Юрик обнял друзей за плечи. — Ну, что, пацаны, снова встретились? Как жизнь?

Похоже, противоречивый заказ привел официанта в недоумение. Коньяк был дешевый, но на закуске он мог взять свое...

После первой и традиционного огурца, стоявшего здесь до-роже устриц, Славик покачал головой и произнес:

— Знаете, после той встречи... ну, вы помните... я начал подумывать, что действительно что-то может измениться. Мне стало везти. Конечно, понимал, что это не навсегда. Нашел работу в одном из клубов культуры, вел кружок юных талантов. Потом пришла ко мне одна девочка тринадцати лет. Послушал я ее и понял — вот он, мой шанс. Все данные при ней. Голос аховый, пластика, лицо приятное. Обещала стать грудастой и с неплохой фигуркой. Казалось бы, сотворить из нее звезду — пара пустяков. Я и взялся за дело нешуточно. Репетиции, конкурсы, продюсирование... Сам песни писал!

— Ого! — сказал Юрик.

— Да! Получалось здорово. На себя нарадоваться не мог. А потом...

— Деньги? — участливо спросил Женька. Славик кивнул:

– Они, проклятые. Много стало. Решил позволить себе кутнуть несколько раз... Один раз напился во время поездки на конкурс – стал приставать к девчонке. Она расцвела к тому времени, самый сок...

– Родители вмешались? – снова предположил Женька.

– Да. Слава Богу, не посадили, обошлось. Сейчас она в Москву уехала, к Матвиенко. Уже по телевидению выступает.

Они помолчали. Юрик снова налил рюмки.

– Но зажег ее все-таки ты, Славик! – сказал он торжественно. – Выпьем за это.

– У меня история попроще, – произнес Женька, опустошив рюмку залпом. – Скажу сразу: я струсил. Были у меня предложения... Хорошие. И деньги светили, и даже выставки, если повезло бы... Но встретил я Маринку Феоктистову... помните ее?

– Маринку? Конечно! – в один голос ответили друзья. Это была самая красивая девчонка из их класса.

– Оказалось, она уже пять лет, как разведена. И остался я здесь, никуда не рванул. А сейчас работаю на фабрике игрушек. Выиграл там конкурс дизайнеров-оформителей. Лучше всех смоделировал звезду для новогодней елки. Пошла она в серию, и очень неплохо. Богатым, конечно, не стал, но на фабрике меня ценят... Выпиваю только по праздникам.

Он закончил, и за столом на несколько секунд повисла пауза. Живая музыка плыла по залу, не мешая разговору...

– Знаете, пацаны, – немного грустно сказал Юрик, – послушал я вас, и стало мне не по себе...

– Ты чего, Юрик? Брось! – поддержал его Женька. – Что у тебя случилось? Выкладывай!

– Да говорить, похоже, нечего, – отмахнулся Юрик.

– Чем занимаешься-то? Прикид у тебя хороший. В науке столько не заработаешь.

– Нет больше науки. По крайней мере, для меня. На винно-водочном заводе работаю.

– Дегустатором, что ли? – неловко сострил Женька, но тут же осекся. Юрик не засмеялся, значит, дело было действительно серьезным.

– Начальником отдела специальных и уникальных напитков.

– Это как? – не понял Славик. – Разрабатываешь новые сорта, что ли?

– Если бы... – Юрик опять вздохнул. – Как вам коньяк?

– Так себе, – ответил Женька. – Средненький.

– А вот смотрите, что будет сейчас...

Юрик взял бутылку, провел по ней правой рукой – и этикетка «Три звездочки» Кизлярского завода превратилась в «Пять звезд» Армянского коньяка. Еще одно движение – и вместо «Пяти звезд» появилось GIBOIN COGNAC X. O. Royal.

– Попробуйте. Божественный напиток. Шесть с половиной лет выдержки, – сказал Юрик, разливая из новой бутылки французский коньяк, но русской меркой – по полной рюмке.

– Как это у тебя получилось? – широко раскрыв глаза от удивления, спросил Женька. – Фокус?

– Какой, черт, фокус! – махнул рукой от досады Юрик. – Никакого обмана. Как выходит – сам не знаю. Волшебство какое-то. Объяснения нет, а факт налицо.

Официант, проходя мимо их столика, подозрительно скосился на бутылку, и произнес:

– У нас со своим не положено...

Они помолчали в задумчивости.

– Как же ты... до такого? – спросил участливо Женька. Юрик смутился и пожал плечами:

– Сам не знаю, пацаны. Получилось так.

Друг похлопал его по спине: мол, крепись, в жизни всякое бывает.

– А давайте выпьем за то, чтобы в небе всегда оставалось место для наших звезд! – предложил вдруг Славик. Это было так на него непохоже, что Юрик с Женькой вначале посмотрели друг на друга удивленными взглядами, и только потом отчаянно закивали головами.

ЕЛЕНА ШМИДТ. СУАРЕ НА КОСТЯХ

Сегодня проснулась рано. Не то, чтобы мне куда-то надо, а так — по однажды заведённой привычке. Постель решила не застилать. Мне всё равно, а гости уже давно не заходят. Вот кстати вопрос. А почему не заходят?

Соседи как-то уехали на дачу и не вернулись. Дышат, наверное, свежим воздухом, ягоду-малину едят и клубникой закусывают. Да и какой от них толк, от этих соседей? Так — привет-пока-как-дела-ещё-не-родила.

Друзья? Были когда-то, да все вышли, примерно в это же время. Ну и фиг с ними — кому нужны такие друзья, которым не интересно, что со мной происходит.

Недавно я обнаружила, что куда-то подевались все мои записки. Я же хорошо помню: шесть исписанных аккуратным ровным почерком толстых тетрадей. Я писала всю жизнь раз в месяц ещё со школы. Иногда записи были совсем коротенькие типа «июнь выдался дождливый», а иногда занимали по несколько страниц, наполненных яркими впечатлениями и маленькими радостями жизни.

Где я только не искала. В столе, в шкафу, даже на кухне и лоджии. В банках с крупами завелась моль — последнее время я не испытываю чувства голода. В столе полно всякого хлама, а под кроватью я нашла приглашение на суаре с оторванным краем. Там буквы не все видны, но «с» довольно чёткое и «приглашаем на» читается. Вот я и подумала: хорошее же дело.

Поставила открытку на полочку возле фарфоровой лошадки с отбитым ухом.

***

Теперь я пишу свои дневники мысленно. И что самое интересное — великолепно их запоминаю. Каждую букровку, каждую запятую. Ведь это единственное, что мне осталось в этой жизни.

А было ли что-то ещё?

Нет, не помню.

***

Опять поднялась ни свет ни заря. От смутного и беспричинного беспокойства. Это было что-то неопределённое, но тягостное. За окном выл ветер и хлестал по стеклу дождь, по комнате метались смутные тени, а я ходила из угла в угол и не понимала, что со мной происходит.

Неприятный день и написать нечего.
Почему?

***

Долго не «писала», потому что искала свою технику. Внезапно меня осенило: в квартире были ноутбук, телефон и планшет. На счёт телевизора не уверена, но очень может быть. Они у всех были, правильно? Правильно. Ведь телевизор — главный атрибут повседневной жизни, её украшение можно сказать.

Спрашивается: куда всё это делось и откуда я знаю, что оно было?

Вопросы, вопросы, голова пухнет от этих вопросов.

***

В результате поисков я поняла, что в квартире не осталось ничего мало-мальски ценного. Даже выпивки нет, а в холодильнике мышь повесилась. Так. Стоп. Я метнулась на кухню и обнаружила, что его тоже нет. Ну, это уже ни в какие ворота. У меня там бутылочка Шато Шеваль Блан была припрятана. Сорок седьмого года, между прочим! Друг привёз с женевского аукциона. Рассказывал, что его там то ли забраковали, то ли с продажи сняли по какой-то причине. А, вспомнила: там сургуч был сколот в нескольких местах над пробкой. Посчитали испорченным.

И что из всего этого следует? У меня всё-таки был настоящий друг. Не холодильник, конечно, но и холодильник тоже был.

А кто?

В раздумьях провела остаток дня. Куда же всё это исчезло?

***

Покушать всё ещё желаний нет, но чем больше думаю о пропавшей бутылке, тем больше мне её хочется выпить. Прямо кожа зачесалась, как хочется, но я поняла одну нехитрую истину. Ой, кажется, это не я сказала. Какой-то писатель сказал. Очень даже известный. Ладно, бог с ним. Каждый в жизни сказал что-нибудь значимое. Даже я. Надо только оценить степень значимости.

Так вот что я поняла. Мою квартиру обокрали! Это, конечно, не объясняет отсутствие вокруг меня людей, но вполне вписывается в стройную теорию пропажи. Ура! Я мыслю как Шерлок!

Странно, что при упоминании этого имени мне в голову пришёл набор корпусной мебели в гостиной, а не знаменитый сыщик из книжки.

Вот оно! Книжки! Они были сложены в коридоре аккуратными стопками — надо будет разобрать на досуге. Мебели не было и в помине. Печально. Воры попались интеллектуально неразвитые.

***

Песню вспомнила. «Привет, Андрей». Рингтон на моём телефоне. Скорее всего, так звали моего друга.

Странная это штука память. Песня вспомнилась, а друг нет. Мне кажется, он меня чем-то обидел. Досадно, если из-за ерунды. Знаю — иногда меня заносит. Чувствую, что надо остановиться. Чувствую, а не могу.

Вот и сажу теперь спокойная, как помидор. Но одна.

А нужно ли мне это спокойствие?

Или помидоры...

***

Долго разбирала книги. Сначала решила сложить по алфавиту, потом по тематике. Русские, зарубежные, фантастика, приключения, детективы. Была ещё небольшая стопка любовных романов. Мне кажется, это не мои. Точно не мои. «Она обвила руками его шею и приняла активное участие в происходящем».

Как такое вообще читать можно?! Или вот: «В его поцелуях не было никакой неуверенности. Он точно знал, как найти её губы». Бр-р-р!

Другое дело завалиться с очередным Кингом на диван под тёплым пледом...

Самая большая стопка – Стивен Кинг.

Читать интересно.

***

Я в доме престарелых?! С одной стороны это объясняет отсутствие моих вещей. Но люди! Должен же быть хоть какой-то персонал, в конце концов.

Нет, не катит. Не чувствую я себя старой. Хотя бы до такой степени, чтобы там находиться.

***

Сегодня долго смотрела на улицу. Время вокруг меня будто замерло. Там, за окном бурлила жизнь. А здесь в тишине моей квартиры она остановилась.

В мусорном ведре я нашла свои тетради – все шесть штук. И почему сразу не посмотрела?

А под ними лежала вторая половина открытки. Я даже не сразу обратила на неё внимание. Только потом прочитала.

«Приглашаем Вас на погребение... Светланы... которое состоится...»

Остальное было заляпано чем-то тёмным, липким и пахло вином.

АННА РЭЙВЕН. ДОБРЫЙ НЕКРОМАНТ

В жизни каждого уважающего себя некроманта наступает момент, когда он думает о будущем. Конечно, некоторым образом способствует этому тот факт, что в невестах у него ходит сама Смерть. Разумеется, загробная жизнь имеет место, но до нее еще добраться надо, а это ой как непросто! Да

и старость никто не отменял. Пусть она придет медленнее, но ведь придет, зараза!

И тогда моя дорогая Смерть разлюбит меня, выберет себе нового Некроманта, а мне останется доживать в тених ее любви, а дальше – загробный мир, где уже всё так знакомо...

Словом, представьте, что вы умираете на работе и попадаете на работу. Во-от... Каждый некромант рано или поздно начинает задумываться о том, что годы надо как-то доживать. На что-то нужно. Перед тем, как в качестве клиента попасть на свою же службу, хочется хоть как-то себя вознаградить. И неважно, Добрый ты Некромант, или Злой... пока ты жив – тебе придется думать о жизни. Впрочем, мертвый некромант – это всегда повод для шуток среди его же коллег. Знаете, как они поступают? Вызывают его дух и рассказывают ему в красках про его же похороны. Дух отбивается, плачет, хочет уйти. И не может. Такое вот у нас... профессиональное!

Но я Добрый Некромант. Я так не делал. Наблюдал – да. Но сам так не делал. А меня не любят. И, чует мое бедное сердце, со мной еще не так поступят все, кого я обижал. А я, хоть и добрый, но обижал знатно.

Словом, рано или поздно у каждого представителя нашей славной службы приходит кризис осознания. Когда ты оставлен от силы Смерти, когда она тебя выпускает почти насовсем из своего поля зрения, твоя сила истончается, и всё, на что ее хватает – это только на продление себя самого в мире живых.

Разумеется, ни о каком заработке речь уже не идет. Никаких клиентов не потянешь с такими-то приколами от самого себя.

Кто-то из некромантов копит, всю жизнь скрупулезно складывает монетку к монетке. Кто-то копит ценности. Есть и те, кто просто находит удачный брак.

Но я пошел дальше. Я решил оформить индивидуальное предпринимательство и работать на самого себя: официально принимать клиентов. А что? Я вон газету читал, «Из рук в руки» называется – там всяких гадалок и экстрасенсов больше, чем сантехников. Вот только без сантехников прожить нельзя, а без

гадалок можно. Помещу объявление и я. Конечно, мне больше помогает сарафанное радио, но... В общем, реклама не повредит.

Ах, как же это было-то? Ужасно это было. Seriously. Я видел ад и честно могу заявить, что ад по сравнению со всей этой оформительской мишурой – это просто отдых. Ну, подумаешь, поколят тебя вилами, ну в сковородку посадят... Я вообще от Смерти постоянно мерзну, может быть согреюсь. Зато там очередей нет. А на оформлении индивидуального предпринимательства есть.

***

Помню, отправили меня за какой-то справкой, состоящей из аббревиатур, в какую-то контору, которая, очевидно тоже состояла из аббревиатур. Помню, находилась та контора по дробному адресу, то есть вот дом пятьдесят, следующий – пятьдесят два, через дорогу пятьдесят один, а мне нужен был дом пятьдесят-дробь-А.

Ясно вижу, как сегодня: стою я, как дурак, перед домом пятьдесят и пытаюсь увидеть, где тут может быть «дробь-А».

Нет, сначала я не как дурак стоял. Сначала я прочел внимательно табличку дома пятьдесят, затем табличку «пятьдесят два» и принялся обходить кругом оба эти дома.

Не помогло.

Для верности я перешел через дорогу к дому пятьдесят один и обошел его. Разумеется, никакого дробного я не увидел.

В тот момент мне стало весело. И страшно. И стыдно: я – взрослый, состоявшийся Некромант, потерялся на первом же этапе! Позорище...

Спас меня дворник. Он проходил мимо с метлой и пакетом, из которого сыпался мусор. Остановился, и, кося голубым глазом, спросил, не ишу ли я дом пятьдесят-дробь-А?

– Да-да! – Это был единственный раз, когда я радовался дворнику. – Вы знаете, где он?

– Тю, – дворник махнул грязной рукой, – смотри: заходи в дом пятьдесят. Там возле лифта есть дверь... тебе туда!

В тот момент я начал подозревать, что не все будет просто.

***

Попал я в дом пятьдесят, прошел к лифту, толкнул дверь с приклеенным кривым листком «дом пятьдесят-дробь-А» и оказался в длинном сером коридоре.

Освещение было плохим. Я такое выстраиваю для клиентов и атмосферы. Зачем оно в этом аббревиатурном учреждении – я уже не рисковал спрашивать.

Люди... их было много. Длинный коридор делили двери – одинаковые и жуткие. На них были цифры и буквы, и возле каждой толпились люди.

Все они были похожи между собой: имели одинаково взъерошенный вид и разговаривали на каком-то непонятном языке. То есть я слышал знакомые слова, но между ними были какие-то жуткие фразы.

– А вы как си-зэ-эн оформляли? – спрашивала взлохмаченная женщина у дверей с надписью «Не входить без вызова».

– Нам его сразу выдали после присвоения Гэ-са, – отвечал ей мужчина с добродушным лицом у дверей напротив, где красовалась табличка «СЗУКРЖБ-2, без вызова не входить».

– Шутите? – вклинился кто-то в огромной куртке неопределенного пола. – Эн-Ка-двенадцать только через Бэ-пэ-эс дается. А тот действует всего месяц!

– Не может быть, – возмутилась женщина возле дверей с табличкой «Без бахил, справки ЖКУ-12/2 и вызова не входить». – Я, когда оформляла в У-Се Бэ-С, услышала, что он постоянно действует.

– А вы по упрощенному?

– Я – льготница! И права имею!

– Права на продление Бэ-пэ-эс не действуют, – ехидно крикнули откуда-то вообще сбоку. Оскорбленная (во всяком слу-

---

чае, мне показалось, что оскорбленная), набрала в грудь воздуха, чтобы воспылать гневом.

– Простите... – Я чувствовал себя школьником, вклинивающимся в разговоры взрослых дяденек и тетенок, у которых точное представление о жизни и всяких Бэ-пэ. – А кто последний?

– Не последний, а крайний! – Похоже, взлохмаченной женщине нужно было выплеснуть куда-то свой гнев.

– Вам на упрощение? – надо мной сжалился человек неопределенного пола в огромной куртке. – Или по найму?

– Э... – Вот теперь я познал всю суть своего падения.

– На оформление или на продление? – кто-то пришел ко мне на помощь.

– Оформление... – проблеял я и мне, наконец, указали на заветную дверь.

***

О, какие там были очереди! Бесконечные, состоящие из одних и тех же лиц. Почему-то каждый раз, выходя из кабинета даже с тем чтобы вернуться в него через пять минут, приходилось занимать и отстаивать очередь.

Но всегда находились волшебные люди, которые верили в доброту окружающих, а потому тут и там раздавалось:

– Мне только спросить!

– Мне на минуту!

– Меня ожидают!

– А печать...

Сначала я стыдился, когда сталкивался с этим явлением. Опускал глаза и что-то блеял – мне было жалко отказывать им. И, кажется, я пропускал.

Но так было ровно до того момента, пока мне не выдали список справок, которые я должен был получить. Вот ту мне моя доброта отказала.

– Мне только спросить!..

– Всем только спросить! – рявкал я.

– Мне на минуту, – пытался воззвать человек.

— Всем на минуту! — шипел я злорадно, под одобряющий гул людей.

— Меня ожидают, — шептал человечек.

— Всех ожидают!

Я больше не был Добрым Некромантом. Я был частью системы, частью очереди, и это возлагало на меня ответственность за охрану ее членов от вторжения нагловатых людей.

— А печать...

— А она не здесь, — ехидствовал я.

***

А сколько всего было в этих кабинетах! Они казались одинаковыми не только внутри, но и снаружи, и владельцы их были как на подбор. Кажется, звали их примерно одинаково... я не помню. Помню только, что «справка У-Се выдается в двенадцатом окошке, молодой человек».

А еще помню, что в двенадцатом окошке справка У-Се выдается только по четвергам, до двух часов дня и при наличии справки Ф-три. А справка Ф-три выдается лишь по пятницам в окошке под номером шесть при наличии справки ГКУ-117/2, которая, в свою очередь, выдается в двенадцатом окошке по четвергам с двух часов дня...

Меня не покидало ощущение, что это все можно упростить.

***

Печати... печати на справки, направления и определения. Определения, чтобы получить справку, которая в свою очередь даст другую справку, после которой мне выдадут документ...

Иногда я даже забывал какой. Мне казалось, что в этом аббревиатурном учреждении я провожу уже не первый год или не первую жизнь.

Тогда я стал в ней разбираться.

О, это было страшно! Как я испугался, когда сразу возле восемнадцатого кабинета нашел первый. А ведь раньше, в самом

начале пути, я бы искал первый возле второго! Как я был молод и глуп...

Через неделю моей оформительской деятельности я уже на равных общался с очередью. Я рассуждал о справках и случаях, вворачивал какие-то шутки, понятные лишь тем, кто уже был в окошечке ГК-7. Я был королем очереди и даже подумывал, что надо бросать эту некромантию и переводиться в очередь.

— Молодой человек, здесь нет последних, есть крайние, — растягивая гласные, припечатывал я новенького желторотыша, напуганного обилием незнакомых ему фраз и лиц. — Вам по упрощению или по найму?

И он что-то блял в ответ, а я понимал, что стал в очереди своим.

***

Но всему приходит конец. Однажды я вышел из кабинета, держа в дрожащей руке пачку документов.

— Ка-ак? — не поверил человек неопределенного пола все в той же огромной куртке, без которой я его не видел.

— Ты уходишь от нас? — не поверила женщина, что так и стояла в очереди возле дверей с табличкой «Без бахил, справки ЖКУ-12/2 и вызова не входить».

— Прощайте...

Я чуть не плакал, хотелось обнимать всех и каждого. И даже тот желторотыш, что бодро ставил на место намеревающегося пролезть за «только спросить» хама, взглянул на меня глазами, полными слез.

— Беги и не оглядывайся, — напутствовали меня.

И я, сжимая в руках документы, побежал.

Свет дня больно резанул по глазам, когда я вывалился на улицу и увидел дворника. Это был уже другой дворник — того за время моего отсутствия, видимо, всё же сменили. Я помахал ему рукой, и он трижды уважительно, словно посохом, ударил метлою о землю.

***

В метро я уже не замечал народа, его было мало. Теперь для меня уже всегда будет мало народа. Сгорая от любопытства, я развернул бумаги и прочел: «ИП Добрый Некромант». Это был триумф...

...который продлился ровно до того момента, пока я не дошел до седьмой страницы: там, в сведениях о предпринимателе, в моем имени была допущена ошибка...

АНДРЕЙ ЦАРЁВ. ЧТО ПОСЕЕШЬ

— Доктор, я жить буду?

— Вне всякого сомнения, мистер Джонс. У вас была кома, вызванная болевым шоком. Но теперь худшее, так сказать, позади. Поздравляю вас, мистер Джонс!

— Когда я смогу встать с постели? И эта боль...

— Боюсь, никогда, мистер Джонс. Вам вырезана значительная часть внутренних органов. Метастазы, мистер Джонс. Я сожалею, мистер Джонс. Теперь вы сможете жить только будучи подключенным к аппаратам искусственного питания и очистки. И к боли тоже придется привыкнуть, мистер Джонс. В нашей больнице принцип: никаких наркотических средств. Вы должны понимать, мистер Джонс.

— Почему вы не дали мне умереть?

— Странно слышать от вас, мистер Джонс. Это же вы были Председателем комиссии по полному запрещению наркотических средств и эвтаназии.

— У меня был сын. Он умер от передозировки. А внук родился дебилем.

— Это очень печальная история, мистер Джонс. Вы себе не представляете, как я сожалею за вас, вашего сына и всю золотую молодежь, которую вы спасали. Но, знаете, мистер Джонс, у меня был отец, который, как и вы умирал от рака. И благодаря протянутому вами закону последний год жизни он провел в страшных мучениях, потому что все наркосодержащие препа-

---

раты были изъяты из больницы, а средств на услуги наркодилеров у нашей семьи не было. А вот у милой сестрички, что меняет вам утку, два выброшенных из богадельни наркомана убили мать. Денег, вырученных от продажи часов и телефона, им не хватило и на одну дозу... Но это все не ваши проблемы, мистер Джонс. Наслаждайтесь жизнью, мистер Джонс. Помните, вы наш самый дорогой пациент, мистер Джонс, и мы вам не дадим умереть. По меньшей мере, быстро и легко.

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ. ПРАВОСУДИЕ

— А где ты работаешь? — спросила девочка.

Хорошенькая такая девочка, лет двадцати, не больше, и беленькая — бывают же на свете маленькие натуральные блондиночки с широко распахнутыми глазками, с ресничками натуральными в полтора сантиметра, с приоткрытыми от любопытства розовыми губками.

— Я работаю... да не все ли равно, где? — хорошо сыграл недоумение Юрий Антонович. — Зарабатываю нормально. Тебе чего взять — салат, мороженое?

— Только кофе.

— Что так?

— Худеть надо.

— Тебе?..

Более изящного создания Юрию Антоновичу за сорок лет жизни встречать не доводилось.

— Да-а... вот тут и вот тут...

Очаровательная глупышка провела наманикюренной ручкой по талии и животику. Юрий Антонович понял, что в лепешку разобьется, но раскрутит девочку на бурную ночь. Уговаривать он умел.

В однокомнатную квартиру, которую Юрий Антонович снимал уже полгода, приехали за полночь. Было совсем невтерпеж, и после пятиминутного поцелуя Юрий Антонович расстег-

нул штаны. Там кое-кто уже ждал прикосновения нежной ручки.

— Так вот ты какой, — легонечко прикоснувшись, сказала девочка. — Ну, здравствуй, проказник. Сколь веревочке ни виться...

В прихожей скрежетнул дверной замок. Юрий Антонович замер. Дверь скрипнула, в прихожую вошли, зажгли свет...

Того, кто отворил дверь, следовало немедленно выставить! И утром замок поменять!

Возбуждение отхлынуло, Юрий Антонович попытался вернуть проказника на место.

— Стоять! — вдруг приказала девочка.

— Есть! — беззвучно ответил проказник. И сладить с ним было уже невозможно — окаменел.

В комнату меж тем вошли две женщины с портфелями — обе средних лет и какой-то подозрительной внешности: в таком возрасте уже не полагается носить длинную распушенную гриву.

— Вот, взят на месте преступления, — отрапортовала девочка.

— Этот, значит... Нужно проверить по базе данных. Уберите руки, гражданин!

Первая женщина достала маленький сканер и нацелила на проказника, вторая вынула из портфеля ноутбук, две папки с бумагами и даже портативный принтер.

Вс это она уложила на журнальный столик, смахнув на пол четыре грязные тарелки и шесть невымытых кофейных кружек.

— Он самый... — сказала женщина со сканером. — Член гражданина Тудыкина Юрия Антоновича. Генконтроль подтверждает, анализ ауры подтверждает. Ну, приступим. Подсудимый, встать, суд идет!

Проказник, который на секунду расслабился, четко выполнил распоряжение.

— Да что ж это такое! — заорал Юрий Антонович. — Откуда вы взяли на мою голову?! Убирайтесь отсюда!

— А вы не кричите, гражданин. Не к вам обращаемся. Вы по этому делу проходите только как свидетель. Садись, Матильда, — женщина со сканером указала подруге на кресло. — Диктофон включи. А ты, Марго, присматривай за свидетелем. Будешь заодно адвокатом. Я — судья, Марианна Винтер. Выездное заседание суда объявляю открытым. Итак — член гражданина Тудыкина Ю. А., белый, совершеннолетний, прописанный по адресу «подбрюшье Тудыкина Ю. А.», обвиняется в самостоятельном и неконтролируемом детопроизводстве. Его преступная активность послужила причиной рождения двух младенцев — у гражданки Тудыкиной Анжелы Тимофеевны, состоявшей с гражданином Тудыкиным в законном браке...

— Его преступная активность?.. — переспросил ошарашенный Юрий Антонович.

— Не перебивайте... И у гражданки Савельевой Марины Александровны, с которой означенный Тудыкин сожительствовал четыре года.

— Я не виноват, она сама хотела! Я предупреждал! Я деньги на аборт обещал! — принялся выкрикивать Юрий Антонович. — Это она! Она взрослая женщина! Должна понимать!

— А вас, свидетель, никто и не обвиняет. Итак, по вине подсудимого появились на свет два младенца. Свидетель, вы присутствовали при процессе зачатия?

— Кто, я? Да я...

— Присутствовали? — голос Марианны Винтер сделался каким-то оловянным.

— Ну... да...

— Вы не могли противостоять преступным намерениям подсудимого?

— Не мог... — совсем обалдев от безумия этого судилища, прошептал Юрий Антонович.

— Вы пытались объяснить ему неэтичность его действий?

— Ему?..

– В первом случае имело место так называемое супружеское сношение, – заметила белокурая Марго. – В брак вступают с целью детопроизводства.

– Свидетель, вы ставили перед собой такую цель?

– Нет! Нет! – завопил Юрий Антонович. – Какие дети, самим жрать нечего!

– Значит, подсудимый проявил инициативу и совершил оплодотворение без согласования с вами?

– Да!

– Так мы и думали. Не волнуйтесь, свидетель, вам ничего не угрожает. – Тут Марианна Винтер даже улыбнулась. – Как вы поступили, узнав, что будет ребенок? Говорите, не стесняйтесь. И не пытайтесь оправдать подсудимого.

Юрий Антонович вздохнул.

– Он поступил, как всякий мужчина, у которого образовался ребенок помимо его желаний, – сказала Матильда. – Упрекать его в этом нельзя.

– Что скажешь, Марго?

– Скажу в защиту обвиняемого – он был уверен, что в законном браке деторождение допустимо.

– Свидетель, вы предлагали обвиняемому меры защиты от деторождения? – строго спросила судья.

– Предлагал...

– Врет, – перебила Матильда. – Вот тут у меня показания пострадавшей. Воспользоваться противозачаточным средством предлагала как раз она.

– Свидетель?..

– Я ему говорил – давай, натягивай! А он! А он мне – да что ты, Юрка, это ж всё равно что в противогазе розы нюхать!

– Знакомая картина. Перейдем ко второму эпизоду.

– Это про Анжелку, что ли? Пьян был, ничего не помню! – официально заявил Юрий Антонович и испугался: кто поверит человеку, утверждающему, будто он три года подряд был пьян?

Но Марианна Винтер, кажется, поверила.

— Пьяный человек не может быть свидетелем противоправных действий члена, — согласилась она. — Нужно прояснить некоторые моменты биографии свидетеля. Гражданин Тудыкин, узнав, что у вас должен родиться ребенок, вы в панике покидали будущую мать и отбывали в неизвестном направлении?

— Почему же в панике? — возмутился Юрий Антонович. — Я им деньги предлагал! На аборт, то есть! Не брали!

— Тише, свидетель, тише. Записываю: в состоянии аффекта покидал женщин, потому что не хотел нести материальную ответственность за преступления подсудимого. И больше не появлялся.

— Не появлялся?

— Да.

— И в воспитании обоих младенцев участия не принимал? — допытывалась судья. — Да не волнуйтесь вы, свидетель. Мы же понимаем, что вы не можете отвечать за все безобразия подсудимого. Значит, когда выяснялось, что вы должны платить алименты, вы с чистой совестью меняли местожительство. Так?

— Так...

— Я вам сочувствую. Итак, подсудимый! — голос судьи стал грозен. — По совокупности преступлений вы приговариваетесь к десяти годам лишения свободы!

Проказник рухнул без чувств.

— Посади его в камеру, Марго, — велела судья.

Блондинка протянула нежные ручки, и Юрий Иванович едва не грохнулся по примеру проказника, увидев, как с пальцев слетают металлические струны, соединяются в сетку, сетка накидывается на проказника, прижимается к нему и, просочившись сквозь кожу, исчезает, не оставив следа.

— Что это?.. — без голоса спросил Юрий Антонович.

— Поздравляем вас, свидетель. Подсудимый больше не введет вас в расходы. Вам не придется прятаться от алиментов и работать без официального оформления трудовой деятельности. Вы можете вздохнуть с облегчением... — Судья улыбнулась. — Вам предстоят десять лет спокойной жизни.

А за это время подсудимый одумается и уже не захочет безобразничать.

– Как это – не захочет?!

– Десять лет лишения свободы – хорошее средство для таких подсудимых. Только вы ему порнографических журналов не показывайте – плакать будет.

– Да вы что? Охренели? Как же я теперь?.. – забормотал Юрий Антонович. – Как же я без него?..

– Вы чем-то недовольны? – удивилась Марианна Винтер. – Девочки, он недоволен!

– Пусть он подаст апелляцию, – предложила белокурая Марго. – Помогите ему составить! Только с апелляцией такое дело – ему сперва придется возместить материальный ущерб. Сумма алиментов в первом случае за восемь лет, во втором – за четыре года. Матильда, сделай-ка распечатку.

Перед Юрием Антоновичем положили листок с такими цифрами, что глаза у него полезли на лоб.

– Вот и всё, – сказала Марианна Винтер. – Выездное заседание суда объявляю закрытым. Идемте, девочки. Мы сегодня неплохо поработали.

– Привет подсудимому! – Марго помахала ручкой. – Вы мою Матрену с собой взяли?

– Как же без нее? Открывай окошко.

Три метлы ворвались в комнату и устремились к хозяевам. Матильда сложила все бюрократическое имущество в портфели, а портфели пристегнула к отполированным палкам.

– Матрена, Матрёнушка... – Марго погладила взъерошенные прутья. – Не поминай лихом, подсудимый!

Когда последняя метла со свистом унеслась в окошко, Юрий Антонович посмотрел на узника незримой решетки, схватился за голову, сел и громко заплакал.

ЮЛИЯ РУБИНШТЕЙН. СОБСТВЕННОРУЧНО

– А главная бумага где?

Слова сторож выговаривал нечётко, с просыпу или спяну. И какая бумага ему главная, было не понять.

– Вот все документы, – сказал Малёхин и снова сунул сторожу всю пачку.

– Не-не, – отстранил тот его руку нечистой грабкой с чёрными ногтями, – ты главную. Собственноручное прошение.

Малёхин промолчал, наверное, минут пять. Чтобы насамоголенный доверху кекс мог выговорить такое, да таким тоном. Пять минут молчания по дядюшке.

– Чьё... собственное... ручное...

– Покойного! Ик! – торжественно завершил сторож.

– Да ты что... да...

Малёхин понимал, что он бесправен, что над ним глумятся, что плевать против ветра... – и так далее, но не в силах был остановиться. Точку поставил только хлопок двери в сторожку.

Со злости Малёхин так стукнул дверцей своей «семёрки», что чуть не развалил её вдрызг. Придётся назад, в Гдов.

В ритуальной конторе «Покой» при райзагсе девушка-приёмщица, зевнув, подтвердила:

– Да, с послепасхи... с радоницы... нынешнего года... Требуется собственноручное заявление покойного.

– Завещание, где было бы? – Здесь Малёхину было легче объясняться, здесь хотя бы понимали привычные термины. Да и выглядела приёмщица симпатично: пухлые губки, холёные накрашенные ноготочки, глазки с поволокой. Не тот вурдалак с чем-то запёкшимся под ногтями.

– Нет, – вздохнула девушка. – Ну как вы все не понимаете. На подзахоронение нужно личное, собственноручно написанное, синими или лиловыми чернилами, напечатанное не принимается, заявление покойного по установленной форме, с перечислением всех захороненных на указанном покой-

ным кладбище родственников со степенями родства, завизированное этими родственниками.

И она вскинула на Малёхина ясно-серые глаза, широко взмахнув ресницами.

Голова Малёхина отказывалась варить.

Он всё же преодолел себя и выдавил:

— А форму... ознакомиться?

Девушка подвинула к Малёхину по столу лист.

Как взял его в руки, как вышел из кабинета, как очутился на парковке — Малёхин не помнил. Очнулся, когда сообразил, что сейчас ткнётся лбом в столб.

На столбе трепыхались клочья. Так же, как и у Малёхина всё трепыхалось внутри. И мелькало перед глазами.

Вчитался. Привычка, что поделать. Увидел что напечатанное — читай.

«ВЫЗОВ ДУХОВ»

Каких ещё духов... Шанель? Красная Москва?

Неуместное просвистело игриво в замученных извилинах, но читать и понимать стало легче. Вызов духов, дипломированный спирт, любая эпоха со времени заселения края (VII век), материализация артефактов за отдельную плату. И борода телефонов понизу объявления.

Конечно, это не монтировалось с малёхинским высшим техническим, ещё советским. Но вдруг там внесут ясность — почему тот хрон и эта фифа, да такую одинаковую фигну? Не в полицию же, в самом деле. Попробуй здесь её ещё найди.

По телефону ответил поставленный лекторский голос:

— Собственноручно покойным? Вы знаете, сударь, у нас онлайн не приветствуется. Все договорённости только при личной встрече.

Малёхин перевёл дух. Как приятно общаться с таким человеком. С каким именно — так и не отдал себе отчёта.

Под ложечкой нехорошо задрожало, когда въехал в ворота по адресу, названному уверенным голосом. Проулок между двух стен старого закопчённого кирпича, нескончаемой длины проулок. И где могут тут быть дома-то таких размеров? Кованые ворота, каждая половина украшена кованым же изображением парусника и какими-то незнакомыми символами полукругом под ним.

Когда капот «семёрки» приблизился вплотную к железу, ворота заскрежетали и открылись. Обе половины строго одновременно, симметрично. Никого за ними не было.

– Кар-р-р! Гар-р-р! – раздалось сверху.

– Заезжайте, – донеслось из окна, выходявшего во двор. – Я вам открыл, а закроются сами.

Офис дипломированного спирита был всему этому под стать. Компьютерный стол с этажеркой и на нём двадцатичетырёхдюймовый монитор. Кабели под ногами, во все углы. Высоченный, как в средневековом соборе, стрельчатый лепной потолок. Диплом в рамке, готическим шрифтом, кое-как прочёл: ACADEMIA SPIRITICA. Вместо подписи бурый оттиск пальца. Над дипломом – череп. Настоящий, человеческий. На противоположной стене гобелен с планетами, в том числе языкато-пламенным Солнцем, обращающимися вокруг Земли. И рядом шкаф, полный железок самого археологического вида.

Договор был составлен быстро.

– Принципиально не нанимаю секретарш, после того как лучшую сожгли в Нюрнберге в тысяча шестьсот... дай нечистый память... исполняла по своей профессии должность, облако ей пухом... Только сам. Перекусить тоже не предлагаю, не все могут при свете очей моего учителя и советчика... – И кивнул на череп. – Значит, собственноручное... Как вашего родственника зовут? Малёхин Неодим Прохорович? – прошение о подзахоронении на кладбище деревни Лунёвщина Гдовского района Псковской области, заверенное. Крещёный Прохорович-то? Кто он вам?

– Дядя, – буркнул советский инженер. – И как вы себе представляете имя Неодим в святцах? Любого попаика кондратий бы объял.

Дипломированный спирт расхохотался. Неприятно, лязгающе.

– Это упрощает. Кстати, не представился: Вальдемар.

– Артур Михайлович, – ответил Малёхин.

– Тоже упрощает. Ясно, что некрещёный. Как я понял, действуем немедленно?

Малёхин кивнул в ответ на оба вопроса-утверждения сразу.

– Значит, неперменные условия... Пока идёт... э-э-э, процесс – никаких упоминаний бога, чёрта, лешего и прочих. Они намного сильнее и могут испортить всю музыку. Это раз. Необходимые материалы покупаете сами. Я ещё не знаю, что может понадобиться, ведь мы пока на место не выехали. А понадобиться может разное. Это два. Личное присутствие покойного. Это три. И четвёртое: строго повиноваться каждому моему слову. Осознали?

– Да он в Пскове, в морге! – возмутился Артур Михайлович. – Я предполагал договориться о рытье могилы, а тут преподносят! И вы туда же!

– Забираете и везёте сюда. Ведь на похороны и так привезли бы? Вот и везите. А я как раз подготовлюсь. И попрошу задаток на бочку – десять тысяч рублей!

Малёхин внутренне выдохнул. Кто его знает, дипломированного. Хорошо, что не кровью... или чем там у них принято.

Ночь была настолько черна, насколько это возможно осенью на берегу Чудского озера. Да вдобавок в условиях какого-никакого, а города. С набрякшего неба, еле подсвеченного оранжевыми фонарями, там, в трёх верстах, на центральной улице Гдова, лило потоками.

Артур Михайлович и дипломированный спирт Вальдемар были в дождевиках грибников. Дядюшка Малёхин покоился в прицепе к «семёрке», покрытый сверху поливиниловым чехлом.

– Всё с собой? – пролезгал Вальдемар. – Вино?
– Угу, – промычал инженер Малёхин.
– Красное?
– Как сказали, «Медвежья кровь».
– Кисти?
– Угу.
– Три небьющиеся кружки?
– Угу.
– Серебряное что-нибудь?
– Ложка чайная подойдёт? – вопросом на вопрос ответил Малёхин. Очень уж неудобно было. И дожdevик оказался дырявым, за шиворот текло.

– Да, – кивнул Вальдемар. – Приступим.

Он вышел из машины и свистнул. Да так, что у Артура Михайловича засвербело в ушах. Даже сквозь дверцы.

Раздались хлюпанье, шлепки, и соискатель потустороннего артефакта понял, что к машине подошли ещё несколько человек.

Когда Вальдемар скомандовал выходить, гроб с телом дяduшки уже стоял перед дверью какой-то избушки. Дождь как будто притих, но по пластику плаща всё равно постукивало.

– Негасимый давай, – сипло приказал Вальдемар.

Из-под полы одного помощника явился какой-то свёрток. Потом откуда-то вытащили корыто, и в нём запылал огонь, иногда шипя от падающих капель дождя. Завоняло горелой промасленной ветошью.

– Адскую смолу! – рыкнул спирт.

Над корытом появилась тренога с котелком на ней. Вонь усилилась.

– Вино в кружку, и ложку туда, – цыкнул Вальдемар своим. – Кисть! – обернулся к Малёхину.

Тот задрал дожdevик, подал чёрному магу купленную сегодня обыкновенную макловицу.

Послышался стук, в котелке размешивали, а потом раздалось:

– Эхваз, Турисаз, Вуньо!

Вальдемар намалевал друг за другом три фигуры на двери избушки, после каждой вновь макая кисть в чёрную субстанцию. С неё капало в огонь, жжёная резина через нос забиралась, казалось, в самые мозги.

Последний знак был похож на хорошо знакомое Малёхину английское «дабл-ю», символ Интернета, и инженера обуяли сомнения.

– Развинтить кр-рышку! – Голос спирита набрал силу. – Для вопрошания!

Трое, подошедшие к машине, кинулись снимать чехол с прицепа. Гроб с телом сгрузили наземь, отвинтили болты крышки, и на лицо покойного упали отблески огня.

– Ты – кружки наготове, а ты... – Вальдемар ткнул кистью в сторону подбежавшего помощника и попал прямо ему в грудь. Вспыхнуло ярко-красное, с чёрными прожилками, пламя, раздался вой боли, чёрная против света костра тень метнулась, споткнулась и упала прямо поперёк гроба. Многоэтажный мат на секунду покрыл все остальные звуки, но тут прорезалось ещё громче:

– Шевели-и-тся! Ма-ма-а-а!

Упавший, обхватив тело покойного Малёхина, как будто пытался не дать тому встать из гроба. Артур Михайлович увидел руки дяди: они мотались вокруг обезумевшего, хватали воздух. Ноги лягали покрывало, точно пытаясь его сбросить, высвободиться. Гроб лизали языки огня.

– А-а-а! – будто со стороны услышал он, не соображая что блажит сам. Кинулся во тьму, подальше от багрового и чёрного. Ударился плечом, понял – дверь, затряс отчаянно. Подалась! Ноги заплелись, он не вошёл, не вбежал, а ввалился в постройку.

Там было почти светло. Но не кровавым отсветом костра, а словно бы дрожал электрический синеватый отблеск. Висел над полом сам по себе, ни на что не опираясь. От него тянуло жаром. Между двух огней!

Ноги подогнулись сами. Рухнул на пол, больно расшиб колени. Головой попал в мягкое.

И тут же на него рухнул кто-то ещё. Живой.

– На-ж-г-рался и др-р-рыхнет! А мы надр-ры... Ик!

«Ик» вырвался у того, живого, от ужаса. То, во что влетел макушкой Малёхин, схватило его за загривок и теперь поднималось. Синий свет набирал мощь. Потрескивало. Малёхин взopil петухом.

– Р-р-ра-а-а! – грянуло над головой.

Малёхин заизвивался улейкой на крючке. Шею жгло, волосы стояли дыбом, вокруг головы трещало и несло горелым. Ещё чуть – и лопнет сердце.

– Попрошу без рук! – Сам себя не услышал.

Но сверху отдалось эхом:

– ...ква?

Не головным, а спинным мозгом, печёнками угадал интонацию вопроса. Вопрос... Колебание врага – половина победы!

– Хенде хох!

Хватка на загривке разжалась. Малёхин рухнул и взвыл – сбитые коленки пронзило болью. Но сумел подняться и заорать громче прежнего:

– Хенде хох! Гитлер капут!

Синий призрак поднял бесплотно сияющую руку, словно намеревался почесать в затылке.

Пока медлит – вон, подальше!

Артур Михайлович метнулся наружу и тут же врезался в кого-то. Тёплым и мокрым лягнуло по лицу. Вцепился намертво, как защёлкнул объятие. Тряс, ломал противника, пока не разглядел на нём покрывало дядюшки.

– Ы-ы-ы! – вырвалось истошное.

Всей прибывшей со страху силёнкой навалился, затолкал в гроб. Руки ощутили, словно без участия извилин: пусто. Значит, мёртвого – туда...

Но тут же в голову как стрельнуло: дядюшка-то должен ведь написать бумагу, спирт обещал. А для этого надобно, видимо, ожить. И ожил...

Значит: отставить панику. Всё идёт по плану.

– Дядя... гм... простите, я просто хотел, чтобы вы сели поудобнее...

Вышло сипло – сорвал голос.

– Гы... – ответили из покрывала. – На Чижика орал, что ль? Чисто Гитлер, мы тут за него вкалывай, а он дрыхнет...

Звяк-бряк-звяк – залязгало сзади. Свистнуло-провыло коротко и незвонко, ведьмовским контральто – и в доски гроба вонзилось железо: топор вроде кухонного секача для капусты, с наверхьем-пикой. Красные языки пламени мызнули в стороны, точно припугнувшись. Синий морок дрожал в глазах, лицо дяди лиловело незнакомыми тенями.

Дядя подскочил, вывернувшись из рук.

И только тут увидел Артур Михайлович: это не дядя!

Отпрянул.

А незнакомец заорал:

– А-а! Мати-заступница! Чижик, прости, ей-бо, не со зла!

– Дак московской? – раздался густой бас. – Чего было свейскую суматоху городить?

Поросёнком заверещал малёхинский сосед, выскочил из гроба. Но тут же упал, запутавшись в покрывале.

Малёхина взбросило на ноги, лишь смутно мелькнуло в голове: не дать сбежать, жульё. Пусть оно само и расхлёбывает. Не меня секачом, не меня!

Рванул крикуна с земли за одежды:

– Это твой Чижик? Стоять оба! Смир-р-на!

Получилось почти как у кавторанга с военно-морской кафедрой.

– Сильно хмельное, – уважительно сказал синий, выпив кружку болгарского креплёного «Медвежья кровь». – Вечного покою дяде твоему.

Синим он давно уже не был. Как только прекратился коронный разряд, так и перестал.

– Волоса дыбом, – пояснил. И зыркнул неприязненно на помощников спирита.

Того след простыл, но трое полусидели рядом, связанные одной верёвкой, на которой сами и тащили гроб. Давешний сторож — с краю. Один конец верёвки был прикручен к двери избушки, из которой явился неожиданный знакомец.

Дядя был на месте, прибран — и пребывал в состоянии того самого вечного покоя, из коего никаким спиритизмом не вытащишь. Адская смола при ближайшем рассмотрении оказавшаяся резино-битумной мастикой. Она догорела, запах и тот уже выветрился. В небе вызвездило, полная луна серебрила округу, однако не проливала света.

Кто ж это такой, категорически не вписывающийся в науку? По-русски говорит вполне понятно, вино пьёт так вкусно, как сам Артур Михайлович сроду не пивал. Откуда взялся — ответил уверенно: с Лунёвщины.

И в то же время хлопнуть его по плечу не получилось: рука прошла насквозь, да таким холодом обдало — бррр.

— А напишешь мне бумагу? — решил Малёхин приступить к самому главному.

— Какую бумагу, господине! Достогнать надобно молодчика-то, потревожива мене!

Постсоветский инженер был только «за».

Новый помощник единолично погрузил гроб обратно в прицеп и взгромоздился рядом, пояснив:

— Не сяду в безлошадны дровни-то. Не папёжник чай, не стригольник...

В серебристо-белых столбах лунного света, в ярко-чёрных тенях столбами доехали до давешнего проулка. Кованый парусник и непонятные иероглифы вокруг сияли синевато — по этому мреющему дрожанию и узнал Малёхин место: похоже было, что сами светились, изнутри, из металла, в не отражали луну.

Спутник соскочил с прицепа. «Не зашаталось», — со смятием стрельнула мыслишка в малёхинской голове. Нету массы. А тот топор как же?..

Прыгающие мысли прервал лязг. Дюжий молодец колотил обухом своего оружия в ворота.

— Отпирай, скалдырник!

Послушали, пока утихло эхо. Ни звука больше, ни шевеления.

Снова — дынн-дзынн-дадах!

— Знаю, дома ты, немец поганый!..

С третьего приступа ворота рухнули.

Подхваченный неведомой силой Малёхин вскочил с сиденья и устремился за вооружённым товарищем, слыша лишь топот своих ног и грохот своего сердца: тот двигался совершенно бесшумно, пока не принимал решения пошуметь.

Крыльцо. Дверь. Она уступила легче чем ворота. Кажется, спутник даже насквозь её прошёл.

Откуда-то из недр дома послышалось скулящее подвыванье.

Торжествующий клич слился с грохотом и треском: рухнуло, расседаясь, что-то деревянное. Оказалось, дверь в кабинет. И тотчас вокруг вспыхнуло невыносимо ярко, зажглись разом все свечи во всех шандалах, и взору бывшего советского инженера предстал хозяин в ожерелье из головок чеснока, в железном шлеме самого киношного пошиба, со спускающимся на глаза куском кольчуги, с толстой, явно рукописной книгой в руках.

Рот раззявлен — бормочет что-то без голоса, одними лиловыми скороротившимися губами.

— Стой! — закричал Малёхин, видя, что спутник уже занёс свою алебарду для удара, и понимая, что удар будет смертельным. Вцепился в древко, в середину. — Ему ж ещё бумагу писать!

Теперь было видно, что у спутника нет тела в медицинском понимании этого слова — лишь синее сияние. Смешиваясь с жёлтым отблеском свечей, оно давало волны зелёного, бежавшие снизу, от ног к голове. За ними мчались золотые огоньки, и снова синее затапливало весь очерк фигуры.

Спирит Вальдемар, зажмурясь, всё мямлил беззвучно. Ему было не до этого великолепия.

— Вальдемар, чтоб тебя! — продолжал Малёхин, борясь с товарищем, который изо всех немалых сил тянул на себя древко оружия, пытаясь высвободить его. — Он же в сам-деле убьёт! А мне дядю хоронить! Обещал — пиши! Деньги плачены...

Слово «деньги» будто пробудило Вальдемара.

Он дёрнулся, что-то прокричал, и синий мститель вырос под потолок комнаты. Малёхина взнесло на древке, как лоскут.

Руки разжались сами. Рухнул и, ещё падая, услышал петушиный крик.

Приземлился на четыре кости, в глазах искрануло от боли. А когда улеглось — увидел, что хозяин лежит навзничь, рядом алебарда нечеловеческих размеров, метра в три длиной и с метр лезвие.

Опомнился. Схватился за карманы. Ура, смартфон тут. Отщёлкал несколько кадров.

За окном светало. Набрал полицию.

— Ну зачем было уж так-то? — увещевательно усмехался в усы старлей. — Всех четверых пришлось в больницу... Зачем? Превышение. При таком оружии. Ну да, старинное, холодное... сами сдаёте, условие освобождения от ответственности... Но надо соизмерять!

— А эту, загговскую-то? — настырничал Малёхин. — Ту, что про собственноручное? Сообщница или как?

— Следствие ответит, — флегматично хмыкнул старлей. — Кстати, схемку попрошу, точное расположение могилы гражданина Малёхина Неодима Прохоровича. Ах, не похоронили ещё? В прицепе лежит? Надо и с него показания взять, как-никак свидетель.

ЖЕНЯ СТОРОНКА. МОЯ ДОРОГАЯ

Микась сидел, пил квас и думал. Мысль шла всё больше туманная, но должна была вот-вот проясниться и где-то за грудной уже начинала подниматься тягучая волна предвкушения.

— А что, таки ж хорош этот квас по Матрёнину рецепту! — гаркнула Праська и с грохотом поставила опустевшую чашку на стол. Посуда дружно подпрыгнула, мысль испуганной мышью метнулась в самый тёмный угол сознания: выманивай её теперь.

Взгляд Микася заледенел.

Праська отёрла рот тыльной стороной ладони и удовлетворённо крякнула. Налила добавки, отпила, почмокала губами. Взяла тряпку и щедрыми взмахами прошлась по столу. На Микася пахло запахом щей и вчерашних оладий; где-то в отдалении успокоительно мычала корова.

Микась задумался о вечном. Праська вспомнила про недопитый квас.

— Ох, и хорош, — обведя кухню победным взглядом, упёрлась им в Микася: — Хорош же квас по Матрёнину рецепту? Что молчишь?

— А чо говорить? Ты трындишь одно и то же каждый божий день уже лет тридцать!..

— Так ведь хорош же квас!..

— Неужели ты не можешь на мгновение забыть о своём проклятом квасе?! — взревел Микась. — Заткнись хоть раз, оглянись вокруг, послушай тишину!..

— Не, если он тебе не нравится — ты только скажи...

Слегка подвыв от бессилья, Микась метнулся в сени, откуда воротился озверелый и с большим колуном.

— Ой, мамочки, — всполошилась Праська, — Ой, что же это дееется!.. — И загорланила в окно: — Помогите, люди добрые! Убивают прям средь бела дня!..

Крик оборвался; притихшее село внимало.

Неделю Микась наслаждался тишиной и думал о вечном. Соседские бабы обходили его дом далёкой стороной, вечерами без усталости пересказывая, как Микась Зарянов свою бабу топором зарубил... опять. Мужики тоже не шибко беспокоили. И лишь коровы мычали как прежде, ничуть не заботясь о сосед-

---

ских делах. Мысли осмелели и бегали вольготно, никуда не прячься. Наступила благодать.

А потом Микась заскучал. Мысль пошла беспокойная и все больше портила сон, очень не хватало Праськиного баса. Запах щей выветрился, в кухне стало тоскливо. Иногда Микась забывался и начинал прислушиваться, не гремят ли на ближних мостках шаги супружницы, потом вспоминал и выпускал протяжный вздох.

Окончательно захандрив, Микась смирился с неизбежным и позвонил в город. Пару дней спустя во двор въехал грязный белый фургон с надписью на борту «Репликация для всех» и из дверей его выпала слегка помятая и взъерошенная Прасковья.

— Нет, вы поглядите! — завопила она, заметив вмятину на клумбе. — Ну ведь каждый раз говорю, ведь каждый раз!..

Микась сидел на крылечке и блаженно жмурился, вслушиваясь в родные раскаты.

— Вот я тебе сейчас растолкую, как по клумбам раскатывать! — Праська ухватила приваленную к поленнице оглоблю и двинулась на грузовик. Тот спешно сдавал назад. Свернув в развороте жестяную бочку, он выскочил на дорогу и резво заскакал по ухабам.

— Беги шибче! — вопила Праська, помахивая оглоблей для острастки. — А то догоню, не посмотрю, что городской!..

Убедившись, что враг скрылся в клубах пыли, Праська перехватила оглоблю половчее и развернулась к супругу.

— А я тут блинчиков испёк, — молвил тот елейным голосом, на всякий случай весь подобрившись.

Прасковья издала неопределённый взрык, примерно расшифровав который, Микась попытался скрыться, да на беду, огибая дом, ступил ногою в ведро.

Долго ли, нет ли, в доме царила благодать. Мужики в селе шёпотом рассказывали друг другу, как Микася отходила оглоблей его баба... опять. Микась потирал бока, наслаждался запахом щей и бодрящими раскатами родного баса.

— А что, — сказала однажды утром Праська, — таки ж хорош этот квас по Матрёнину рецепту!

ВАДИМ АСТАНИН. ДЕЖУРНАЯ ИГЛА КОЩЕЯ

В научно-исследовательском институте здоровья и долголетия всерьёз занимались проблемами человеческого бессмертия. Это не было поверхностной работой: здесь не составляли рецепты правильного питания, не сочиняли формулы лечебной косметики, не омолаживали вдыханием чистого кислорода в барокамере — нет, здесь разрабатывали способ достижения настоящей вечной жизни совокупно с перестройкой всего организма на основе био- и нанотехнологий. Революционной разработкой института была комбинированная сыворотка, увеличивающая продолжительность жизни человека до трёхсот пятидесяти лет (теоретически) и возвращающая организм подопытного на уровень тридцати пяти лет (практически).

Для проверки сыворотки первоначально использовались мелкие грызуны (крысы) и животные-долгожители (клювоголовая рептилия гаттерия, слоновая и сейшельская черепахи, азиатский слон, розовый фламинго, новозеландский совиный попугай какапо).

Затем, после закрепления устойчиво положительного результата, начались испытания на добровольцах. Волонтёрами набирались офицеры в возрасте от сорока до сорока пяти лет, физически здоровые, морально устойчивые, холостяки. За участие в эксперименте добровольцам обещалось денежное вознаграждение в сумме трёхсот пятидесяти тысяч рублей и сертификат на двухкомнатную квартиру, либо автомобиль «Лада Гранта» с доплатой государством разницы между ценой автомобиля и обещанным денежным вознаграждением.

Однако никто из них награду не получил. Не по своей вине, конечно. Виновата была сыворотка, которая прекрасно работала на животных, но на людей воздействовала самым непредсказуемым образом...

Трое мужчин шли по коридору, скупо освещённому диодными светильниками. Звук их шагов гулким эхом отражался от бетонных стен, бетонного пола и потолка, дробился, троился и затихал в сумеречной бесконечности бетонированного тоннеля. Первым шествовал куратор от заинтересованных кругов и инстанций генерал-лейтенант Храпунов Демьян Киприанович, шестидесяти трёх лет от роду. На вытянутых руках он бережно нёс резную шкатулку, сделанную из морёного дуба. Лицо генерал-лейтенанта было торжественным и одновременно задумчивым.

За Храпуновым вышагивали подчинённые генерал-лейтенанта — ведущий специалист Марусевич Пётр Александрович, сорока восьми лет, и его помощник, двадцатипятилетний младший научный сотрудник Воронковский Виктор Андреевич. В руках подчинённые несли строго бумажные носители: лабораторный журнал — две штуки; детальное, по пунктам, расписание планового эксперимента, напечатанное на пишущей машинке — одна штука; рулон с графиками — одна штука. Младший научный сотрудник Воронковский, кроме рулона, имел при себе видеокамеру на штативе для фиксации всех стадий натурального тестирования модифицированной сыворотки. Институтские правила в целях безопасности запрещали пользоваться компьютерной техникой и системами видеослежения, все вычисления делались по старинке: с помощью логарифмических линеек и советских арифмометров «Феликс-М»; тексты печатались на пишущих машинках «Любава»; графики чертились на кульманах; изображения фиксировались на плёночные зеркальные фотоаппараты «Зенит-19» и кассетные видеокамеры «Sony».

У этих правил имелась и отрицательная сторона: вышестоящими инстанциями в институте отмечалась сильная текучка кадров, молодые сотрудники, непривычные к спартанским условиям сохранения и передачи информации, увольнялись пачками. Но те, кто приспособивался и оставался, представляли собой золотой фонд отечественной науки. Достоинно оплачиваемый, надо заметить. Поэтому количество соискателей на освободив-

шиеся места не уменьшалось. Кроме денег, молодых учёных привлекала возможность быть на самом острие научно-технического прогресса, заниматься перспективными исследованиями и личным участием совершать технологические прорывы. Коротко говоря, созидать будущее – как бы пафосно это ни звучало.

В конце коридора они остановились перед толстой бронированной дверью, охраняемой часовыми в полной боевой экипировке «пересвет».

Ведущий специалист Марусевич приложил к инфракрасному считывателю электронного замка карточку личного доступа. Звякнул разрешающий сигнал, и Пётр Александрович приложил к сенсорной панели правую ладонь.

На фронтальной пластине загорелось второе зелёное окошко. Марусевич наклонился, приблизив лицо к сканеру радужной оболочки глаза.

Вспыхнувшее третье зелёное окошко показало, что протокол монопольного доступа отработан без ошибок. Закрутились маховики, включая замковый привод – и дверь раскрылась.

За дверью находился белоснежный стерильный изолированный бокс, отделённый от комнаты наблюдения толстым бронированным стеклом.

В центре бокса стояло прикрученное к полу болтами кресло. Сейчас в нём сидел обнажённый по пояс мужчина. Его руки и ноги были накрепко зафиксированы кожаными ремнями.

Генерал-лейтенант Храпунов церемонно передал шкатулку младшему научному сотруднику Воронковскому, положил перед собой на стол снятую фуражку, нажал на кнопку интеркома и спросил отеческим тоном:

– Как дела, боец?

– Доброволец-испытатель старший лейтенант Конечный, возраст – сорок пять лет, к проведению эксперимента готов!

– Молодец!

Генерал-лейтенант повернулся к ведущему специалисту Марусевичу и отрывисто скомандовал:

– Начинайте!

Ведущий специалист тотчас щелкнул рубильником. Коротко взвыли и затихли сирены, в боксе открылась потайная дверь, над которой немедленно зажглась красная лампочка. Сотрудник, облачённый в белый защитный костюм, отработанным движением прижал дуло вакуумного шприца-инъектора к предплечью добровольца-испытателя Конечного, нажал на курок, взмахнул подтверждающе рукой и быстро, почти бегом, удалился.

– Читайте, – распорядился генерал-лейтенант Храпунов.

Марусевич достал секундомер.

– Десять секунд – изменений нет. Двадцать секунд – визуально наблюдаю изменение цвета волос: седина исчезла. Тридцать секунд – изменение кожи лица: исчезли морщины. Сорок секунд – визуально изменений не наблюдаю. Пятьдесят секунд – изменений нет. Шестьдесят секунд – изменений нет. Минута десять секунд – изменений нет. Минута двадцать секунд – изменений нет. Минута тридцать секунд – изменений нет. Успех, Демьян Киприанович??!!

– Какой, к чёрту, успех?? Смотрите!!

– Минута пятьдесят секунд, – упавшим голосом сказал Марусевич. – Наблюдаю органические изменения в теле испытуемого. Трансформация кардинальная, ураганного типа. Две минуты, восемь секунд – трансформация испытуемого завершилась.

– Играйте тревогу, Марусевич! – приказал генерал-лейтенант, надевая фуражку.

Ведущий специалист покорно надавил на клавишу общей тревоги.

В боксе уже не было добровольца-испытателя старшего лейтенанта Конечного. Старший лейтенант Конечный куда-то бесследно исчез, навсегда испарился – и вместо него, гордо распрямив тощие плечи, находилось нечто, видом своим напоминающее человека, но человеком по факту не являющееся. Ходячий скелет, обладающий недюжинной силой, с лёгкостью рвущий крепкие кожаные стяжки.

— Я властелин мира, — отвратительным скрипучим голосом объявило существо. — Утвердив столб от земли до неба, могу всю Вселенную повернуть! Запомните, не умру я никогда! Я бессмертен! Кощей Бессмертный перед вами!

— Не такой уж ты бессмертный, — без малейшего удивления отвечивал генерал-лейтенант Храпунов Демьян Киприанович. — Яйцо!..

Младший научный сотрудник Воронковский мгновенно протянул генерал-лейтенанту открытую шкатулку.

Храпунов благоговейно извлек из шкатулки большое черное яйцо, видом и размерами схожее со страусиным, резко ударил его об стол.

Яйцо с треском раскололось на две половинки. Генерал-лейтенант отбросил в стороны разбитую скорлупу.

Над столешницей, попирая объективные законы физического мира, висела тонкая блестящая игла. Храпунов взял из воздуха иглу и переломил её быстрым движением. Существо в боксе грянуло наземь.

— Финита, — буднично произнёс генерал-лейтенант, бросая обломки иглы на стол.

Ведущий специалист и младший научный сотрудник молчали. Наступало время разноса.

— Что я могу сообщить вам, товарищи учёные... — ласковым тоном начал Храпунов. — Плохо! Сто пятьдесят третье испытание... — продолжал он, разгоняясь, — ...сто пятьдесят третье и никакой позитивной реакции. Сто пятьдесят три!! Да на вас офицеров не напасёшься, товарищи!! Пётр Александрович, вы топчетесь на месте!! Это неприемлемо, Пётр Александрович!! Вам до сих пор не удалось стабилизировать процесс. За весь отчётный период — тридцатисекундный люфт. А что должно быть?? Закреплённый животворный эффект, растянутый в бесконечность!! И вот это??!! Это что вообще??!! Суеверие дремучее!! Я вам кто??!! Я генерал, а не волхов языческий — яйца бить и иглы пальцами ломать!!!!

— Волхв, — почтительно уточнил младший научный сотруд-

ник Воронковский.

– Молчать! – зловеще прошипел Храпунов.

– Вы правы, товарищ генерал... – Марусевич отключил сигнал общей тревоги. – Вы абсолютно правы.

– Больше вам нечего добавить, товарищ ведущий специалист?

– Вы же сами всё видели, товарищ генерал-лейтенант.

– Я видел... но предупреждаю: долго прикрывать вас я не смогу. Максимум – шесть месяцев, крайний срок – год. После этого... – Храпунов поднял указательный палец к потолку, – ...там окончательно сделают соответствующие выводы. Запомните, не поздоровится никому – ни вам, ни мне.

– Я понял, товарищ генерал-лейтенант.

– Да... – Направляясь к выходу, Храпунов на мгновение замер. – И выясните, наконец, почему, чёрт подери, они постоянно говорят цитатами из этого фильма??? Как там его???

Вспоминая, генерал-лейтенант щёлкнул пальцами.

– Кощей Бессмертный? – услужливо подсказал ведущий специалист Марусевич.

– Именно, – жёстко отчеканил Храпунов. – Кощей Бессмертный!

АННА РЭЙВЕН. НАЗЛО

– Но я не хочу захватывать мир! – объявляет новоставленный принц Абигор, и Совет замирает, парализованный ужасом.

Как это – он не хочет? Как это нет?! Для этого ли его рождение было распланировано всеми силами ведьм, высчитано по гаданиям темных жрецов, по выжженным органам и пеплу сожженных деревьев? Три года и три месяца трудились они, не покладая рук, чтобы Тёмный Властелин и его Злая Королева явили в этот мир самого яростного захватчика. Было убито три десятка баранов в милость темным богам, в гадание сожжено две деревни с жителями, в дар и зачин на будущее было броше-

но множество клятв. А теперь — этот вот... не хочет! Нахал! Подлец! Да как его только тьма носит?!

Злая Королева была убита сразу же после рождения наследника, чтобы мальчик не знал ласки. Темный Властелин отдалился от своего сына и все годы винил его в гибели жены сквозь кровоточащие раны собственного сердца, чтобы мальчик никогда не знал жалости и сочувствия.

Маленькому Абигору рассказывали, что люди — ничтожество и рабы, что их надо покорять высшим, темным существам, что только всё, что имеет темный свет — подлость, вероломство, нахальство — всё это ценно, а всякая мораль и добродетель должны остаться за порогом.

И вот он теперь не хочет!

Его кормилица разбавляла молоко кровью, ему давали сырое мясо, рассказывали о пытках вместо сказок и пугали каждую ночь, едва он научился ходить. Обучали будущего захватчика ломать кости, рубить головы, пересчитывать души и ввергать в грех, а теперь, когда мертв его отец, когда корона на голове принца и легионы тьмы готовы выступить в свою последнюю битву — он, видите ли, не хочет! И плевать ему, что из окна видны развевающиеся флаги ожидающей армии нежити и поднимающиеся пары клубов из котлов с зельями. Ведьмы готовят свои метлы и амулеты, вампиры полируют зубы жемчужным порошком, нежить гремит костями, оборотни прокашлялись от шерсти... а этот вот не хочет.

— Мой Господин... — Мудрый Демон-Наставник, тот самый, кто читал юному принцу сказки об ужасах и смертях, рассказывал ему о пытках и о том, под каким углом заносить топор над голову жертвы, очнулся первым. — Мой Господин, ваше темнейшество, ваше злодейшество, легионы построены! Портал открыт до кровавой луны, и наши солдаты давно желают устроить на земле свой филиал.

— А мне плевать, — сообщает Абигор, пожимая плечами. — Без моего приказа никто не вылезет в бой. А приказ я не намерен отдавать.

Шепот. Испуганный шелест. Мысли: «спятил?»

— Вы же зло! Зло в чистом... тьфу ты... в грязном виде, но в смысле... — то есть абсолютное зло! — срывается с губ Старой Ведьмы. Она обижена больше всех. Ее род никогда не был любим во Тьме, и когда сам Темный Властелин призвал ее на службу, обещая войну под руководством своего сына, что должен повергнуть весь мир во мрак, она обрадовалась, и почувдилось ей, что в этом начало новой главы истории ведьм! А этот... не хочет!

— Зло? Да. Идиот? Нет.

Советники негодуют, шепчутся, но не рискуют показывать гнев открыто.

Принц Абигор вздыхает:

— Я должен объяснить?

— Хотелось бы... — меланхолично соглашается Вампир.

Ему интересно. Он никогда такого не видел. Его отряды уже несколько раз пытались воевать с людьми, и из всех представителей Темного Совета у него, пожалуй, самый плотный опыт взаимодействия с ними. Вампир из тех существ, которые никогда не спрашивают: «что это такое?», потому что выдали уже и не такое... Но вот, однако, того, что сейчас происходило в Темном Совете, не видели даже они.

Впрочем, Вампир был противной сущностью и скрывал свое любопытство из природной вредности.

— Вы читали новости? — спросил Абигор, обводя взглядом рогатых, клыкастых, шипастых, злобных, яростных, шипящих, змеящихся советников.

— Что? — спросил лающим голосом Вервольф.

— Блохастый не умеет читать, — фыркнула Ведьма. — Мой Господин, мы не...

— В странах кризис! Нефть кончается, ледники тают, страны вводят санкции друг против друга. Цензурят правду и говорят, что правит демократия! — Абигор ударил ладонью по столу. — Леса горели половину лета, рыбадохнет и блестит брюхом, дети становятся астматиками от душающих выбросов...

— А-а-а, вы наши новости читали... — с облегчением кивнул Вампир — и тут же спохватился, раздосадованный на себя за то, что потерял свой вечный меланхолический тон.

— Новости людей! — Абигор блеснул глазами, на дне его взора плясала сталь и бился темный пульс. — Мир людей на грани войны... — не с нами, они в нас и не верят вовсе. Мир людей вот-вот может разорваться от самих людей.

— Ну и? — не понял Наставник — Демон. — Нам-то что?

— Если мы уничтожим мир людей, то мы ничего больше не сможем сделать. Мы перестанем существовать.

Абигор посерьезнел. Эта дилемма терзала его с первого просмотра человеческого телевизора.

— Но мы же зло! — возмутился Совет в едином порыве. Первый раз все советники выступили как единый дух.

— Нам негде будет править, — убеждал Абигор. — Мы превратимся в ничто!

— Мой Господин, — всхлипнула Ведьма, — почему вы с нами так поступаете?

Абигор вздохнул: с этими существами ничего здравого не найти.

Между тем найти всё-таки кое-что требовалось. А не то смесят, и проклясть не успеешь.

И тогда Абигор заговорил тихо и нежно, мягко ласкаясь к каждому из своих советников:

— Господа, дамы... Все ждут от нас самого злодейского поступка, самого кровожадного и мстительного деяния, самого отвратительного и самого тошнотворного!

— Да...

Абигор мысленно поставил себе плюс, слыша единение Совета. И продолжил:

— Они ждут, что мы будем убивать и карать, грабить и жечь, насиловать и буйствовать, оскорблять их богов и их идеи...

— Верно!

— И мы — служители тьмы, истинные ее слуги, творения зло-

дейского замысла, мы, явленные легионом ярости и мрака, будем действовать...

– Будем!

– Им назло! – торжественно закончил Абигор. – Они ждут от нас смертей, а мы обманем их ожидания, и... понесем им жизнь!

Совет охнул.

А потом мерзко и подленько захихикал, смакуя новую идею.

Обмануть весь мир! Обмануть ожидания, солгать всему миру о своих намерениях!

– А можно... – Ведьма отчаянно пыталась выслужиться, – ... еще открыть больницы в нищих районах!

– О-о! – с уважением возликовал Совет.

Абигор потер руки.

– А еще организовать учение волонтеров, – пролаял Вервольф.

– И сделать честные выборы! – перекрыл восторг Вампир И Совет в едином порыве воскликнул:

– Ну ты вообще... безжалостный тип!

– Отморозок! – вынесла вердикт Ведьма и, довольная, посмотрела на Абигора, ожидая похвалы. – Беспредельщик!

– И поднять уровень образования!

– И сделать медицину доступной!

– И снизить выбросы!

– И прекратить отлов китов...

Каждый из советников желал, вслед за вампиром, получить титул Беспредельщика.

– А представьте, – вдруг захохотал Демон, – как задрожат перья у ангелов? Как они будут бегать, растерянные, мяукать себе чего-то, а работа-то... работа-то уже сделана! – И Демон сложился пополам от хохота, аккуратно стекая под стол хохочущей рогатой лужицей.

– Антихрист! Злодей! – ликовал Совет, аплодируя и вознося своего лидера принца Абигора.

– А мы им как добром зарядим! Как задушим в объятиях!

Как начнем переводить старушек через дорогу! Да как построим все дороги!

— И милосердством им всем по роже, по роже...

— И мечтами и любовью под дых!

— Нет, ну ты вообще беспредельщик!

И ликовала тьма, ликовала, готовая нести свою новую войну в мир людей, хохотала над святыми, передразнивала их и гримасничала, изображая их растерянность и испуг.

Посреди всего этого улыбался снисходительный принц Абигор.

АЛЕКСАНДР ЛЕЩЕНКО. ЗАРАЗА К ЗАРАЗЕ ЛИПНЕТ

Мир в очередной раз захлестнула глобальная эпидемия гриппа, и казалось, что вся Земля: кашляет, чихает, сморкается и утирает сопли. Но нашёлся тот, кто решил избавить человечество от гриппа раз и навсегда — по крайней мере, такой слоган красовался в тот момент на его сайте.

«Мы избавим человечество от гриппа раз и навсегда!»

Международный холдинг «World Medical Care».

Все права защищены.

Холдинг с рвением взялся за работу. Исследования показали, что новый вирус гриппа — это мутировавший штамм птичьего гриппа. Не прошло и месяца, как «WMC» нашёл вакцину от недуга. Её протестировали на подопытных и — вуаля! — уже на следующий день люди были здоровы.

Потрясающий результат, не правда ли!

Запустили массовое производство вакцины, и вскоре она продавалась уже в каждой аптеке мира: у холдинга имелись партнёры в каждой стране.

Вот только, как выяснилось через месяц, средство против гриппа не помогло. Наоборот, всё стало только хуже. На следу-

---

ющий день после принятия вакцины, человек действительно выглядел здоровым — да что там, он им и был — все физиологические показатели в норме: ни кашля, ни чиха, ни даже самой маленькой сопельки. Но через какое-то время — две-три недели, у каждого по-разному — тот, кто принял вакцину, умирал. Причём буквально за пару часов.

Международный холдинг «World Medical Care» извинился перед мировой общественностью и заявил, что вакцина нуждается в доработке. Семьям погибших выплатили денежные компенсации.

«Люди умерли не зря, их смерть не будет напрасной. Чудовище, столько лет терзавшее человечество, будет повержено!»

Цитата из пресс-релиза «WMC».

Были проведены дополнительные исследования, которые показали, что вирус под влиянием лекарственного средства мутирует: из птичьего гриппа, он становится свиным. Была создана новая вакцина, учитывающая особенности заразы. Люди теперь выздоравливали медленнее, но они не умирали. По крайней мере, сразу. Несчастные, принявшие вакцину, умирали обычно через два месяца; причём их смерть была медленной и мучительной.

«Нам ужасно жаль. Мы делаем всё, что в наших силах, чтобы остановить эту страшную заразу».

Так прокомментировал холдинг случившееся.

И вновь «World Medical Care» взялся за разработку очередного средства против гриппа, и вновь были проведены самые тщательнейшие исследования и тесты, и вновь — неудача. Ведь вирус продолжал мутировать, а вторая вакцина «WMC» словно придала ему сил, у него появилось с десяток разновидностей.

Но самым неприятным был побочный эффект от нового средства против гриппа: люди теперь не только умирали, они

потом умудрялись и оживать. Иными словами, превращались в зомби.

«Приносим свои самые искренние соболезнования семьям погибших, им всем будет выплачены щедрые денежные компенсации. После того, как мы узнали об ужасающем побочном эффекте, мы сразу же прекратили выпуск вакцины, но из-за досадной ошибки несколько десятков партий были разосланы по всему миру».

Официальное заявление холдинга «World Medical Care».

«О, господи! Ну, конечно же, мы понятия не имели, что так случится! Нет, конечно же, мы не производим никакого биологического оружия! Вы что с ума сошли?! Вы там что, фильмов ужасов посмотрелись или в компьютерные игры переиграли? Это там корпорации только и делают, что создают вирусы, а мы с вирусами боремся!».

Да, и я бы не называл умерших от гриппа и оживших благодаря нашей вакцине – зомби – звучит ужасно глупо. Попахивает дешёвыми ужасниками! Зомби умирают от выстрела в голову, а нашим ожившим хоть всю голову снеси: тело всё равно продолжает жить и, к сожалению, продолжает разносить заразу. Да, и чтобы заразиться зомби-вирусом, нужно, чтобы оживший мертвец тебя укусил, а в нашем случае достаточно, чтобы оживший на тебя кашлянул или чихнул.

Кстати, а давайте называть их не «Зомби», а скажем – «Ожившие» или ещё более политкорректно – «Вернувшиеся». Как вам идея?»

Неофициальное заявление одного из учёных, разрабатывающих вакцину для «WMC».

Оживших мертвецов, политкорректных Вернувшихся и просто Зомби становилось всё больше. И теперь холдинг «World Medical Care» вынужден был бороться не с эпидемией гриппа, а с зомби-эпидемией.

Но «WMC» не унывал: ещё с начала разработки самой первой вакцины, акции компании стали расти, как на дрожжах, а сейчас и вовсе взлетели до небес. Учёные холдинга теперь тесно сотрудничали с Министерствами Здравоохранения многих стран, тогда как менеджеры холдинга стали занимать места в правительствах.

«WMC» объявляет заразе смертный бой!

Сегодня – заболевший, завтра – умерший, послезавтра – угроза для всего человечества. Пройди обследование в специализированных центрах «World Medical Care», не стань жертвой зомби-эпидемии; позаботься о своём здоровье и здоровье своих близких.

«WMC» – вакцина для всего человечества!»

Такая реклама теперь была везде: в журналах, в газетах, на радио, на телевидении, в Интернете. Да и, конечно же, холдинг взялся за разработку нового поколения вакцины – уже четвертого по счёту. Правда, на сей раз «WMC» заявил, что средство будет, прежде всего, против зомби-эпидемии; грипп оно тоже будет лечить, но не столь хорошо. Эффективное средство от гриппа придётся подождать немного дольше.

И сначала вакцина действительно работала: нет, людей, заражённых вирусом, она не лечила – она их убивала; но действие бактерий и микробов полностью нейтрализовывала. Достаточно было одной капли лекарства и оживший мертвец, которого плохо брали и пули, и огонь, просто-напросто превращался в смрадную лужу плоти, как будто на него кто-то плеснул кислотой.

Но, как и у всех вакцин от «World Medical Care», и у данной вакцины имелся свой побочный эффект.

«Да откуда же нам было знать, что наше средство будет превращать всех мертвяков в это..., в это..., в это хрен его знает что?!»

Неофициальное заявление одного из учёных «WMC».

Дело в том, что смрадные лужи плоти не исчезали, а любой, кто к ним подходил, смертельно рисковал. «Лужа» могла схватить человека и растворить в себе, после чего она увеличивалась в размерах.

Количество «луж» становилось всё больше, и вот они уже не ждали, когда кто-то к ним подойдёт, они сами стали охотиться на людей. Иногда они объединялись в некое подобие озёр и рек, и тогда мало кто мог что-то противопоставить этой растворённой и растворяющей в себе плоти. Казалось, что у них есть не просто интеллект, а некое подобие социальной иерархии: свои солдаты, свои командиры.

«Думающие «лужи»?

Что за бред?! Не мешайте работать!

Лучше смотрите себе под ноги, чтобы не вляпаться в эту дрянь!»

Официальное заявление одного из сотрудников «WMC».

А холдинг «World Medical Care» уже вовсю трудился над вакциной пятого поколения.

«А ведь ещё говорят, что зараза к заразе не липнет. В нашем случае не просто липнет – зараза заразу создаёт.

:))))».

Комментарий пользователя LaughingGrimReaper с форума «Anti-WMC».

ЕВГЕНИЯ ЮРОВА. ГУМАНИСТ

Участие в нашумевшем судебном процессе о тройном убийстве с отягчающими обстоятельствами стало первым делом недавнего выпускника в качестве Судебного Гуманиста. Экспериментальный Институт Гуманистических дисциплин кадры свои не жалел.

«Чудовище. Псих больной, – ужасался про себя ученый. –

Впрочем, это человек. Все равно человек, и у него есть Совесть. Просто она спит».

То, что могло бы помочь ей проснуться, до поры до времени покоилось в герметичном чемоданчике у его ног.

Подсудимый же на свою беду агрессивен и не стесняясь в выражениях описывал преступные «похождения», ничуть их не стыдясь. Кошмарных дел он натворил много: на подробный рассказ ушло более часа.

— Итак, — взял слово судья, — признаете ли вы, гражданин Дмитрий Иванович Николаев, свою вину в физическом и психологическом насилии, грабеже и преднамеренном убийстве гражданки Тихомиры Владиславовны Николаевой, в девичестве Совиной, в непреднамеренном убийстве двух ваших с этой гражданкой общих детей, в незаконном изъятии объектов культа славянистской общины «Медведь» Тихолесного района Ленинградской области, из которого происходила ваша супруга, в осквернении упомянутых объектов, в угрозах убийства представителей оной общины и в оскорблении сотрудников правоохранительных органов при исполнении?

Из зала на него уставились свидетели — как водится, представители всех религиозных организаций области. Бледная от постов и переживаний родня убитой занимала почетные места.

— Ну признаю, — выплюнул преступник. — Туда ей, блин, и дорога, курице.

— Ответ учтен. Вина доказана. Обвинитель, прошу.

— По закону из пункта семь параграфа двенадцать Общеземельной Конституции, — забубнил Обвинитель в белой форме и белой же маске, — вам предоставляется выбор наказания из сборника Самоисправительных Мер. Предупреждаю, что ни одно из наказаний не ведет к смене тела, непоправимым психическим или физическим увечьям и не подразумевает насилия физического либо психического свойства. Ознакомьтесь со сборником.

Сборник, даже не будучи раскрытым, полетел на пол, сопровождаемый звучным ругательством Николаева.

«Дурак, — думал ученый, — какой дурак... что ему, идолы для этих лесных ребят десяток лет постругать сложно или деревья в тайге посадить?»

— То есть вы отказываетесь от добровольного Самоисправления?

— Отказываюсь. Идите-вы знаете куда!

Судья помрачнел.

— Свидетели подтверждают отказ подсудимого?

Люди в зальчике закивали. Столетний дед Феофан принял креститься и громко молиться, еще пуще побледневшие славянисты забормотали что-то про доброту Мокоши.

— По закону первому, параграф один, подсудимый гражданин Николаев приговаривается к высшей мере. Держите подсудимого, — выдохнул судья.

Двое громил, специально присланных Кофуцианским представительством с Дальнего Востока, скрутили отбивающегося подсудимого, закатали ему правый рукав и выставили руку под нос ученому.

— Да пребудет с вами Совесь, — по традиции напутствовал тот, открывая чемоданчик с ключевым для развития современного общества изобретением, СОС — Сывороткой Освобождения Совести.

Запахло спиртовой салфеткой. Шприц опустел.

Николаева со связанными руками насилу затолкали в специально оборудованную клетку у задней стены зала. С минуту ничего не происходило. Юный Судебный Гуманист сам было усомнился, правильно ли он все сделал, но тут глаза преступника налились кровью, вены на лице набухли. Он мигом растерял всю спесь, принял жалобно шептать и упал на колени, заливая пол камеры слезами.

— Отвернитесь. Да отвернитесь же все! — выкрикнул ученый, но опоздал: на глазах у зала ошалевший убийца вскочил, дернул дверь клетки — откуда только силы берутся! — вышиб железный штырь и решительно всадил его себе в голову.

Брызнула кровь. Тело повалилось на спину.

Раздался женский визг. Кто-то из свидетелей хлопнулся в обморок. Единственный найденный в округе шестилетний представитель даосизма плакал навзрыд.

– И в-вы в своем Институте до сих п-пор имеете храбрость выступить за Гуманистическую партию? – сбивающимся голосом уточнил судья, безуспешно оттирая бумажным платочком красные пятна с трибуны.

– Да, имеем.

– Ну, вам же лучше. А. За-засид-дание объявляется з-закры-тым. Ух...

***

Уже по завершении процесса, когда тело подсудимого утащили невозмутимые судмедэксперты, служащие разошлись, а двор новенького здания судья вместо служебных токоповозок заняли радующиеся дождю вороны, припозднившийся судья обнаружил ученого под козырьком черного входа.

– Подышать вышли?

– Да, господин судья, люблю дождь.

– Это хорошо... А вот вы можете мне ответить – без чинов, как человек человеку? Почему вы все-таки продолжаете эту свою политику? Какие-то учреждения исправительные, какие-то уговоры... Сами видели. Это ж зве... – он покосился на татуировку с Древом на виске собеседника – Это ж такие люди! Ироды, деспоты!

Он никак не мог оправиться от происшедшего – и так и сяк крутил антитревожную игрушку, какие получили большую популярность после запрета курения в пятидесятые.

– Я вообще-то подписывал неразглашение, – укорил его ученый. – Секретная технология, однако.

Судья нервно хихикнул.

– Да ладно. Свои люди, надежные. Говорите уж. Почему вы так всех любите?

Гуманист мягко улыбнулся, наклонился и прошептал:

– А потому, господин судья, что в шприце был обычный физраствор, по сути, вода. Но вам все равно никто не поверит.

ЭЛЬРИДА МОРОЗОВА. БОЛЕЗНЬ ПОД НАЗВАНИЕМ «ЛЮБОВЬ»

А-174 – хороший опытный врач. Она специализируется на болезни, называемой «любовь». Сколько больных проходят каждый день через её руки!

Приём и врачебный осмотр обычно проходят по одному сценарию.

– Доктор, помогите, пожалуйста.

– Расскажите, что у вас происходит.

– Мне кажется, я болен, – пациент глубоко вздыхает. Он чувствует вину: больной член общества хуже работает на всеобщее благо.

– Опишите симптомы.

– Ах, мне просто стыдно об этом говорить... – голова пациента опускается всё ниже. В некоторых случаях он качает ей из стороны в сторону, словно говоря длинное занудное «нет».

Врачебный долг и клятва Гиппократа, которую давал каждый доктор, обязывает спросить:

– И всё же. Опишите симптомы.

– У меня сердце начинает стучать быстрее, когда я вижу одного человека.

– Это разные люди или один и тот же объект?

– Один и тот же...

Теперь уже доктор имеет полное право ставить этот неприятный диагноз «любовь», с которым так трудно справляться. И всё же нужны некоторые формальности.

– Что вы испытываете, когда видите этот объект?

– Учащённое сердцебиение... Это тахикардия, да? Кровь приливает к щекам... Кажется, это называется «повышенное давление». Становится трудно дышать... Асфиксия, да-да. И ещё... Ещё такое испытываю, что даже затрудняюсь, как опи-

---

сать. Я начинаю хуже выполнять работу. Я стараюсь, но иногда даже трясутся руки... Тремор верхних конечностей. И я порчу всеобщее имущество и делаю дефективные изделия... Ах, я наношу урон нашему обществу!

Да, все это обычные симптомы страшной болезни под названием «любовь». Человечество может гордиться собой: оно победило холеру и чуму, оно победило рак и СПИД, оно победило войны и катастрофы. Теперь общество живёт в идеальном мире, где каждый член трудится на всеобщее благо. Но иногда возникает такая болезнь, как «любовь». И тогда всё, кажется, идёт насмарку.

A-174 не просто хороший доктор, у неё безукоризненная репутация. Она знает не только, как лечить «любовь», но и как успокоить пациента.

— Вы совершенна правы, — говорит A-174. — Мы должны думать не только о собственных недомоганиях, но и об обществе, которое милостиво разрешило нам работать на благо всех. Вы должны назвать имя вашего объекта. Возможно, он тоже заражён. Мы обследуем его.

— О, хоть бы этот объект не был заражен! Мне он так нравится.

— Мы обязательно это проверим.

Вздыхая, пациент говорит имя объекта, к которому он испытывает «любовь». Ему тоже нужно обязательно помочь. Но этим можно заняться позже.

— Доктор, что со мной сейчас будет? Вы мне поможете?

— Обязательно. У нас есть лекарство от этого коварного заболевания.

— Дайте его скорее, — говорит пациент.

— Сейчас вы пройдёте в соседнюю комнату. Она оборудована специально для лечения болезни под названием «Любовь». Я проинструктирую, что там нужно делать.

— Хорошо, хорошо, — говорит пациент и с надеждой смотрит на доктора.

— Вы заходите в комнату, там стоит удобное ложе в виде ящика, специально сделанное по росту среднего человека. Вы

берёте лекарство у изголовья и глотаете одну таблетку. Она называется «Эвтаназия». После этого ложитесь в ящик и складываете руки на груди крестом. На стене висит подробная инструкция, как лучше лечь. После этого ждёте.

— А чего ждать?

— Когда излечитесь от болезни, и вас вынесут.

— Всё понятно! Спасибо, доктор!

Человек с надеждой идёт в соседнюю комнату и больше оттуда не выходит. Через некоторое время его выносят оттуда ногами вперёд в специальном деревянном ящике, называемом «гроб». Ящик хорошо запечатан со всех сторон.

Дело в том, что «любовь» — штука заразная. Контакттировать с заражённым человеком очень опасно. Поэтому лучше, если он совершит самоубийство, чтобы никто к нему не приближался. Через определённое время на ящик, куда лежит умерший заражённый, автоматически надевается крышка и герметично запечатывается. В комнате есть и другая дверь, с обратной стороны. Туда заходят двое человек в защитных костюмах и выносят гроб с заражённым телом прямо в морг.

Доктора подвергаются опасности каждый день. Они контактируют с заражёнными без масок и защитных костюмов. Но А-174 твердо убеждена, что если всё делать профессионально, ты никогда не заразишься. За столько лет стажа у неё никогда не возникало ничего, похожего хотя бы на один симптом этого страшного заболевания.

— Следующий! — сказала А-174, когда дверь с надписью «Комната для лечения» за очередным заражённым закрылась.

На приём зашла новая больная.

— Здравствуйте, доктор! Я на осмотр.

— Ваше имя.

— Ю-816

Новая пациентка прикладывает запястье с чипом к специальному считывающему устройству. Теперь А-174 видит всю информацию о больном: его имя, код, медицинские и психологические показатели, место работы, хобби и политическая ори-

---

ентация. Правда, политическая ориентация у всех одна, но её обязательно нужно обозначить.

– Что случилось? – участливо спрашивает А-174, хотя прекрасно это знает.

– Инструктор В-568 направил меня на врачебный осмотр.

Такое бывает редко. Обычно люди сами понимают симптомы и приходят на приём. Но иногда инструкторы, призванные следить за порядком в обществе, обращают на что-то внимание и направляют пациентов на врачебный осмотр. Обычно их догадки подтверждаются. Но в редчайших исключениях они ошибаются. После долгих и тщательных проверок подозрительные объекты возвращаются на работу. Но ещё некоторое время после этого их вызывают на профилактические осмотры. Инструкторы, заподозрившие невиновных, тоже всячески проверяются.

– Ну хорошо, – приступила А-174 к делу. – А вы сами ощущаете какие-то симптомы заболевания?

– Я не доктор, симптомы не изучала.

– Тогда просто расскажите, как себя чувствуете.

– Превосходно! – с улыбкой ответила Ю-816.

– Это как?

– Мои дела идут очень хорошо.

А-174 подумала, что надо задавать более точные вопросы, чтобы получить нужные ответы.

– У вас есть объект или объекты, по отношению к которым вы испытываете эмоции, отличные от остальных?

Ю-816 широко заулыбалась (это уже тревожный симптом) и сказала:

– Да, конечно!

– Это один и тот же объект или разные?

– Один и тот же. Это мой любимый К-131!

Иногда пациент настолько стыдится таких эмоций, что не хочет выдавать имя своего объекта. Приходится нажимать ему на совесть. Но с Ю-816 всё обстояло благополучно. Она сама назвала опасный объект.

– Хорошо. Опишите, что вы чувствуете, когда его видите.

– Я чувствую спокойствие и счастье!

Несмотря на многолетний стаж работы, таких симптомов в этом заболевании А-174 не помнила. Она знала весь список наизусть, но сейчас ей пришлось туда заглянуть. Таких вещей как «спокойствие» и «счастье» в списке не было. И А-174 начала по порядку.

– Когда вы видите ваш объект, у вас начинается сильнее биться сердце?

– Нет.

А-174 не знала, заглянуть ли ей снова в список.

– Ладно. Возможно, ваше сердце замедляется или замирает при виде него?

– Вовсе нет.

– Что же тогда?

– Оно стучит спокойно и ровно. И я так рада.

– Хм... – сказала А-174 и снова заглянула в список симптомов. – Что происходит с вашим кровяным давлением при виде него?

– Ничего. Оно у меня всегда нормальное. Можете посмотреть выписку местного фельдшера. Он замерял мне давление без моего объекта и с ним. Показатели одни и те же.

– Хорошо. Наблюдается ли у вас асфиксия при виде вашего объекта?

– Нет, что вы! Наоборот, мне очень хорошо рядом с ним.

А-174 беспомощно перелистывала список симптомов, но ничего подобного там не находила. Можно предположить, что Ю-816 совершенно здорова. Но ведь у неё есть объект, на которого она реагирует необычным образом.

– Как именно вы реагируете на ваш объект? – спросила А-174.

– Ну, я радуюсь, улыбаюсь, машу ему рукой. И когда он тоже мне машет, я ещё сильнее радуюсь в ответ.

А-174 наконец схватилась за спасительную мысль:

– Это отвлекает вас от работы?

– Вовсе нет! Я начинаю работать ещё быстрее и лучше, чем

обычно. Когда я не реагировала на мой объект, моя производительность в среднем была 115 единиц в час. А когда стала реагировать, то стало так весело и интересно жить, что моя производительность выросла до 165 единиц. Представляете, я сейчас работаю быстрее всех в нашем цехе!

— Представляю, — сухо ответила А-174. — А вам стыдно за это?

— За что?

А-174 и сама не поняла, что имела в виду. Она совершенно растерялась. Что же происходит? Никогда ещё во врачебной практике она не чувствовала ничего подобного.

— Ну, бывает ли вам стыдно... стыдно за что-нибудь?

— Мне нечего стыдиться. Я же говорю: на душе моей очень спокойно.

— Может, вы делаете всё быстро, но некачественно? — А-174 взглянула на неё с надеждой. Должен же подтвердиться её диагноз!

— Наоборот, инструктор меня хвалит. Смотрите: он даже написал мне благодарность за качественную работу.

Ю-816 вытащила бумагу и показала доктору. А-174 с трудом сфокусировала на ней взгляд. Действительно, там говорилось, что Ю-816 работает быстро и качественно.

Может, нет у неё никакого заболевания? Нормальный здоровый член идеального общества?

— А этот ваш объект... — начала было А-174.

— Его зовут К-131. Я ласково называю его Кэшечка.

А-174 поперхнулась. Когда она откашлялась, то услышала, что Ю-816 безмятежно продолжает:

— ... А с работы мы идём, держась за ручки.

— За ручки?! — ужаснулась А-174.

— Да.

Это была самая последняя стадия страшного заболевания: желание трогать объект. Как будто бы больной не понимает, что может заразить ещё одного члена идеального общества.

Сердце А-174 колотилось как бешенное. «Тахикардия», —

поняла доктор. Лоб покрылся испариной. «Это от повышенного давления». И дышать сразу стало как-то трудно.

Дрожащей рукой А-174 включила вентилятор, чтобы привести себя с порядком.

– А этот ваш объект... он... он тоже реагирует на вас по-особому?

– Конечно! – воскликнула Ю-816. – Мы оба так реагируем друг на друга. Уже давно. И это так здорово! Раньше я и не представляла, что мир может быть так прекрасен. Я думала, что существует только работа на благо идеального общества. А оказалось, что всё гораздо интереснее. Представляете, мы можем разговаривать...

– Что?! Вы ещё и разговариваете?!

– Ну да, – безмятежно продолжала Ю-816. – И мой дорогой Кэшечка тоже начал лучше работать. Мы стоим за станком рядом и подмигиваем друг другу. И знаете что?

– Что же?

– Это не мешает нашей работе. Вы же сами видите: производительность труда увеличилась.

А-174 хотела отереть испарину со лба, но рука её не поднималась. «Тремор верхних конечностей», – подумала доктор. Взгляд её упёрся в открытый перед ней список симптомов. «Учащенное дыхание», «повышение давления», «повышенное сердцебиение или ощущение замирания сердца». Все это А-174 чувствовала прямо сейчас!

– Вы пока рассказывайте, – сказала А-174, вытащила прибор для измерения давления и начала его себе мерить.

– Да что рассказывать? С Кэшечкой так весело. Мы смеёмся, когда работаем. А люди вокруг нас тоже слушают, говорят что-нибудь и тоже смеются. Так и у них тоже производительность труда повысилась.

– Не может быть! – воскликнула А-174.

Ю-816 вытащила из кармана новую бумагу.

– Это благодарность нашему коллективу за повышение статистик на этой неделе.

А-174 не стала смотреть в бумагу. Она не отводила взгляд от прибора, измеряющего давление: так и есть — повышенное! А-174 с трудом взяла себя в руки, взглянула в улыбающееся лицо Ю-816 и... И снова почувствовала, что руки её трясутся, дыхание перехватывает и сердце замирает.

— А ты испытываешь такое, что затрудняешься, как описать? — спросила А-174 про самый сложный симптом.

Ю-816 пожимает плечами:

— Да нет. Ну что, доктор, я больна или нет?

— А ты сама как чувствуешь?

— Чувствую, что совершенно здорова. И счастлива, к тому же.

У А-174 задёргался глаз. Она так реагировала только на одного человека в своей жизни: на эту странную пациентку, у которой болезнь была, а её симптомов — вопреки всем законам логики — не было.

«Кажется, я от неё заразилась!» — с ужасом поняла А-174. — Неужели у меня началась «любовь»?!

Она слышала, что многие врачи заражались от пациентов. Все-таки они имели дело с неизлечимой болезнью. Это очень опасно. Только самые стойкие и принципиальные выбирают эту сложную профессию.

И вот теперь А-174 стала неспособна. Она не может больше работать, если сама больна! Она не может больше принести пользу идеальному обществу!

— Подожди тут. Я сейчас схожу в соседнюю комнату, — сказала А-174.

— А зачем?

— Мне нужно немного подлечиться.

Медленный шагом, будто идет на смерть, А-174 вошла в «Комнату для лечения». Дрожащими руками открыла банку с таблетками «Эвтания», сунула одну из них в рот, легла в специально сделанное ложе и сложила руки крестом.

Через некоторое время двое санитаров в защитных костюмах вынесли её тело из комнаты для лечения в морг.

Ю-816 ждала возвращения доктора, но та всё не приходила. «Надо её позвать. Может, она обо мне забыла?»

Ю-816 тихонько приоткрыла дверь в соседнее помещение. Там уже стоял новый гроб, в комнате никого не было. Дверь на противоположной стороне была закрыта.

Пожав плечами, Ю-816 вышла из кабинета врача. Некоторое время она стояла в коридоре, совершенно не зная, что делать.

Вдруг дверь в соседний кабинет открылась, и из неё вышел К-131.

– Кэшечка, милый! – расцвела Ю-816.

Он раскинул руки ей навстречу, она подошла и обняла его.

– Что сказал тебе врач? – спросил он.

– Сказала подождать, но сама куда-то делась. Странно...

– Ты знаешь, и у меня тоже! – воскликнул К-131. – Я ждал-ждал, а он так и не вышел из «Комнаты для лечения». Наверное, ушёл в противоположную дверь.

– Значит, мы с тобой здоровы? – обрадовалась Ю-816.

– Но ведь нам не сказали, что мы с тобой здоровы. Да и печать на бумагу не поставили.

– Это верно. Инструктор настоятельно рекомендовал пройти врачебный осмотр. Так что пойдем на приём к другим врачам. Их тут много.

– Пошли, – согласился К-131. – Если в этой больнице все так будут исчезать, можно будет поехать в другую. Мы же не должны нарушать законы идеального общества. Если инструктор направил, надо добиться, чтобы нас или вылечили, или отпустили работать как здоровых членов общества.

– С тобой хоть на край света.

Держась за руки, они пошли по коридору искать новые двери. Их было великое множество.

ЖЕНЯ СТОРОНКА. МОЙ ДРУГ – ОПТИМИСТ

Я заподозрил неладное сразу, едва отворив дверь. За дверью стоял мой друг.

У него почти всегда маниакальный вид – к этому я привык. Но порою к пронзительному блеску глаз добавляется особый огонёк, отчего сразу делается ясно, что пора искать бомбоубежище. Или хотя бы крепкий подвал с прочным засовом на дверях. И к этому привыкнуть уже сложнее.

Вот и в этот раз мне сразу захотелось оглядеться в поисках направления для бегства, особенно после того, как он радостно сказал:

– У меня отличная идея!

Я ему конечно не поверил, но в квартиру впустить пришлось. Ведь он, мерзавец, друг мне.

– Представь: я открыл секрет бессмертия.

Я подумал и сказал: «Круто». Довольно равнодушно для новости подобного масштаба, согласен. Но в тот период я был всецело поглощён вопросом множественных вселенных, так что меня можно извинить, я считаю. Но Гоша значимых вопросов мироздания не воспринимал, и смотрел очень сурово.

Как его занесло в учёные – большая загадка. Наверное, муха укусила. Или неведомые детские комплексы. Потому что сложно поверить, что он пошёл на это добровольно.

В школе я был уверен, что он подастся в авантюристы или в жулики, а то и вовсе в политики, и будет либо дурить народ, либо смешить. Но он решил остаться любителем, а профессиональное образование получил на биофаке. Его родители до сих пор считают, что он их где-то надул, и даже демонстрация диплома не помогла.

– Ну ладно, – я решил, что немного заинтересованности даст плюс мне в карму, – удиви меня.

– Я тут не для этого, – Гоша всё ещё дулся. – Но что взять с приземлённых ограниченных умов, не способных постичь реальное величие?.. Ты ведь читал Библию?

На какую-то секунду я замешкался: нельзя так просто взять и сходу сообразить, как с достоинством реагировать на подобный вопрос.

– Нет. Я читал теорию относительности.

– Не важно, – отмахнулся Гоша, – ты всё равно наверняка слышал, что Авраам родил Исаака (или Исаак родил Авраама – не суть), а тот потом родил ещё кого-то.

– Они основательно подошли к делу, – согласился я.

– И жили лет под тысячу так. Знаешь, почему?

– Хорошая экология и колбаса без вкусозаменителей?

– Возможно, это сыграло свою роль, – покладисто согласился Гоша, – но не главную. Всё дело в размножении.

– Ты имеешь в виду, что под Авраамом подразумевался весь его род до пятнадцатого колена?

Гоша закатил глаза:

– Да нет же, я говорю о бессмертии отдельно взятого индивида, а не его рода.

Я попросил его перейти сразу к сути. Ведь множественные вселенные сами себя не опишут.

Мой друг смерил меня оценивающим взглядом, словно пытался понять, какого уровня сути я заслуживаю. Я не мешал и стоял ровно, чтобы не пришлось начинать заново: ещё в детстве у Гоши были трудности с фокусировкой. Вот и классная вечно говорила ему: «Гоша, не разбрасывайся по сторонам...»

Мои старания помогли и Гоша продолжил:

– Смотри, обычно под всеми этими «Авраам родил Исаака» подразумевают иносказание, так? А на самом деле понимать надо буквально.

– Я слышал анекдот на эту тему: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, а потом что-то случилось и рожать стали женщины.

– Всё гораздо серьёзнее, и я нашёл тому подтверждение.

Я, конечно, заинтересовался. Хотя многие биологи и умудряются выдавать за фактологию случайные флуктуации в своём мозгу, нельзя исключать небольшой вероятности встретить

и осмысленную информацию (отчасти подтверждённую расчётами или, хотя бы, репрезентативной выборкой экспериментальных данных).

Тут Гоша стушевался и начал юлить: мол, не хочет забивать неподготовленную биофаком голову такой информацией, которая может разрушить мой незащищённый знаниями мозг. Я ответил как подобает, он обозвал меня занудой, а я его мракобесом.

— Короче, — рявкнул Гоша, — мужики жили по восемьсот лет потому, что рожали сами!

— Как Шварценеггер, что ли?

— Точный механизм я пока не знаю, — голос Гоши стал слегка озабоченным, — это ещё только предстоит выяснить. Но основное я готов доказать уже сейчас.

— Нина будет в восторге, — моё одобрение хоть и было лицемерным, но всё ж потребовало некоторых усилий, однако Гоша тех усилий не оценил и сделался мрачен.

Нина у него — человек серьёзный, не склонный к сомнительным авантюрам. И это правильно, я считаю: в паре хотя бы один должен быть с мозгами. В общем, не предусмотренного брачным институтом почкования она бы не одобрила. Сжалившись над другом, я выразил ему соболезнование.

Лучше бы я молчал и думал о множественных вселенных.

Гоша посмотрел на меня оценивающим взглядом и в этом взгляде было что-то от физиолога.

— Ты ведь мне поможешь? — проникновенно спросил он и выудил из кармана шприц с мутной жидкостью внутри. На иголке был защитный колпачок, но выглядела она всё равно зловеще.

Тогда я убежал и заперся в туалете.

Голос у Гоши звучный и глубокий, а когда он включает особые вкрадчивые обертона, запросто можно заслушаться и впасть в гипнотический транс. Так что бегство в подобной ситуации — самый логичный выход, если вы не хотите прийти в себя со следами инъекций и пороссячим ухом под лопаткой.

Всерьёз его бредни я не воспринял, но колоть в своё любимое и единственное тело неведомую жижу, которую он набодяжил у себя в лаборатории (или того хуже — на химфаке)? Увольте.

Я сидел в туалете, зажав уши, пока до меня не донёлся звук захлопнувшейся входной двери. И ещё контрольное время на случай, если Гоша только притворился, что ушёл, а сам засел в засаде. Сортир — лучшее место, чтобы выдерживать осаду (доступ к воде многое решает, историки наверняка подтвердят). Гоша тоже это понял и не стал зря тратить силы.

Некоторое время спустя на утренней прогулке я встретил Нину. Жили они в соседнем дворе, поэтому ничего удивительного в такой встрече не было. Только вот выглядела Нина так, словно Гоша сделал себе прививку вампиризма и завёл привычку подкрепляться по ночам согласно канонам.

Обеспокоенный, я спросил, не позволяет ли Гоша себе лишнего в любви к экспериментам.

— Он на время эксперимента на дачу съехал. — Звучало как будто разумно, но вид Нины по-прежнему настораживал, и я продолжал стоять на месте.

— Беспokoюсь я, — добавила Нина, чудодейственным образом бледнея ещё больше. — Ты бы проверил, а?.. Мне показалось, я видела... Нет... — Она словно бы отключилась, припоминая, взгляд сделался мутным и стеклянным, как запотевшее зеркало в ванной, потом очнулась и продолжила: — Я бы сама съездила посмотреть, но он мне запретил там появляться...

Вот так я и попал.

Если от друга можно спрятаться в сортире, то от его жены, трагически глядящей на тебя круглыми глазами и просящей о помощи, деваться некуда — он ведь потом придёт и спросит, где ты был, когда его половина единственная взывала к тебе в мольбах... И вот, я сидел на дереве и смотрел в бинокль, который Гоша мне и подарил (и он наконец-то пригодился, хотя надежда давно иссякла).

Довольно долго ничего не было видно. Только временами из дома доносился грохот и жуткие вопли, от которых мороз драл по коже, поэтому подойти ближе я не решился, а заглянуть внутрь было вообще невыносимо. Во всяком случае, до тех пор, пока не завершу свой труд про множественные вселенные. Тема не нова, но под таким углом её ещё никто не рассматривал. Говорят, гениальные идеи приходят сразу в несколько голов одновременно, и именно этим объясняются сделанные в одно время открытия, но вдруг моя голова на этот раз единственная? Нельзя же подводить человечество...

Когда я уже околел и отсидел себе разные места, среди фруктовых деревьев, росших перед домом, появился Гоша. Он, по всему, вёл очень напряжённую жизнь с тех пор, как мы не виделись, и словно бы измельчал и изнашивался. Измождённое и заросшее щетиной лицо наводило на мысли о схимнике, плохо переносящим бремя одиночества. Правду сказать, я его таким никогда не видел. А видел я его любим.

Привалившись к дереву и тяжело дыша, Гоша достал мобильник и с некоторым трудом, как мне показалось, набрал номер. В кармане у меня тут же тренькнуло. Я достал телефон и прижал плечом к уху, продолжая смотреть на Гошу в бинокль — не хотелось пропустить чего-нибудь, вносящего ясность в происходящее.

— Паха! — трагически возвестил Гоша в трубку. — Я совершил ужасную ошибку! И она множится и множится, и процесс невозможно прекратить!.. Слушай меня внимательно и, пожалуйста, сделай как я скажу. Возможно, это моя последняя просьба... Прости, что втягиваю тебя, но другого выхода нет. Нельзя допустить, чтобы кто-то добрался до моих разработок и повторил мою ошибку. Слышал про экологическую нишу и что бывает, когда она полностью совпадает?.. Впрочем, неважно. Ты должен пойти ко мне домой и уничтожить все бумаги. Они лежат в правом ящике письменного стола. А ещё в ноутбуке... С биологической частью эксперимента я разберусь сам... уничтожу её. Такова моя карма, — мне показалось, что Гоша всхлипнул; звучало

так душераздирающе, что я в испуге зажмурился, но тут Гоша замолчал на полуслове и, открыв глаза, я увидел, окровавленный дрын, торчащий из его груди, словно в кино про средневековье. Гоша рухнул. Я смотрел, оцепенев. За спиной упавшего Гоши стоял другой Гоша – тоже очень усталый и, кажется, ещё более усохший. Подойдя к лежащему, он подобрал мобильник, утёр пот со лба и набрал номер.

– Паха! – услышал я в трубке. – Я совершил ужасную ошибку! Слушай меня внимательно и, пожалуйста, сделай...

Он продолжал говорить, а я смотрел, как из-за угла дома с другой стороны появился третий Гоша, на этот раз с арбалетом в руках. Я хотел крикнуть в трубку, но из моего горла вышел только нечленораздельный клёкот и Гоша, торопясь передать мне свою последнюю инструкцию, не обратил на него внимания.

А потом всё понеслось и завертелось. Один Гоша метнулся за деревья, зажимая рукой рану от стрелы, другой бросил арбалет и рыбкай нырнул за поленницу. В поленницу тут же угодил топор, вызвав небольшой дровопад. Ближайшее окно в доме лопнуло изнутри и наружу вылетел большой древний телевизор. На нём, как Мюнхгаузен на ядре, сидел (а точнее – висел) ещё один Гоша, размером со среднюю собаку.

Я уронил бинокль (он повис на ремешке) и вцепился в ствол дерева. Реальность расплзалась по швам и я ничего не мог с этим поделать. Не знаю, были ли у Гоши достойные слова, чтобы описать переживаемые им ощущения, но для передачи моего ужаса подобающих слов пока никто не придумал.

В доме и во дворе перед ним продолжал твориться какой-то беспредел. Я сидел, оцепенев, не имея сил пошевелиться, как это бывает иногда в детских кошмарах, и мог думать только про множественные вселенные – мне представлялось, что это их антропоморфную модель в действии я наблюдаю перед собой. Другого разумного объяснения просто не могло быть. Неужели поделившаяся на части вселенная будет вот с таким безудержным упорством пытаться уничтожить все свои копии, чтобы

остаться единственной и неповторимой? Даже что-то про единую теорию поля мелькнуло. Жаль, забыл, очень обидно. Такое, кстати, тоже бывает во сне, поэтому я до сих пор невольно сомневаюсь в достоверности этой реальности.

В центр двора меж тем вышел очередной Гоша, маленький и величественный. Подобно фракталу, он хоть и был сильно уменьшенным вариантом, но повторял себя в каждой мелочи.

Он раскинул руки в стороны и возвёл очи к небу.

— Братья! — начал он своим звучным, проникающим до мозжечка голосом. — Одумайтесь! Ведь мы братья!..

Вид у него и правда был блаженный, хоть икону пиши. И голос, как я уже говорил, под стать. Меня проняло, да и «братья» притихли.

— Мы все одной крови, плоть от плоти, все вместе, как один...

Я обрадовался, что среди составляющих Гоши нашлась одна достаточно разумная, способная вести себя как подобает высоко развитому гуманоиду.

— Ведь сказано, — протянул он навзрыд, — «возлюби ближнего своего»!

На макушку ему опустилась лопата. Гоша умолк, продолжая одухотворённо взирать в небеса, постоял, покачиваясь, и рухнул щетинистой физиономией вниз. На его месте тут же возникла другая щетинистая физиономия.

— Прости меня, Господи! — покаялся Гоша и ещё раз огрел свою жертву лопатой.

Придя в себя, я пошёл к своему мультиверсному другу на квартиру. Нины там, как я уже знал, не было: родственники отправили её поправлять нервы в какой-то санаторий.

Хотя Гоша и был то ли эмбриологом, то ли генетиком (я в какой-то момент потерял ориентацию), прочей ботаники он тоже не чурался и, уезжая с Ниной в отпуск, поручал мне поливать цветы. Порой у него на квартире начинали копошиться всякие непотребства. Тех, что вызывали у меня особое недоумение, он

отдавал на передержку братьям-биологам или их детям, унаследовавшим дурные пристрастия, мне же оставались насекомоядные растения, поливать которые следовало дистиллированной водой. Гоше об этом лучше не знать, но иногда я даже приносил муху для мухоловки. Так или иначе, ключ у меня был.

В квартиру я заходил очень осторожно: однажды вместе с ключом он оставил мне проблемы с канализацией. А моя нервная система была не в том состоянии, чтобы подвергать её дополнительным стрессам. Предыдущие три дня я пролежал, болея: как-никак, промёрз до костей. В горячечном бреду мне снились Гоши, разбегающиеся по округе, иногда они выползали из-под кровати с проломленной головой и требовали сжечь их бумаги. В другой раз я заходил в дом и находил там одни трупы. Если и оставались живые Гоши, они все попрытались и осуждающе тарачились мне в спину из невидимых щелей.

Через три дня у меня кончилось лекарство и пришлось идти за свежей порцией, а по дороге я завернул к Гоше, благо, недалеко.

Полив растения, я забрал ноутбук и сунул в сумку, потом полез в письменный стол – в его правый ящик, согласно полученной инструкции.

Вынужден признать, что не орал так с пятилетнего возраста, когда на меня с потолка прицельно спрыгнул таракан. С тех пор я настороженно отношусь ко всякой биологии, что на потолке, что в ящике стола – ничего хорошего обычно ждать от неё не приходится.

Стол у Гоши был солидный и тяжёлый, советских времён. Я всегда думал, что ненавязчивый блеск тёмного полированного дерева располагает к умственной работе; возможно, в том, что Гоша пошёл в учёные, была его немалая заслуга. И вина.

Не знаю, как он смог забраться туда, да ещё закрыться изнутри, но в ящике сидел маленький Гоша. Я до сих пор иногда вижу в кошмарах этот трогательный взгляд...

Вид у Гоши был жалкий. Возможно, он полез в стол, следуя желанию уничтожить бумаги, и оказался заперт в нём более рос-

---

лыми экземплярами. После безуспешных попыток выбраться он соорудил в бумагах гнездо, где и помер бы в скором времени. Моё появление он воспринял с восторгом, которого я не мог разделить, несмотря на встречу с другом. Уверен, что благодаря этой встрече я оказался на полпути к инфаркту, и это очень неприятно, потому что я недавно подал заявку на участие в лунной экспедиции. Ответа пока не получил, но было бы очень обидно сделаться физически непригодным по столь измельчавшей причине.

Мы сидели на табуретах в моей ванной и смотрели как расплываются сделанные Гошей записи: я залил их водой и засыпал для верности ядрёным японским порошком для стирки. Не так красиво, как сжечь, зато более безопасно.

Маленький Гоша украдкой плакал. Может, ему где-то натирала сшитая наспех одежда, но я думаю, что он переживал по поводу своей промашки. Не знаю, откуда брали материю и энергию для деления Авраам с Исааком — не исключено, что из особо питательного и ныне вымершего фигового дерева или же они пожирали своих женщин, прежде чем поделиться. Современному учёному следовало быть более дальновидным и подумать об этом вопросе заранее. Так что Гоше было за что себя корить.

Может статься, в древности человеческий организм мог восстанавливать свои размеры в любом возрасте, но теперь он каким-то образом утратил эту способность и, если верить замерам, за проведённую у меня неделю маленький Гоша ничуть не вырос (не считая некоторого прогресса на уровне талии). За эту неделю я изучил бумаги Гоши, но не нашёл ни малейшей зацепки, позволяющей решить его проблему.

Наше прощание с проектом «Исаак» прервал звонок в дверь. Гоша так перепугался, что едва не расшибся, бросившись бежать и сверзившись с табурета. Поначалу я пытался сделать вид, что никого нет дома, но посетитель не унимался. Тогда я спрятал Гошу в шкаф, из которого будет легко выбраться, если

меня вдруг похитят спецслужбы, нашедшие у него на даче кучу презанятных трупов, и пошёл открывать дверь.

На пороге стоял Гоша. Этому экземпляру повезло больше — он почти доходил мне до груди и вполне мог убедить незнакомых людей, что всегда такой и был. Но, разумеется, не меня.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

— Можно войти? — спросил Гоша и ухмыльнулся своей фирменной плутоватой улыбкой.

— Где остальные? — спросил я. Гоша хоть и друг мне, но я сомневался, что выдержу нашествие всех его воинственных копий.

Тот ответил мне туманным взглядом и неопределённо пошевелил пальцами. Я не стал уточнять и посторонился. Если уж меня преследуют кошмары, неудивительно, что Гоша не хочет об этом говорить. Я бы сказал, что не видел более извращённого самоубийства, но при других присутствовать не доводилось.

— Ты бы не мог вернуть мои бумаги? — заискивающе осведомился он.

— Конечно, — ответил я и проводил его в ванную.

— Понятно, — сказал Гоша, изучив серую кашу в тазу. — Ноутбук?

— Отформатировал.

— А флешка?

— Какая флешка? Ты не говорил про флешку! — я был возмущён. Всё же, жулик остаётся жуликом даже в своих благих порывах.

— Забыл, наверно.

Я ему не поверил. Уж слишком вид был порядочный — у честных людей такого не бывает.

— Так ты точно не видел флешку?

— Нет.

Гоша помолчал, покачиваясь с пятки на носок.

— Печалька, — сказал он, наконец, и ушёл. Даже от ужина отказался, пожаловавшись, что надо скорее проникнуть в лабораторию.

– Это ты спёр флешку? – спросил я у маленького Гоши.
– Как я мог спереть собственную вещь?
– Ладно, взял, перепрятал или какой обтекаемый глагол тебя устроит.

– Ну-у...

– Ты же просил уничтожить все документы!

– Я?! – Гоша с самым невинным видом округлил глаза. После того, как он кардинально уменьшился в размерах, спорить с ним стало сложно. Он стал как бы вроде хомяка, на которого можно только умиляться (если, конечно, принять как аксиому, что хомяки этого достойны, с чем лично я не согласен).

Ночью маленький Гоша исчез. А через пару дней явился тот, что побольше.

– У меня отличная идея! – возвестил он с порога.

Я содрогнулся. Мерзавец продолжал сиять, а из кармана у него торчал мелкий. И тоже сиял.

– Мне нужно много денег, – поведал Гоша. – Я уверен, что нашёл способ сделать нас больше и вернуться к нормальной жизни. Скажу, что это мой потерянный в детстве близнец. Главное разобраться с размерами, а то Нина нас не поймёт. Но на подготовительные эксперименты потребуется много средств.

– Я посмотрю, сколько у меня есть, – мысль про близнеца мне понравилась – всё лучше, чем прятать труп, пусть даже такой маленький.

– Оставь, – отмахнулся Гоша с такой небрежностью, что я оскорбился. – Сколько бы у тебя не было, этого недостаточно. Будет куда проще позаимствовать эту сумму из банка. Я верну деньги потом, когда запатентую свои изобретения и разбогатею.

– В наше время грабить банки стало довольно сложно, – заметил я. – Или один из вас внезапно сделался хакером?

– У меня есть способ получше. Как оказалось, ни одна защита не предусматривает наличия у человека такой маленькой копии, – Гоша с гордостью покосился на своего отпочкованца.

– Не вижу, как это тебе поможет.

— Детали обсудим позже. Для начала нужно купить тебе кое-какое обмундирование.

— Я очень ценю, что с годами ты не утрачиваешь надежды втянуть меня в свои асоциальные проекты, но вынужден отказаться, — ответил я с достоинством. — Я подал заявку на участие в лунной экспедиции и не хочу пропустить её из-за того, что буду сидеть в тюрьме. Согласитесь, это уважительная причина для отказа.

Гоша даже не показал вида, что огорчился. У него наверняка был запасной вариант. Как обычно. Он всегда был мелким жуликом, даже в школе, когда выставлял всё так, будто это я разрисовал класс портретами инопланетян или запустил ужа в девчачью раздевалку. Не то, чтобы я злился — время спустя это оказалось весело. И Гоша конечно мой друг — уж какой есть, и других не будет. Единственный шанс приобрести много друзей я упустил, когда не вмешался там, на даче, и не помешал Гоше поубивать себя. Сильно сомневаюсь, что у меня когда-нибудь появится другой. Гоша единственный счёл меня пригодным для дружбы, а это что-то значит. И у меня уж точно нет никаких прав судить его и порицать за неверные решения. Мне очень стыдно. Даже не знаю, как у меня язык повернулся назвать своего друга мелким жуликом.

Он — два мелких жулика.

И обоих посадили.

Несколько ведомств, как я слышал, боролись за право обеспечить гошину отсидку со всеми удобствами, так что устроился он вполне неплохо, учитывая обстоятельства. Кажется, ему даже пообещали выделить средства на опыты. Я хотел посоветовать ему ничего не подписывать без свидетелей и адвокатов, если он не хочет однажды проснуться человеком-муравьём на службе у коррумпированного правительства, но меня вытолкали за дверь.

Однажды я сидел и дописывал статью, когда меня отвлек звонок в дверь. Зная, что Гоша в обоих своих лицах всё ещё

где-то сидит, я утратил осторожность и даже не посмотрел в глазок.

— Он говорил, у него отличная идея, — хором сказали обе Нины. Они стояли, держась за руки, и хлопали большими трагическими глазами. — Ну и вот, — развели они руками.

Тогда я убежал и заперся в туалете. Что ещё я мог сделать?..

ОЛЬГА ДОРОФЕЕВА. ТРОЕ, НЕ СЧИТАЯ

— Ложимся поудобнее, расслабляемся, — доктор Гаровский улыбнулся так нежно, словно Рома был юной соблазнительной девушкой. — Сейчас я нажму вот эту кнопочку, и процесс пойдет. Но вы же не в первый раз, всё знаете. Закрыва-аем глазки, — палец доктора замер над большой выпуклой бляшкой.

Рома мысленно помахал рукой пялившейся в ай-всёшник жене и закрыл глаза.

Ничего не произошло.

Как «не в первый раз», он отлично знал, что вокруг должно было потемнеть, потом руки и ноги гадко холодели, и начинался короткий глубокий сон, после которого приторный голос Гаровского говорил: «Глазки открыва-аем».

Но ничего не потемнело. Рома отлично видел, как доктор нажал на кнопку, хмыкнул, нажал ещё. Потом он как-то украдкой посмотрел на Ромину жену, на лежащего Рому и нажал уже в третий раз.

— Ой, — стоявшая рядом ассистентка закрыла рот ладошкой и тоже посмотрела на Ромину жену.

«Да что там с ней? — удивился Рома и встал с кушетки. Жена была, как жена: ничего необычного. Розовые волосы, в ушах туннели до плеч, меховая туника и „сникерсы“ разного цвета. Сейчас все так носят. Разве что недавняя татуировка на лбу смотрелась слегка вызывающе. — Говорил же, не надо делать змеиный зрачок у третьего глаза. Все наши знакомые выбрали кошачий, а ей подавай эксклюзив!»

— Госпожа Романова, — немного сипло позвал доктор.

«Лучше бы аппаратуру проверил, чем мою жену клеить», — возмутился Рома, но вслух сказал только:

— Гаровский, у тебя опять что-то не работает. В прошлый раз полдня проваландались...

— Госпожа Романова, — беспардонно перебил его доктор, — у нас тут сбой. Ужасно, но мы потеряли...

— Чего? Потеряли? — опешил Рома.

— ...вашего мужа. Будем загружать сохраненную копию?

— Копию? А я? — только теперь Рома заметил, что его тело по-прежнему лежало на кушетке. Выглядело оно преглупо: руки вдоль туловища, а ноги расставлены, как у толстяков на пляже. Рот приоткрыт в ухмылочке, на щеке блестит мокрая полоска от слюны. Но и такое тело отдавать копии совершенно не хотелось.

— Мм... — Анжелика оторвалась от три-дэ экрана и задумалась. — Как жаль! Он только что окончил курсы по этой новой кофеварке, ну, которую все рекламируют. Придется учиться заново.

— Неосмотрительно, — Гаровский покачал головой. — Предупреждаем же: всегда копируйтесь после повышения квалификации. Голубушка, — он повернулся к медсестре, — запросите копию, а в остальном — всё, как обычно. Да, и не распространяйтесь там, что у нас был сбой. Скажите: по желанию клиента.

За последующие полчаса Рома испробовал всё.

Он орал — и просто так, и прямо в уши всем присутствующим по очереди.

Тыкал пальцем в глаз Гаровскому.

Колотил по кнопке, дергал провода, пинал панель управления.

Стучал кулаком жене по голове.

Пытался забрать у неё ай-всёшник.

Хватал ассистентку за задницу — давно хотелось, если честно.

Когда принесли новое тело, он лег на него сверху и прижался, как можно крепче. Обнимать мужчин ему раньше не приходилось, но Рома старался об этом не думать.

Ничего не подействовало.

Чертова копия открыла глаза и встала, стряхивая Рому прямо под ноги Гаровскому.

– Дорогой, – сказала жена, сворачивая три-дэ экран. – Я понимаю, это не твоя вина, но как же ты долго!..

– Это я – «дорогой»! Я! – заорал Рома, возносясь прямо перед ней, нос к носу.

Против обыкновения, она даже не поморщилась.

– Господин Романов, тут случилось небольшое досадное недоразумение, – заворковал Гаровский.

– Недоразумение? Небольшое? Зараза! – Рома изо всех сил двинул доктору кулаком в спину.

– Бывает, – выслушав доктора, сказала копия. – Плохо, что мне теперь объясняться насчет обучения. Начальству не понравится. Как насчет скидочки? Или нет, всё равно страховая платит. Как насчет бонуса: например, спа-массаж для двоих, а?

– Дорогой, – жена смущенно поправила тунику и искоса посмотрела в зеркальную панель шкафа.

– Мерзавец! – точным пружинящим движением Рома вlepил копии в левый глаз свой знаменитый хук.

И опять – совершенно безрезультатно.

Проведя ночь на почти уже родной кушеточке, Рома преисполнился решимости вернуться в мир живых любым, пусть даже непорядочным способом. Только вот, как это сделать, он не знал. Дождавшись Гаровского у входных дверей клиники, Рома стал слоняться за ним по коридорам и кабинетам, не ища ничего конкретного, но надеясь на удачу.

И удача ему улыбнулась.

Перед самым обедом Гаровский устроил себе перерыв во время приема и направился к коллеге, такому же доктору

по пересадке. После привычных реверансов о погоде и здоровье, Гаровский перешел к делу.

– Вчера нашел в инете неплохую красотку, – многозначительно сказал он. – Сегодня встречаемся в реале.

– Хорошо, – одобрил ничего не подозревающий коллега.

– Только, – внезапно засомневался Гаровский, – есть одна загвоздка.

– Да?

Наивный коллега сам шёл в расставленную хитрецом сеть. По сути, он уже попался. Гаровский хищно оскалился.

– Помешана на спорте, представляешь? Бицепсы ей подавай, трицепсы... живот с кубиками!

– Ай-ай-ай! – коллега сочувственно покачал головой, критически разглядывая Гаровского.

– Но у меня-то есть подходящее тело, – как можно безразличнее сказал доктор. – Пересадишь? Будь другом.

Бедняга затрепетал, как бабочка в сетке сачка, а Рома насто-рожился и навострил уши.

– А у тебя не превышен лимит? Страховая оплатит эту пересадку? – слабым голосом спросил коллега.

– Что ты, какая страховая! – Гаровский весело засмеялся и дружески хлопнул его по плечу. – Конечно, нет! И рано, и формального повода нет. Но у тебя же есть сегодня пересадка? Я лягу на второй койке, и сделаешь две параллельно. Идеальное решение! Ни затрат, ни вопросов. Мы же, – он понизил голос и посмотрел коллеге прямо в глаза, – так иногда делаем? Например, в конце года, когда надо сэкономить.

– Но с контролем второго врача...

– А я и есть второй врач! – Гаровский опять захохотал. – Ладно, на всякий случай захвачу свою ассистентку. Так во сколько?

– В три. Приходи пораньше.

– Заметано!

– Не знаю, что мне это даст, но я тоже приду, – многообещающе заявил Рома.

Его, конечно, никто не услышал.

Платный клиент — крупный высокий мужчина с седеющими волосами и смуглой кожей — уже лежал и ждал начала процедуры. Завидев Гаровского, незнакомая Роме ассистентка быстро выкатила вторую кушеточку и поставила её в полуметре от первой. Довольный доктор проверил кушетку на мягкость и улегся, сексапильно запрокинув подбородок. Как обычно, ассистентка приклеила веер электродов ему ко лбу и вискам, потом вернулась к пульту. Рома подошел поближе и стал у изголовья, злобно бурвя эскулапа взглядом.

— Расслабляемся... Глазки закрываем... — нараспев сказал второй врач и потянулся к кнопке.

Как только его палец коснулся блестящей поверхности, и кнопка стала медленно погружаться в никелированное лоно панели, Рома изо всех сил толкнул Гаровского. И так удачно, что доктор задрожал, как многослойное желе, заколыхался, теряя четкость очертаний, и разделился на Гаровского, лежащего неподвижно с закрытыми глазами, и Гаровского, в изумлении и испуге плящущегося на Рома.

— Это что? — заикаясь, выговорил второй из Гаровских. — Ты кто?

— Не узнаешь? — теперь изумился Рома. — Отправил на тот свет, заменил копией, подарил ему массаж с моей женой — и не узнаешь? Да ты редкостный мерзавец!

— Вчера? — догадался доктор. — Техническая ошибка! Рядовая! Вы что здесь делаете?

— Скольких же ты загубил... — Рома скрестил руки, полуприкрыл глаза и кивнул, воображая себя великим трагиком. Но его боль не произвела на Гаровского никакого впечатления.

— Оставьте меня в покое! — заверещал он, пытаясь вжаться обратно в спящего.

— Вставай! — закричал Рома и потянулся к нему.

— Отстань! — Гаровский отмахнулся, но Рома поймал его руку и с силой потянул на себя. Полупрозрачный доктор на треть корпуса выдвинулся из тела и отчаянно закричал:

— Спасите! Помогите! Убивают!

– Эй, дружок! – послышался приятный баритон сзади. – Ты что это с ним делаешь? Отпусти его, что ли!

Рома повернулся и оторопел. Первый пациент тоже не спал: он полулежал на кушетке, удобно опираясь на согнутую руку; то, что при этом его локоть уткнулся точно в район его же – только спящего – носа, смуглого гиганта, казалось, не волновало.

– Помогите! – почувствовав поддержку, с новой силой заорал Гаровский.

– Отпусти!

– Да он убил меня! – огрызнулся Рома и дернул ещё раз.

– Техническая...! – не удержавшись, доктор вылетел из тела и рухнул на пол.

– Ты сам его сейчас убьешь! – первый вскочил.

– Лежи, дурак! – крикнул Рома, но опоздал.

С пульта тревожно запищало, замигала небольшая, но отчетливо красная лампочка.

– Ой! – хором сказали ассистентки, закрыли рты ладошками и посмотрели на коллегу Гаровского.

А он, никуда не глядя, сжал руками виски и пробормотал:

– Сбой... Двойной сбой... Один – незарегистрированный. Твою ж мать!..

– И зачем ты встал? – угрюмо спросил Рома.

– Помочь хотел, – незнакомец удивленно рассматривал руки. Не то, чтобы прозрачные, но... В общем, да – немного прозрачные. Что есть, то есть.

«Откуда только такие идиоты берутся?» – Рома затосковал, чувствуя свою вину.

– Я в суд на тебя подам, – плаксиво заныл Гаровский. – За-сужу. Ты со мной век не рассчитаешься.

– Я сам на тебя подам, – пообещал Рома. – Если вернемся. Ну-ка, рассказывай, как нам попасть обратно в свои тела?

– Обратно? – от неожиданности Гаровский даже перешел на нормальный голос. – В свои тела?

– Да!

— Не знаю, сможешь ли ты осознать эту информацию, — съязвил доктор, — но технология, предусматривающая такое возвращение, мне неизвестна.

— Что?

— Я же говорил...

— Э, доктор, ты не дури, — внезапно вступил в разговор смуглый. — Давай, возвращай меня... этой своей технологией.

— Да что же это на мою голову? — заплакал Гаровский. — Неужели непонятно говорю? Нет, нет такой технологии. Поздравляю вас: мы все мертвы. «Спи спокойно, дорогой друг». Хотя, какое «спи»? Старые тела на утилизацию, в новые закачают последние копии сознания. И все дела! А у меня сегодня вечером такие были планы, с эдакой красоткой!.. Ты зачем, придурок, вытащил меня оттуда?

— Думал, ты знаешь, как вернуться, — пристыженно ответил Рома.

— Некуда, некуда нам возвращаться! — доктор махнул рукой. — Там вместо нас уже давно другие люди! Эх...

— А что же делать?

— Да, и меня вот это интересует, — поддержал смуглый.

— Откуда я знаю? Мы, наверное, души, — Гаровский задумался. — Раньше души попадали на небо, но сейчас, с развитием пересадок, почти никто не умирает. Может быть, эта технология утеряна?

— Так ты тогда её заново разработай!

— Я не священник, а доктор! К тому же, я пока не знаю, хочешь ли на небо. Может, пойду лучше друзьями проведу... попрощаюсь.

— А у меня здесь никого нет, — грустно сказал смуглый. — Умерли все. Не было ещё тогда технологий...

— А ты кто? — заинтересовался Рома.

— Георгий Победов, штурман с «Далекого».

— С «Далекого»? Не может быть! — Рома чуть не замер с открытым ртом, как в детстве, когда взрослые начинали обсуждать «Далекий» и новости с орбиты. — Нет, ну это же надо! Облететь

всю Солнечную Систему и погибнуть на койке какого-то вшивого центра по пересадке!

— Я вас попрошу! — возмутился Гаровский. — А из-за кого всё это произошло? Этот «вшивый», как ты изволил выразиться, центр спас миллионы людей! А теперь его закрыли на аудит из-за одного идиота... — он задумался, — и двух неудачников, как не прискорбно это констатировать. Нет, не пойду ни с кем прощаться. Для них я жив и здоров. Сяду где-нибудь под открытым небом и буду медитировать.

— А я пойду, — внезапно решил Рома. — Посмотрю на дочку. Когда ещё её увижу?

— Вали, — Гаровский уселся на пол в позе «лотос» и медленно наклонил голову вправо, потом влево, откровенно прислушиваясь к ощущениям в шейных позвонках. — И почему я раньше йогой не занимался? Приятно! Жора, а ты с кем?

— А чего мне здесь с тобой сидеть? Схожу, тоже посмотрю на дочку. Ром, симпатичная?

— Протестная очень, — озабоченно ответил Рома. — Трудно с ней. Например, с шестнадцати лет не делала копии.

— Неосмотрительно, — Гаровский закрыл глаза и поднял руки ладонями вверх. — Ом мани падме хум, — загудел он в нос.

— Пошли быстрее, а то улетит, и нас утащит, — забеспокоился Жора. — Давай, веди, я же здесь ничего не знаю.

— Прощай, Гаровский, — грустно сказал Рома. — Прости, что так вышло.

— Ом мани... — уже без энтузиазма ответил доктор. — И ты меня прости... — он вздохнул, открыл глаза и заорал: — Куда? Куда? Я что, один останусь? Нет уж, я с вами! К дочке!

Машины ни у кого из них больше не было, поэтому Рома повел собратьев по несчастью к скоростному метро.

От станции «Зверосовхоз» до его дома было рукой подать. Не торопясь, троица молча шла пешком по обочине шоссе. Наконец, вдали показались рыжие кирпичные таун-хаусы.

– Ого! – оценивающе потянул Гаровский. – Красиво жить не запретишь. Небось, и свой садик есть?

– Зато от центра далеко, – попытался оправдаться Рома.

– А что центр? Зачем нормальному человеку в центр? – доктор пожал плечами. – Там только полиция и политики. Зато от клиники доехали за семь минут.

– Какая точность! Ты словно жильё присматриваешь!

Гаровский надулся и ничего не ответил.

– Да, изменилась Москва, – кивнул Жора. – Расплющилась на всю область, и в центре ничего не узнать. Где памятники, музеи, театры?

– А зачем это теперь? У всех пять-дэ телевизоры, погружения, имитации. Представляю себе нашу публику в театре! Интересно, будет хоть один без ай-всёшника? Причем треть будут смотреть ту же самую пьесу – только у себя на ладони.

– А как же подумать? Полюбоваться? Прикоснуться?.. Эх, – Жора махнул рукой. – Мы, конечно, ожидали, что всё изменится, но не так.

– А как? – спросил Гаровский.

– Понимаешь, доктор, – Жора наклонился и сорвал с обочины пушистый зеленый колосок, – ничего и не изменилось. Девайсы стали ещё навороченней, это да. Пересадки, бессмертие. Но по сути – всё по-прежнему. А люди поглупели. Это даже удачно, что я умер. Скучно мне здесь, вот что.

– Ну, ни скажи. Тоже мне, нашел удачу! – возразил Гаровский, но по существу спорить не стал.

– Вот и мой дом, – весело сказал Рома и, не удержавшись, похвастался: – Весь таун-хаус наш, целиком; а обычно – делят на две семьи.

– Чему же ты радуешься? – удивился Жора. – Тебе это разве не всё равно?

– Ну... – Рома смутился. – Всё равно, но приятно.

– Одного я не пойму, Романов. Ты ж кофеварки продаешь? – хмуро спросил доктор. – Откуда у тебя столько денег?

— У меня интеллектуальный труд, — с легким налетом высокомерия процедил Рома.

— Заходим? — штурман остановился у кованой калитки. — И где в этой машине искать твою дочь?

В этот момент справа от них тихо зажужжала и поднялась вверх дверь гаража. Сбивая заботливо высаженные кустики и боковые столбики, на подъездную дорожку вылетела красная спортивная машина.

— Если я хорошо помню мадам Романову, и если она не успела сменить имидж, — сказал противным голосом Гаровский, — то мадемуазель Романова уже сама нас нашла.

Входная дверь распахнулась, и на пороге появилась Ромина жена.

— Вернись немедленно! — заверещала она.

— Ни за что! — послышалось из притормозившей на мгновение машинки.

— Садимся, быстро! — Рома дернул за ручку двери, но пальцы прошли сквозь неё, не встретив сопротивления. — Черт, не так! Просто прыгаем внутрь, как в метро! Раз!.. — и он провалился в салон.

— Два!.. — рядом оказался Жора.

— А я заходил через двери! Тяните же меня скорее!.. — в салоне образовалась верхняя половина застрявшего доктора.

— На счет «три»! Да слезь ты с меня, Гаровский! Вроде бес-телесный дух, а что ж ты такой некомпактный?

— Мне положено одно сиденье! — сопротивлялся доктор. — Иди на переднее, к дочке. Ты же хотел на неё посмотреть!

— Зрелище... безрадостное, — внезапно сказал Жора.

Все замолчали.

— Наташа, — тихо позвал Рома, осознавая тщетность своей попытки.

Но, даже будь у него настоящий живой голос, она бы его не услышала.

Наташа рыдала, почти упершись лбом в руль. Изредка она поднимала глаза на дорогу, закладывая какой-нибудь немисли-

---

мый фортель. К счастью, трасса была почти пуста. Слезы струились по лицу девушки, собираясь в ложбинку под покрасневшим носом; потом, обогнув припухшие губы, стекали по мокрому подбородку и капали вниз, на мигающую светонитями футболку.

– Боже... я и не подозревал, что она так... – пробормотал Рома.

– Довели девчонку, – констатировал Гаровский.

К своему удивлению, Рома не услышал в его голосе ни сарказма, ни издевки.

– А безопасно ли так ехать? – взволнованно спросил Жора. – Здесь есть какой-нибудь... автопилот?

– Есть, но он действует только на простых участках, – быстро ответил доктор. – А она...

– ...А она едет на Окружную! – заорал Рома. – Наташа! Наташа! Через пятьсот метров развязка, там слепой поворот! Смотри вперед! Тормози же, девочка моя!..

Словно в ответ, Наташа нажала на газ, и машина взвыла.

– Тормози!..

Не в силах ни рассуждать, ни бездействовать, Рома скользнул вниз, в чрево машины, но не проскочил его насквозь, а удержался. Он увидел вертящийся с неистовой скоростью карданный вал и неподвижно замершие рядом с дисками тормозные колодки. Хватать их было бесполезно; но должен же был быть какой-то способ? «Я сам – эти колодки. Я стану колодка-ми!» – подумал Рома. Он опустил ладони в колодки, сгибая пальцы, повторяя их форму. «Я – колодки! Это я! Ну, всего один миллиметр!» – и потянул их к себе. На ощупь они казались податливыми, но существующими, как мягкое сливочное масло. «Я – колодки!» – и они дрогнули, сдвинулись с места, прижались к дискам. Искры посыпались из-под Роминых рук, раздался пронзительный свист, и машину резко трянуло, бросило влево.

– Заносит, заносит! – закричал кто-то сверху.

– Руль хватайте! – завопил Рома. – Выправляй занос, блин!

– Да как?

– Стань рулем! Залезь в него внутрь!

Словно какая-то сила аккуратно, но твердо подхватила вертящуюся машину, закончила вираж и мягко сдвинула вправо, к обочине. Колеса вращались всё медленней, искр уже не было. Рома убрал руки и выбрался наверх; машина, вздрогнув, остановилась.

Оглушая высоким гудком, совсем рядом, на расстоянии полуметра пронеслась дальнобойная фура.

– Господи... Как же это я затормозила-то? – прошептала Наташа, повернувшись к окну. Её лицо было похоже на белую тряпку с красными пятнами глаз, носа и рта. – Он меня чуть не раздавил...

Недолго думая, Рома подвинулся вперед и погрузился в приборную доску.

Изнутри она уже не казалась крутой и гламурной: нелепая путаница цветных проводов, обнаженные платы, неприглядные пластиковые панельки. Рома отыскал динамик и приник к нему губами. «Сработало один раз – сработает ещё!»

– Наташа! – позвал он.

– Наташа! – повторил динамик металлическим голосом.

– Да? – ошарашенно отозвалась девушка.

Ему хотелось наорать, отругать, отправить её к психиатру. Но он сказал то, что было где-то глубоко внутри – так глубоко, что он сам этого не понимал.

– Наташа, твои родители любят тебя. Они заняты делами, уделяют тебе мало внимания, что-то требуют – но они тебя любят.

И приходит момент, когда они понимают, ты – самое дорогое, что у них есть.

Береги себя, девочка.

Глотая слезы, Наташа кивнула.

– Сейчас успокойся и езжай обратно. Плакать надо дома, а не за рулем. Хорошо?

– Хорошо, – она опять кивнула, улыбаясь сквозь слезы.

– И последнее: сделай, пожалуйста, копию. Всё-таки твоей уже четыре года.

– Хорошо.

– Вот и славно.

Сделав движение вбок, Рома выбрался на проезжую часть и сунул голову обратно в салон.

– Пацаны, эвакуируемся.

– И что, мы отсюда пешком? Где ближайшее метро? – за-
ныл Гаровский, тоскливо разглядывая трассу.

– Спасибо, – внезапно сказала Наташа. И добавила, очень тихо, но Рома расслышал: – Папа.

– Куда теперь? – спросил Жора. – Какие ещё у кого дела остались?

– Я чист! – высокопарно ответил доктор.

Рома только пожал плечами.

– Значит, пора на небо, – штурман задрал лицо кверху, но, видимо, ничего не увидел. – А как? Смешно сказать: я ж сюда с неба и прилетел...

– С неба? С неба... – Гаровский задумался. – А нам туда и надо. Ты на чем прилетел?

– А то ты не знаешь!

– На космическом корабле! – воодушевленно подхватил Рома. – Точно! Проберемся на корабль, а в космосе разберемся. Может, нас там признают... за своих.

– И где мы его найдем? – скептически поинтересовался Жора.

– В Шереметьево-пять, конечно. И сегодня вечером – старт «Далекого-два». Штурман, подойдет?

– Это не «Далекий-два», а профанация. Людей нет, одна несчастная собачка. Птенец Белки и Стрелки, черт его дери!

– Люди больше не хотят в космос, – сказал Гаровский. – Вечную жизнь им подавай. Как подумаю о своей работе...

– А сам? Красотка из фитнес-центра, помнишь? – подначил его Рома.

– Да, и сам был не лучше, – доктор вяло кивнул. – Неужели человек становится человеком только после смерти?

— Хотя, это и хорошо, что собачка, — продолжал рассуждать о своем Жора. — Эй, философы! Где ваше Шереметьево-пять?

В зону космопорта и на корабль они проникли беспрепятственно. Правда, Гаровский слегка сопротивлялся:

— Что за корабль? Никаких удобств! Что за рубка? И вообще, есть гарантия, что нас там примут, в космосе? Скоро старт, куда мне сесть, чтоб пристегнуться?

— Кончай ныть, — осадил его Жора. — Негде пристегнуться, потому что на корабле не должно быть людей. Из живых — только песок.

— Гав! — сказал обнаруженный в пластиковой капсуле песок.

— Он нас видит?

— Вряд ли. Может быть, чует.

— Но корабль-то нештучный. А если поломка? Кто чинить будет? Тоже собачка? — не унимался доктор.

— Почему? Вон, видишь: роботы.

В отсеке рядом с песиком вдоль стены стоял стеллаж с тремя впечатляющими конструкциями. От человеческого в них осталась только голова — да и то, скорее, как дань форме, а не функционалу.

— Говорят: человек — венец творения. А почему тогда у них шесть рук, как у насекомых? Ног и вовсе нет. Внизу что? Колесики? Нет, вряд ли мы — цари природы, — Рома покачал головой.

— А я не отказался бы стать вот таким монстром, — внезапно заявил Гаровский. — Сильный, ловкий, быстрый.

— Умный?

— Ой, спасибо, я и сам умный. В этом не нуждаюсь.

— Ром, — вдруг вспомнил Жора, — а как у тебя получилось затормозить машину?

— А как у тебя — повернуть руль?

— Не знаю, — признался штурман. — Представил, что я с ним склеился, что ли? Наверное, очень захотел.

— Вот и я...

— А не склеиться ли нам с этими ребятами?

-
- С роботами, что ли?
- Не думал, что у бестелесного духа может поехать крыша, — съязвил Гаровский.
- Да ты как хочешь, доктор. А я попробую. Очень мне эта махина по душе, — и Жора шагнул внутрь робота. — Сколько рук! Ноги пристроил. Голова на месте, — механизм внезапно загудел, и окуляры вспыхнули красным цветом. — Поберегись! — робот беспорядочно замахал клешнями.
- И я! — Рома погрузился в соседнего. — Ух, слушается! Даже руки слушаются! — и он крепко залепил себе по голове.
- Как вы это сделали? — Гаровский прыгал вокруг своего, не решаясь к нему прикоснуться. — Эгоисты! Меня научите!

Разобравшись с управлением, призраки-роботы покатали в рубку. Жора рассматривал экраны и пульт, Рома подключился к бортовому компьютеру и удовлетворенно мигал светодиодами, Гаровский просто затих, словно о чем-то задумался.

— А я здесь останусь, — сказал Жора. — Не надо мне неба и рая, или что там. На первом «Далеком» летал, теперь на втором полетаю. Я штурман, или кто?

— И я останусь, — кивнул Гаровский. — Буду следить за собачкой. Вдруг лапку подвернет? Или съест что-то не то? Я доктор, или нет?

— И я, пожалуй, останусь, — присоединился Рома.

— А ты здесь зачем? Ты офисная крыса с кофеварками! — Гаровский выпрямился и торжествующе посмотрел на него сверху вниз.

— Ты плохо понимаешь, какие сейчас кофеварки, — снисходительно ответил Рома. — После них программы управления полетом кажутся детскими каракулями. Так что, буду у вас капитаном. Я же менеджер!

Корабль загудел, задрожал, и команду основательно потрянуло, вжимая в пол. Точнее, потрянуло бы, если бы команда не была металлической, и если бы магнитные присоски не припаяли её намертво к полу.

– Ура покорителям космоса! – заорал Гаровский. – Мы, трое героев на этом корабле...

– Чего трое-то? – усмехнулся Жора. – Кто тут ругался эгоистом? А сам собачку-то забыл!

– Ах да, собачка... Трое или четверо? Рома, ты что скажешь?

– Без разницы.

– Нет, это серьезный вопрос. И, думаю, я буду не первым, кто его задает: надо ли в такой ситуации считать собаку?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ИЛЬЯ КРИШТУЛ. НЕ ПАНИКУЙТЕ!

Что такое паника? Это крик «Мы падаем!» в самолёте, когда чуть-чуть изменился звук самолётного двигателя. Это суровые женщины в магазинах, сметающие с полок сахар и гречку. Это испуганный грибник, заблудившийся в небольшом лесочке и бегущий по кругу, вместо того, что бы спокойно выйти на дорогу. Это алкоголик, испытывающий приступы панической атаки каждое утро — где он? Кто он? Что было вчера? А было ли вчера? Это вызов машиниста по громкой связи в метро, когда поезд на минутку притормозил в туннеле — «Скажите, мы задохнёмся? А я успею написать прощальное письмо?».

Собака, потерявшая хозяина и мечущаяся по улицам, это тоже пример паники...

Панике подвержен даже картофель, как недавно выяснили израильские учёные. Непонятно, правда, зачем они это выясняли, но им, учёным, виднее, чем заниматься. Может, они впали в панику, осознав, что у них за год ни одного научного открытия и им урежут финансирование. Тут картошка и подвернулась. Причём *Solanum tuberosum* — так называется картофель в научном мире — сначала не реагировал на работу учёных, но евреи люди упорные, а паникующие евреи тем более. В итоге они создали картошке такие условия, что она тоже запаниковала. Как это выглядело? В докладе, посвящённом эксперименту, написано, что картофель в состоянии паники начал выделять огромное количество флуоресцентного белка, но лично я думаю, что картошка стала в ужасе разбегаться. Тогда у этого научного открытия появляется экономический смысл — ведь можно будет прямо на грядках ввести картофель в состоянии паники и спокойно

ловить его вёдрами, когда он вылезет из-под земли и, ничего не соображая, побежит прочь от огорода.

А вот на тонущем «Титанике» паники сначала не было. Среди людей не было, картофель, может, и паниковал где-то глубоко в продуктовом трюме. Как потом вспоминали выжившие пассажиры — на палубе играл оркестр, все уступали друг другу места в лодках, не особо торопясь покинуть корабль... Паника началась, когда «Титаник» накренился. Образовалась толпа, возникла давка, люди перестали здраво мыслить и, в итоге, сами себе мешали пройти к лодкам, которые отплывали полупустыми. Выжило всего 712 человек, меньше половины от общего количества пассажиров и членов экипажа. Замёрз и утонул даже Ди Каприо...

Картофель, кстати, потонул весь.

Так вредна или полезна паника? Психологи не пришли к единому мнению, но в одном они солидарны — паника на людях, в толпе опасна и чревата. Недаром во время войны паникёров расстреливали безо всяких сожалений и очень жаль, что в мирное время это делать запрещено. А вот паника наедине с самим собой... Кто-то из докторов говорит, что это даже полезно, так организм побеждает стресс, а кто-то при первых симптомах панической атаки советует немедленно лечь в психиатрическую клинику. Странно, что туда не положили израильских учёных за их картофельные эксперименты...

Китайцы, подарившие миру шикарный повод для паники — коронавирус, недавно с извинениями выбросили на прилавки игрушку-антипанику под смешным названием «Пупырки». Это что-то похожее на всем известные пупырышки из упаковочного полиэтилена, которые обожают лопать все, включая человекообразных обезьян. Моя дочь сразу эти «Пупырки» купила, как и все её одноклассники, чтобы не паниковать перед ЕГЭ. А так как я подвержен паническим атакам и сейчас идёт футбол с участием нашей сборной, я эту игрушку у неё отнял. На время матча, конечно. И, пока сборная России под своим любимым лозунгом «Главное — не победа, а участие» играет, как она думает,

в футбол, я совершенно спокойно лопаю пузырьки и полностью умиротворён и безобиден. Как и наши футболисты. И под этот футбол я совершил научное открытие, хоть и не являюсь израильским учёным. Вот оно:

От паники спасают только три вещи. От лёгкой паники в замкнутых пространствах на земле (такси, поезд, жена в квартире, «Почта России» и т. д.) спасёт эта самая игрушка «Пупырки». «Ваша бандероль утеряна, разорвана и истоптана.» — говорит работник почты. Вы с улыбкой давите пузырьки, а не начинаете паниковать и звать начальника отделения... Более сложный случай — турбулентность в самолёте, застрявший лифт без света, утечка кислорода на космической станции. Спасает задержка дыхания и старая присказка: «Икота, икота, уйди на Федота, тревога на Серёгу, паника на Виталика». Всё — вы спокойны, а где-то икает Федот и паникует Виталик. Самый страшный случай — паника из-за падения котировок нефти, из-за надвигающегося голода и отсутствия питьевой воды, из-за развода и смертельной болезни. У вас две мысли: «Как жить дальше и зачем жить дальше?». Гоните эти мысли вон! У паники есть символ — картина художника Мунка «Крик». Покупаете эту картину, только не копию, а оригинал, вешаете на стену — паника исчезает. Ушла жена? В холодильнике нет омаров? Вы заболели коронавирусом? Надвигается конец света? Да бросьте — у вас на стене висят 120 миллионов долларов! Берёте себе новую молодую жену, просите её заказать омаров, вызываете лучших врачей, а конец света это вообще не для вас, это для тех, кто за свет не платит. Вы тоже не платите, но у вас своя электростанция, что ж вам, самому себе платить? Посмотрели на картину, вышли на балкон своего особняка, сели в шезлонг, плеснули в бокал виски и любуетесь ласковым Средиземным морем. А тут уже и омаров привезли, и медицинские светила подъехали. Какая паника?

А умрут всё равно все, просто кто-то раньше, кто-то позже... Кто-то в комнате коммунальной квартиры на продавленной тах-

---

те, а кто-то на диване из кожи крокодила под картиной Мунка «Крик». И какая разница?

Чего паниковать-то?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие составителя	3
Все оттенки черного	7
Андрей Царёв. Хранитель мира	7
Игорь Книга. Сила веры	9
Юрий Табашников. Падший	22
Александр Гуляев. Холмс против Потрошителя	33
Василиса Павлова. Мэри и Мадлен	37
Алла Кречмер. В Москву!	52
Илья Криштул. Картинка на шкафчике	64
Дарья Странник. Нирвана с побочными действиями	66
Александр Грубиноски. Оз	69
Дмитрий Иванов. Куда уходят клоуны?	75
Дарья Странник. Берёзка	82
Анна Семироль. Лесной олень	84
Дмитрий Вагнер. Бабайка	95
Андрей Загородний. Печень	99
Владимир Марышев. Ерундистика	101
Серст Шерус. Зелёная фея	104
Сергей Резников О том, как стать богатым	109
Сергей Калабухин. Махмудыч	114
Валерий Цуркан. Сын вечного мрака	122
Павел Веселовский. Огонь и кровь	137
Мария Еремина. Экзамен по латыни	145
Юлия Рубинштейн. Птенчик	156
Сергей Резников. Памятник	168
Кирилл Берендеев. Возрождение	171
Татьяна Нестерова. Жалко аистов	176
Елена Сандрова. Миссия	181
Сергей Фокин. Петровна	185
Игорь Маранин. Степаныч, Верка и Мурзавчик	192
Анастасия Пушкива. Шутка	203
Борис Богданов. Виктор Павловски, чудовище	212
Андрей Загородний. Хочется замуж	219

Анна Семироль. Так не доставайся же ты...	231
Сергей Фокин. Зажечь звезду	234
Елена Шмидт. Суаре на костях	243
Анна Рэйвен. Добрый Некромант	246
Андрей Царёв. Что посеешь	253
Даля Трускиновская. Правосудие	254
Юлия Рубинштейн. Собственноручно	260
Женя Стронка. Моя дорогая	270
Вадим Астанин. Дежурная игла Кощя	273
Анна Рэйвен. Назло	278
Александр Лещенко. Зараза к заразе липнет	283
Евгения Юрова. Гуманист	287
Эльрида Морозова. Болезнь под названием «Любовь»	291
Женя Стронка. Мой друг – оптимист	300
Ольга Дорощева. Трое, не считая	312
Вместо послесловия	328
Илья Криштул. Не паникуйте!	328

Все оттенки черного

Составитель Кирилл Берендеев
Корректор Александр Барсуков
Корректор Дмитрий Иванов
Художник Студия Даркмун Арт

Астанин, Берендеев, Богданов, Вагнер, Веселовский, Грубиноски, Гуляев, Дорофеева, Еремина, Загородний, Иванов, Калабухин, Книга, Кречмер, Криштул, Лещенко, Маранин, Марышев, Морозова, Нестерова, Павлова, Пушкова, Резников, Рубинштейн, Рэйвен, Сандрова, Семироль, Сторонка, Странник, Табашников, Трускиновская, Фокин, Шерус, Шмидт, Царёв, Цуркан, Юрова в сборнике «Все оттенки черного».

Мертвые встали из могил и требуют равноправия. Колдуны проводят тайные обряды, чтоб получить налоговые вычеты. Терапевты со всей страны собрались на свой шабаш... Эти и другие страшные и смешные истории вы найдете на страницах нашего сборника.

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!